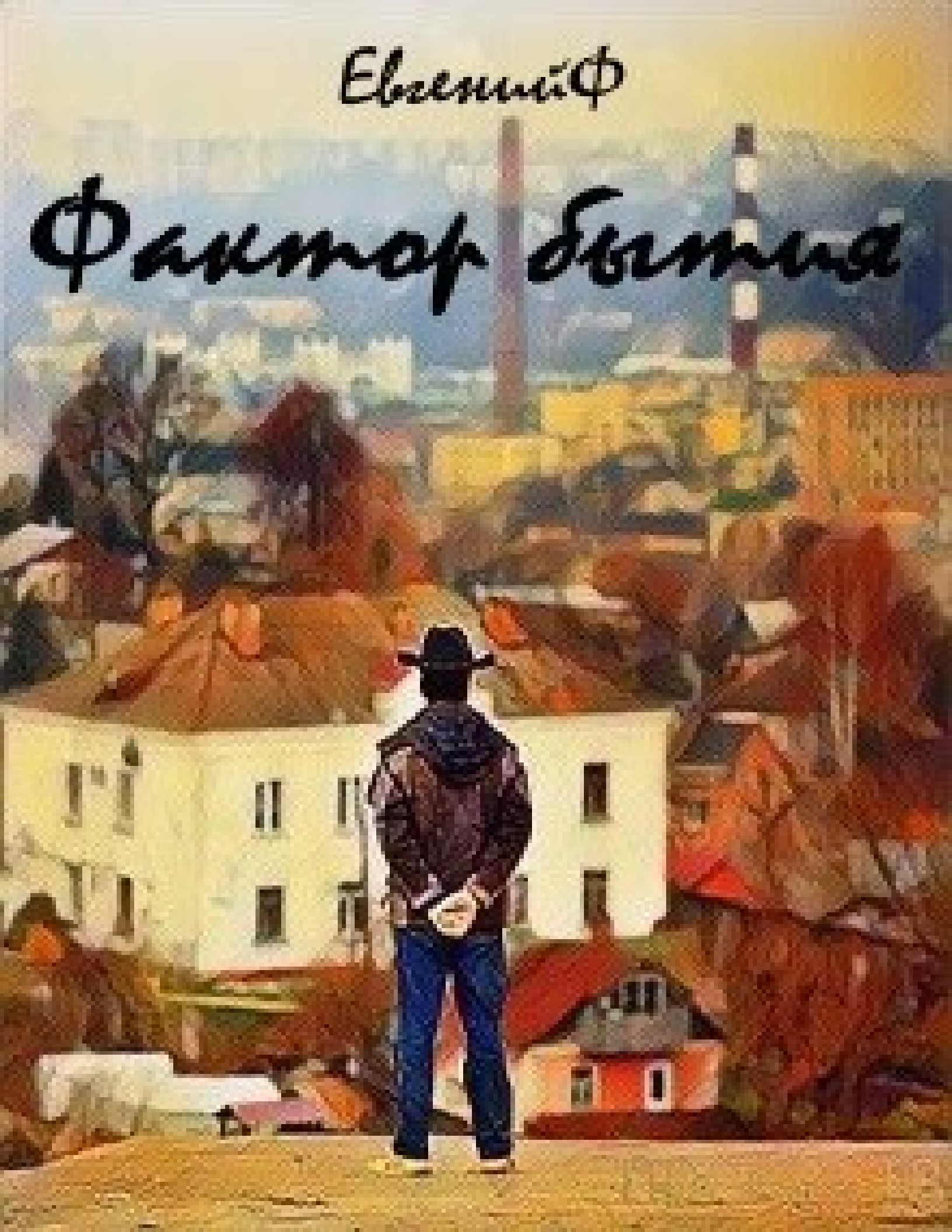
Евгений Ф

Фактор бытия



Annotation

В 2021 году солнечные свет начал сводить людей с ума, этот период назвали Шабашом. Многие - убивали, многие - умирали, а иные - под воздействием света изменялись и превращались в странных существ, позже прозванных псевдо. Но небольшому количеству людей всё же удалось выжить и остаться в здравом уме, но им пришлось начать вести ночной образ жизни.

Через восемнадцать лет Янус Буква, юноша родившийся уже после Шабаша, покидает свою небольшую общину и отправляется в поход через заполненный псевдо город к таинственному Арксу. Ему предстоит найти ответы на вопросы: что произошло с людьми, кому и для чего нужны псевдо, что за таинственные лешие обитают в лесах вокруг города и в чём смысл существования человечества?

- Пролог
- Глава 1. Приют тётушки Лизы
- Глава 2. Дела Шаманские
- Глава 3. Мечта ходока
- Глава 4. Смерть и странные гости
- Глава 5. Необычная находка Сонной
- Глава 6. Хозяева крепости
- Глава 7. Отголоски прошлого
- Глава 8. Крысий забег
- Глава 9. Пленники мечты
- Глава 10. Метка "чёрной"
- Глава 11. Нечаянный напарник
- Глава 12. Поколения
- Глава 13. Победа и поражение
- Глава 14. Чудо
- Глава 15. Когда приходят "чёрные"
- Глава 16. Почти человек
- Глава 17. Мамонты
- Глава 18. Новые порядки
- Глава 19. Билет в лучшее будущее

- Глава 20. Новый дом — новые проблемы
- Глава 21. Горькая месть и сладкое ожидание
- Глава 22. Городские жители
- Глава 23. Одиночество Вьюна
- Глава 24. Неразлучные
- Глава 25. Недолгое затишье
- Глава 26. Отвлекающий манёвр
- Глава 27. Прорыв
- Глава 28. Неслучайные события
- Глава 29. То что не должно существовать
- Глава 30. Люди и нелюди
- Эпилог.

Фактор бытия

Пролог

Желание убивать исчезло так же неожиданно, как и появилось. Тётушка убрала изувеченные тела из коридора в дальнюю комнату и смыла с пола кровь. Потом долго стояла над тазом с красной водой и смотрела на свои окровавленные руки.

Ей было жаль ребят. Но что поделаешь? Жизнь нынче сложная, и мало кому удаётся умереть своей смертью. А они считай и не мучились.

Тётушка вымыла руки. Тёрла их долго и усердно. Просто, чтобы хоть что-то делать и не думать об уже убитых и о тех кого предстоит убить. Но избавиться от лезущих в голову неприятных мыслей никак не удавалось.

За прошедшие после Шабаша годы она не единожды видела, как люди становятся псевдо, и всегда удивлялась, почему даже самые сильные представители рода человеческого неспособны свести счёты с жизнью при первых симптомах бесноватости. Но сейчас тётушка знала ответ на этот вопрос.

Помимо злости и силы бесноватость "одаривала" ещё и невероятным желанием жить. Пусть все умрут. Дети, внуки, друзья, близкие, случайные люди — они не важны. Жить в жестокости, в одиночестве или лишившись рассудка — не играет роли. Главное — остаться на этой бренной земле.

Прозвенел колокольчик. Кто-то просился в гости.

Глава 1. Приют тётушки Лизы

Здание приюта было похоже на другие дома в этом районе города: пять этажей, уродливые с осыпавшейся плиткой стены и ряды невысоких, наглухо заколоченных окон. Только массивная железная дверь на входе и выведенная на стене ярко-красной краской крупная надпись делали его отличным.

Рассмотреть ночью, что же там на стене написано было невозможно, но при свете дня слова кидались в глаза каждого, кто проходил мимо. Надпись гласила: "Приют тётушки Лизы".

Но ни Крепа, ни Вестника она не интересовала. Ходоки хорошо знали того, кто здесь живёт и поэтому, дёрнув за уходящую по стене на третий этаж верёвку, спокойно ожидали ответа.

Креп упёр в землю древко короткого копья и сложил на нём руки, а Вестник непринуждённо облокотился о стену. Дверь в приют открывалась только изнутри, и немолодой хозяйке нужно время, чтобы, расслышав звон колокольчика, выглянуть в смотровое окошко и потом спуститься ко входу.

Вскоре дверь отворилась, и тучная женщина с крупными заспанными глазами впустила ходоков внутрь.

— Рада вас видеть, ребята, — поприветствовала она гостей и обняла поочерёдно обоих. — Давно не заходили. Забыли старушку.

— Какая же ты старушка, тётя Лиза, – с лёгким укором в голосе сказал Вестник.

Креп слегка опустил голову и поцеловал женщину прямо в макушку.

— Ты дама в расцвете сил.

– Ой, Крепыш, ты и скажешь.

Тётушка смущённо отмахнулась и, взяв под руки ходоков, двинулась вместе с ними вверх по лестнице.

– Тишина нынче у меня, – заговорила она. – Ещё какой год назад от вашей братии отбоя не было. Бывало дневать человек по двадцать соберётся. Веселья вдоволь. Хотя иногда и зубы выбитые собирать приходилось, и от гончих отбиваться, но всё же на жизнь те времена больше походили. Не то что сейчас — тишь да печаль.

Жилище тётушки выглядело аскетичным, но в то же время не казалось лишённым уюта. Пол комнаты был застлан ковром. Лишь возле прямоугольного стола с двумя скамейками по соседству светился островок голого бетона, на котором была установлена чугунная печка. У одной стены, скрывая рваные обои, громоздились трельяж и платяной шкаф с резными дверцами. Напротив них стоял диван со слегка обшарпанной обивкой. Стену над ним закрывали разномастные картины. Хозяйка приюта любила живопись, хотя по своему личному признанию сама с трудом прямые линии от руки рисовала.

Пока ходоки усаживались на скамейку, тётушка хлопотала возле печки.

Вестник смущённо взглянул на открытые ставни.

— Тётя Лиза, тебе помочь? — сказал он.

— Сиди, помощничек. Вы у меня в гостях, так что не суетитесь. Разрешите старушке за вами поухаживать.

В печи ненавязчиво затрещали дрова. Тётушка поставила греться чайник с водой и подошла к столу.

— Лучше рассказывайте, откуда идёте? А то скучно мне. Приют давно пустует. Редко кто заходит.

— Сергей Николаевич хочет Тихие воды разделить, — неожиданно изрёк Креп.

Тётя Лиза удивлённо присвистнула.

— Я всегда говорила, что вашей общине с главой повезло. Валевский мужик толковый. Но эта идея мягко говоря странная. Случилось чего?

— Гончие постоянно шастают вокруг изгороди, — ответил Вестник и вновь взглянул на окно.

В сердце начал закрадываться страх. Ставни пора закрывать, но тётушка в сторону окна даже не смотрит.

— Людей у нас слишком много, — продолжил он. — Только за последний месяц три малыша появились. Вот твари и суетятся. В Театральной и в Южной народу поменьше, так что в этом плане, можно сказать, им повезло.

— Псевдо всегда привлекали большие группы, – согласилась тётушка.

Чайник закипел, известив об этом негромким шипением, и она посеменила заваривать настойку.

— Мы неподалёку место для новой общины разведывали, — закончил свой короткий рассказ Вестник.

На стол опустились две железные кружки и тарелка с печеньем.

— Ну, и как?

— Нашли двухэтажку с большим внутренним двором, — сказал Креп, махнул рукой за окно и первым принялся за тётушкины лакомства.

— Неплохое местечко, — набив полный рот, добавил он.

— Это в Первомайском переулке, возле сожжённого музея?

Креп кивнул.

— Знаю. Там больница раньше была.

Тётушка перевела взгляд на Вестника.

— А ты чего не кушаешь и настой не пьёшь?

— Устал. Ничего не хочется.

И всё же, чтобы не обидеть тётю Лизу, Вестник откусил кусочек печенья и неспешно прожевал.

Мягкое, рассыпчатое, в меру сладкое.

— Вкусно, — признался он, но радости от приятной еды не испытал, а всё потому что тётя Лиза ни разу не взглянула за окно.

Последняя звезда растворилась в первых лучах рассвета, но тётушка с неправильным спокойствием буравила взглядом гостей.

— Ещё подлить настойки?

Креп схватил с тарелки последнее печенье и засунул его в рот целиком.

— Уплетай, Крепыш, уплетай. У меня есть ещё, — заверила тётушка. — Я сейчас положу.

Ходок отмахнулся.

— Спасибо, но не стоит. Себе оставь, а то объедаем тебя по полной.

Его голос слегка дрогнул. Практически незаметно, но Вестник хорошо знал друга и поэтому сразу понял, что и его посетили неприятные подозрения.

— Себе...

Тётушка замерла. Её пальцы сжались в кулаки, голова опустилась на грудь, а редкие распущенные волосы седыми копнами скрыли лицо. Руки заплясали мелкой дрожью.

— Ко мне два дня назад наведывались, Шуша и Кит, — неожиданно заговорила она, словно и не находилась мгновение назад в ступоре. — Говорили, Карим опять бузу в Южной поднимает.

— Ну, и чего ему нового в голову взбрело? — слегка наигранно усмехнулся Креп.

Карим Самаев был щупленьким старичком. Худые руки, худые ноги, вытянутое, со впалыми щеками лицо. Он постоянно кряхтел и постанывал. Но все внешние недостатки главы общины "Южная" затмевали его несокрушимый оптимизм и постоянное стремление к переменам. Самаев всё время был в движении, словно стоило лишь на миг остановиться, и жизнь закончится.

— Карим хочет создать отряды зачистки.

— Какие ещё отряды зачистки? – воскликнули в один голос ходоки.

— Старый надумал, освободить город от псевдо.

Тётушка поставила на стол пустую тарелку и устало опустилась на скамью напротив ребят.

— Как сказала Шуша: "Общины растут, а тварей меньше не становится. Вот и нужно, либо нам уходить, либо им". Она на пару с Китом в Театральную пробирались, с предложением от Карима.

— Цель у Самаева хорошая. Только этого мало, — усомнился Креп. – Чего он хочет? Собрать людей и идти стенка на стенку против псевдо? Разорви меня "пастух", но проще сразу в "ночлежку" нырнуть.

С его словами нельзя было не согласиться, но и старик Самаев в дураках не числился. Раз решил воевать, значит есть у него план, и точно не самоубийственный

– Надо будет Валевскому эту новость сообщить, – сказал Вестник. – Неспроста южане зашевелились. А ты, тётя Лиза, что думаешь?

А тётушка вновь понурилась. Плечи дёрнулись несколько раз. Она с усилием сжала зубы, прикусив нижнюю губу. С краешка рта упала капелька крови.

— Шуша и Кит на днях заходили. — И вновь слова сорвались неожиданно. — Говорили, Самаев войну затевает.

— Мы недавно сами в Южной были, — словно и не заметив, что тётушка начала повторяться, нарочито спокойно сказал Вестник. — Виделись с дядей Петей. Он просил передать, что в скором времени забежит в гости.

— Братец, дорогой, — взгрустнула хозяйка. — Давно не захаживал. Рада буду видеть.

Креп опасливо поёжился, — дядя Петя уже два года как умер. Всё было плоха, а в ближайшие минуты станет ещё хуже, ведь через раскрытое окно комнату начал заливать солнечный свет.

Тётушка развернулась вполоборота и схватила с полки кухонный нож.

— Да вы берите печенье, берите. К Петькиному приходу я ещё напеку.

Она ловко взмахнула ножом, и четыре пальца с левой руки упали на тарелку.

— Кушайте, — повторила хозяйка приюта и ещё одним плавным движением отрезала большой палец.

Вестник взглянул на окровавленный стол. К горлу подкатил ком.

— Спасибо тебе за всё, тётя Лиза, — выдавил ходок, — но нам пора.

Он поднялся, а тётушка утробно зарычала и резким движением толкнула стол вперёд, усадив Вестника на место.

Ходоки переглянулись. С каждой минутой в комнате становилось светлей, уже начинали слезиться глаза, а тётушка всё больше впадала в безумие.

Креп в свои шестнадцать лет был наделён недюжинной силой, в отличии от худощавого, но вёрткого Вестника, потому и действовать начал первым. Он ухватил обеими руками стол, рывком поднял его и, прикрываясь словно щитом, рванул на тётушку. От удара хозяйка приюта влетела в трельяж. Со звоном рассыпалось тяжёлое зеркало. Отрезанные пальцы посыпались на пол, а нож с треском пробил столешницу и прорезал ходоку кофту, самую малость не достав до тела.

Креп что есть силы вдавил в стол и закричал:

— Вес, уходим!

Он с лёгкостью переворачивал остовы легковушек и вышибал двери в домах, и это его незаурядное качество не раз спасало ребятам жизнь. Но противостоять бесноватой даже Креп долго не мог.

Вестник успел схватить рюкзак и отскочить к двери, как тётушка одним толчком, сопроводив его нечеловеческим рыком, отбросила Крепа вместе с его "щитом" к стене.

От удара взгляд Крепа помутнел. Сознание тут же улетучилось, и он сполз на диван. На спину и голову упало несколько сбитых со стены картин.

Вестник бросился выручать друга. Он выдернул нож из прикреплённой к запястью кобуры и двинулся в атаку. Страшно не было. Было противно, от понимания, что перед тобой чудовище в обличье родного человека. Всего минуту назад тётушка смотрела любящими глазами, а сейчас её вело единственное непреодолимое желание убивать.

В бесноватых в отличии от остальных псевдо было больше всего человечного. В них ещё теплились воспоминания и знания из людской жизни. Но вместе с тем сила, выносливость и злоба делали их очень опасными.

Вот и сейчас неповоротливая тётя Лиза превратилась в шустрого монстра.

Обоюдоострое лезвие полностью вошло в её тело, а тётушка, словно не заметив этого, ударила наотмашь.

Вестник нырнул под руку бесноватой, одновременно с этим выдернул нож.

Оружие вновь наготове.

Прямой в живот, рывок в сторону...

Опоздал. Всего на мгновение, но опоздал...

Толчок — словно тараном! — пришёлся в грудь.

Ноги взметнулись выше голову, и, пролетев по воздуху метра полтора, Вестник растянулся на полу. Он попытался вдохнуть, но боли было слишком много, и лёгкие не желали принимать порцию живительного воздуха.

— Зачем вы так?

Лицо тётушки исказилось в злобной гримасе.

— Я вас накормила, приютила...

Ей удалось сделать лишь шаг, как ноги скользнули на лужице собственной крови. Грузное тело взмыло вверх и упало на пол. Бесноватая громко засмеялась.

Очнулся Креп. Спина ныла, но ведь он был живой — и это главное. Завидев, как псевдо неистово хохочет, ходок ухватился за платяной шкаф и оторвал его от стены. Гнилые ножки захрустели, а шкаф со старческим скрипом накренился и рухнул на бесноватую.

Креп подобрал копьё и рюкзак, помог подняться Вестнику и вместе с ним вывалился в коридор.

Убить бесноватого сложно, тем более днём, когда их силы изрядно увеличиваются. Сейчас ходокам стоило бежать.

Они промчались по узкому коридору, мимо хаотично налепленных запертых дверей.

Креп влетел на лестничную площадку первым. Следом забежал Вестник и остановился. Дышать было тяжело и больно.

— Ты чего? — занервничал Креп.

— Сейчас, — простонал Вестник. — Дай отдышаться.

Бесноватая выбралась в коридор и медленно поплелась следом за ними.

— Не убегайте! Я вам ничего не сделаю! — закричала она и вновь засмеялась.

— Некогда, Вес, некогда. Если догонит — дышать вообще никогда не придётся, — торопливо проговорил Крепыш и потянул друга за руку вниз по лестнице.

Лестница была затемнена до первого этажа, поэтому долго преследовать бесноватая не станет, но вот её вопли могут привлечь гончих, и тогда шансы уцелеть резко уменьшатся.

Вестник перескочил сразу через несколько ступеней. Споткнулся, но на ногах устоял. С болью сделал два полных вдоха.

Первый этаж встретил их молчаливым мраком.

Вновь потянулся коридор и упёрся в запертую на мощный засов дверь.

У выхода Креп остановился и натянул на лицо плотную тканевую маску.

— Вес, ты как?

Вестник поднял на кофте высокий воротник, надел тёмные очки, стянутые на затылке резинкой, и так же как и напарник скрыл лицо балаклавой.

— А ты как думаешь? — буркнул он и выдернул из рюкзака небольшую фомку. — Слева, шагах в двадцати, люк. Я вскрываю, ты зачищаешь.

И засов, и дверные петли были хорошо смазаны, поэтому дверь открылась беззвучно.

Стены зданий, яркая трава, жёлто-зелёная листва взмывавших ввысь тополей — всё перед глазами ходоков оказалось мутно-чёрным. Их очки практически не пропускали солнечного света.

Вестник подбежал к канализационному люку. Подцепил его край фомкой и дёрнул кверху.

Слева закопошилась масса из человеческих тел.

Утро. Начали просыпаться отрешённые. От одного взгляда на них Вестнику стало отвратительно. Тошно было представить, что в скором времени ряды этих тварей пополнит тётя Лиза. А может она станет гончей и будет отлавливать других городовых. Или же превратится в изгнанного своими же псевдо-братьями уродливого изгоя.

Как только люк отошёл в сторону, Креп передал копьё Вестнику и юркнул вниз, сжимая в руке широкий тесак.

Вестник выждал пару секунд и прыгнул следом.

В таких местах частенько дневали "крысы", но на этот раз тесное укрытие оказалось пустым.

Креп задвинул тяжёлый люк и, оказавшись в кромешной тьме, стянул очки, маску и достал фонарик.

По убежищу забегал лучик, осветив все прелести и радости укрытия. По бокам — замшелые, вонючие бетонные стены, а на песчаном дне — ломанные практически в труху кости.

— Красота, — съязвил Крепыш.

Вестник уселся на землю и бездумно уткнулся взглядом в свои старые кеды на ногах. Его и так бледное лицо стало и вовсе мертвецки белым.

Креп выключил фонарь и опустился рядом. Было тесно, но никто из псевдо не заглянет сюда, если, конечно, вести себя тихо.

— Мы должны вернуться, — неожиданно заговорил Вестник. — Тётя Лиза всегда боялась превратиться... Я обещал ей...

— Я знаю, — перебил друга Креп. — Ночью пойдём, а пока отдыхай.

Глава 2. Дела Шаманские

Пески были маленькой деревней. В гуще леса на берегу Волги ютились всего полтора десятка изб. Долгие годы песковчане в безмятежном спокойствии копались в земле, ловили рыбу, охотились, рожали детей и умирали. Деревенька, словно находясь и не на территории великого СССР, жила своей обособленной от всего остального мира жизнью.

Но вечно так продолжаться не могло.

В один обычный для песковчан день произошло необычное событие. По старой дороге, которая видывала лишь колёса телег, лошадиные копыта и людские ноги, в Пески примчался УАЗ с лесниками, а следом за ними в деревушку нагрянули вальщики. Деревья в округе росли древние и мощные.

С каждым днём пришлых становилось больше. Дорога в деревню ширилась. Вскоре край как уютное место для отдыха облюбовали высокопоставленные чинуши.

Пески начали расти и преображаться, превращаясь из маленькой захудалой деревушки в комфортный городок.

Годами город процветал, а потом Советский Союз рухнул. Многие из приезжих ринулись прочь из захолустья в большие города. У новых бонзов появились новые места отдыха. И подросшие Пески вновь стали никому ненужными и забытыми.

Зато помнил о лесном городке маленький Юрка Князев, десятилетний мальчуган, которого отец лесоруб таскал за собой по всей стране. Юрка верил, что когда-нибудь вернётся в это волшебное место, туда где он родился и прожил девять первых лет своей жизни.

Так и случилось. Через двадцать шесть лет он возвратился в Пески, но уже не наивным Юркой, а одним из самых богатых и влиятельных людей России.

Князев был человеком расчётливым. Каждое его действие, каждое слово имели лишь одну цель — увеличение прибыли. Все кто знали Князева, считали его ханжой. Думали, что богач зарабатывает деньги только ради самих денег. Но это было не так. У Юрия Андреевича была тайна, которой он посвятил всю свою жизнь.

Непомерно щедрые траты с его стороны позволили Пескам превратиться в невероятно красивый туристический город. Полные дикого зверья бескрайние леса, богатое рыбой русло Волги, чистый и свежий воздух — всё это манило иностранцев в раннее никому не ведомые Пески.

Юрий Андреевич сделал многое для города. Баснословные суммы, выделяемые на облагораживание и расширение Песков, вызывали удивление у людей, хорошо знавших Князева, а вот жители города любили Юрия Андреевича и помнили своего доброго мецената даже после его смерти. Помнили, когда Пески приобрели благозвучное название Старопесковск.

И забыли во времена Шабаша.

Тогда многое забылось. Слишком неожиданно и жестоко мир изменился. В одно яркое утро песковчане вышли на улицы, на свет, а к полудню начали убивать друг друга.

Вскоре пришло понимание, что именно Солнце несёт сумасшествие и гибель, и уцелевшие в потёмках покинули город, ушли от разъярённых бесноватых в леса. Но жить на лоне природы людям, познавшим блага цивилизации, слишком сложно. Даже превратившись в ловушку, город манил к себе. Не прошло и года, как многие вернулись назад. Но и там они оказались лишними. Старопесковск занимали доселе неведомые твари. Люди оказались на распутье, трепетно замерли перед выбором, уйти обратно в лес или попытаться ужиться с новыми соседями. В итоге они разделились. Одни, позже прозванные лешими, скрылись в чащобе, полностью отрешившись от городского быта. А другие — городовые — нашли убежища в подвалах и закрытых от света зданиях. Вскоре городовые разбились на три общины.

***

"Театральная" светилась ярко. Фасад здания Большого Старопесковского театра — он хоть и был единственным в городе, но его размерам и внутреннему убранству могли позавидовать и более известные столичные "родственники" — змейкой оплетали десятки метров гирлянд. Крышу венчали треноги с мощными прожекторами и ветряки, дающие для всей этой красоты энергию. Даже на покатом своде купола, укрывавшего большой концертный зал, ходоки умудрились закрепить один из прожекторов.

С других сторон Театральная не была столь яркой, да и не для кого было её там освещать. Задней стеной здание срасталось с Музеем современного искусства, создавая комплекс с гордым названием Городской центр творчества. С двух сторон комплекс отгораживал от Старопесковска бетонный забор, а с третьей, с тылу, подход для незваных гостей перекрывала обрушившаяся пятиэтажка.

Пережитки – именно так называли молодые ходоки переживших Шабаш стариков – рассказывали, что в одной из квартир этого дома жил военный, знатный любитель оружия, и когда грянул Шабаш, то ли испугавшись происходящего, то ли став бесноватым, вояка подорвал весь свой спрятанный в квартире и подвале арсенал, тем самым превратив прекрасную новостройку в непролазные руины. Как бы это эгоистично не звучало, но большинство театральщиков были благодарны прапорщику Филипенко за столь качественную баррикаду.

Вот и освещали они только главный вход, словно спасительный маяк для заблудших ходоков. Ни Тихие воды, ни Южная не могли себе позволить такой роскоши, всё потому что не было у них своего изобретателя. А вот в Театральной жил Шаманский Виктор Андреевич, известный на весь город как Шаман.

Щупленький пережиток с юркими тёмными глазами и проплешиной на голове любил своё прозвище, и сам настаивал, чтобы его так называли, а не по имени и отчеству.

Шаман, не взирая на то, что был пережитком, "порог" так и не переступил. В отличии от большинства своих сверстников он мог, укутавшись в одежды, и днём ходить по городу, не боясь тут же свихнуться, но не хотел этого делать. Не любил он толпы и людские скопления, оттого и до Шабаша редко выходил на улицу, а после, когда с группой выживших обосновался в театре, и вовсе перестал покидать затхлые помещения.

И лишь изредка, в такие ночи как эта — ещё не морозная, но уже и не парящая летним жаром, а небо пестрит обилием ярких звёзд, – Шаман выбирался на крышу театра с неосвещённой стороны и подолгу вглядывался в небо, развалившись на раскладном стульчике.

Кто-то мог бы подумать, что старик в такие моменты размышляет над новыми планами, ещё более грандиозными, чем ремонт радиовышки, который он проводит уже не первый год, или создание мощного энергетического оружия, на подобии того, что пытается

"ваять" его ученик Сёмка Ветер. К слову, работу над прототипом оружия Сёмка начал раньше, чем Шаман занялся радиовышкой, но так никуда и не продвинулся. Возможно старик размышлял на высокие, оторванные от земных проблем, философские темы. На самом же деле ничего такого не было.

Шаман мысленно возвращался в прошлое.

Яркие звёзды и бегущие в темени облака напоминали ему времена, когда ещё молодой Витя Шаманский просиживал ночи напролёт с друзьями и подругами в глухих лесах, вокруг костра и с гитарой в руках. В одном из таких походов он и познакомился с Мариной Тимофеевой, малость невзрачной и молчаливой студенткой МГУ. Марина приехала в Старопесковск на каникулы к пожилым родителям, а в лес её сподвигнули сходить общие с Виктором друзья.

Через год после знакомства Тимофеева стала Шаманской, а ещё спустя двенадцать месяцев родила Виктору дочь, белокурую, столь похожую на отца Нюру.

И дальше у Шаманского началась уже иная жизнь. Семейная. Переполненная заботами и счастьем.

Вот что вспоминал старик, сидя на крыше. И только когда доходил до Шабаша, с болью на сердце возвращался в настоящее.

Первые дни, когда человечество начало подвергаться губительному воздействию солнечного света, не зря назвали Шабашем. Буйство нечисти пронеслось по миру. Дьявольский ареал, окружавший первых бесноватых, давал пищу для фантазии выжившим. Повсеместно сыпались слухи об открывшихся вратах в ад и о конце света.

Конечно, люди и при таких обстоятельствах умудрились приспособиться к жизни, но природа псевдо оставалась неизвестной и окутанной мистикой.

Вернувшись из леса в город, выжившие строили между домами переходы, чтобы как можно реже выходить на улицы. Когда же ходоки делали вылазки, то закутывались в одежды так, чтобы не оставалось ни одного оголённого участка кожи. Но даже такие ухищрения не всегда спасали. Появлялись новые бесноватые и со временем превращались в иные виды псевдо.

Вскоре городовые поняли, что приближение перемен в человеке можно определить по его разговорам. Близкие к бесноватости люди

часто повторялись и путались в своих воспоминаниях. Этот период назвали "порогом". Переступив его, ходок ни при каких обстоятельствах не мог появляться при дневном свете. Таких узников четырёх стен именовали "домушниками".

Марина Шаманская перескочила порог незаметно для близких, когда Виктор спохватился, было уже поздно.

Шаман не смог убить бесноватую Марину, а связал и запер в квартире. Слишком любил жену, чтобы так просто потерять, и за свою слабость Шаман всю жизнь не переставал себя корить.

На второй день заточения она разорвала на руках и ногах путы, удушила уже взрослую дочь и подожгла квартиру.

Тяжёлые воспоминания теребили душу. Вот и сейчас перед глазами Шамана встали лижущие стены языки пламени, два обугленных тела на полу, отброшенный рюкзак с провиантом... Он падает на колени. Видит, как загорается рукав куртки, но не пытается тушить, а ждёт, пока пламя окутает полностью и выжжет невыносимую боль. Кто-то хватает за шиворот, выволакивает из квартиры, сбивает пламя... В доме тогда ещё жило много людей, но кто именно его спас, Шаман так и не узнал.

Старик открыл глаза и тряхнул головой, прогоняя тяжёлые мысли. С годами не стало легче, просто воспоминания потускнели.

Шаман сложил стул и вялой походкой пошёл к лестнице. Нельзя учеников-шалопаев надолго без присмотра оставлять, а то ведь натворят дел, потом не разберёшься.

Он спустился с крыши на третий этаж, не забыв плотно закрыть неприметный люк, и немного пройдя по коридору, свернул в свою мастерскую.

Немалое помещение освещали полдесятка лампочек. Вдоль стен громоздились металлические стеллажи, заваленные всевозможными платами, электрическими приборами и проводами. На полу стояли ящики с валами, шестерёнками и подшипниками. В мастерской можно было отыскать любую бытовую технику, инструменты да и бог знает сколько ещё неведомых железок, пластмассок и резинок. Для кого-то это был просто хлам, а вот Шаман видел в каждой вещи если не пользу прямо сейчас, то потенциал стать чем-то новым и полезным в будущем.

Он подошёл к широкому столу, за которым, не поднимая головы, работал один из его учеников. К потолку вился лёгкий дымок от закипавшего флюса и смешивался с запахом машинного масла и спирта. Белобрысый Кузь напаял на плате аккуратные ровные дорожки, а вот как были закреплены провода Шаману не понравилось. Стариковская рука прошлась по затылку парня, одарив того затрещиной. Кузь вжал голову в плечи, готовясь к головомойке.

— Ну кто так паяет? — начал Шаман. — Зачем такие горбы делаешь? На тебя припоя не напасёшься. Уложил кончик провода, ровненько и гладенько капнул припоя — и готово. А он сугробы валит. Хочешь место Сёмки занять?

Свет заморгал. Сёмка Ветер, который час крутивший педали динамо-машины, на радости что вот-вот настанет долгожданный отдых, сбил темп, за что и поплатился суровым взглядом старика.

— Я сейчас всё исправлю, — запричитал Кузь. — Сниму лишний припой.

— Исправляй, — рявкнул Шаман. — И паяльник постоянно включённым не держи. Сожжёшь. Сколько раз говорить, не нужен — отключай.

Кузь закивал и выдернул вилку из розетки.

Ветер лишь вздохнул и сильнее надавил на педали. Мышцы в ногах гудели, но ему не привыкать. Вот почему, когда Шаман был не в настроении, а это было практически всегда, именно Сёмка за каждую ошибку отправлялся на велосипед, а Кузю было позволено исправить недоработки?

— Гулька приходил, — вспомнил Ветер.

— Чего хотел? — поинтересовался Шаман, не отвлекаясь от созерцания работы Кузя. — Вот так, правильно. Всё аккуратно и красиво.

Сёмка набрал полные лёгкие воздуха. От нагрузки дышать было тяжело, а говорить и вовсе удавалось с трудом. Только старику этого не объяснишь.

— До второго этажа вода не доходит, — наконец выдавил он.

Шаман надулся и, выпустив со свистом воздух, выругался.

— Опять помпу заклинило, утащи её гончий. Сёмка, слезай с велосипеда. Берите ящик с запчастями и инструменты и тащите всё к

насосу, — скомандовал старик и полез в холодильник, заменявший шкаф.

Шаман хорошо помнил, что чертежи насоса он клал именно сюда.

Ветер не стал напрягаться, просто вывалился из сидения и расселся прямо на холодном полу.

— Ещё Чугун явился. Небось опять какую-нибудь дрянь приволок.

— Сёмка, не выражайся. Здесь только мне разрешено ругаться, — прыснул старик парню и с довольным лицом извлёк из холодильника картонную папку.

— Кузь, ящик к насосу потащишь сам, а мы — к Чугуну. Надо с ним разобраться, чтобы своей крысьей мордой людей не нервировал.

— Что он прошлый раз брал? — уже к Сёмке обратился Шаман.

— Траву, — не задумываясь ответил Ветер. — Чугун тогда медный кабель приволок.

— Помню. Кабель был гнилой, как зубы у изгоя, — кивнул Шаман. — Прихвати пачку сигарет и бутылку самогона. Хватит с него.

Все в Театральной знали, что Шаман ведёт дела с крысами. Казалось бы, бандитов, которые ходокам покоя при встрече не дают, театральщики к общине подпускать не должны, но те приносили много полезных вещей для нужд Шамана, потому и приходилось терпеть их редкое, но столь неприятное общество.

Старик рассчитывался за находки самогоном или табаком, выращенным в соседней с мастерской комнате. Долгим и кропотливым трудом удалось создать подходящее освещение и грамотно установить систему полива, чтобы хоть какой-никакой, но зазеленел огородик.

Раньше к Шаману крысы ходили чуть ли не каждую ночь, таскали всё, что попадало им в руки. Когда же старик начал грубо давать от ворот поворот, они попытались угрожать. Театральщики без лишнего раздумья завалили нескольких самых буйных бандитов, и "носильщиков" поубавилось. Остались лишь самые здравомыслящие, если так можно о крысах выразиться.

Чугун как и всегда ждал Шамана в небольшой комнатушке, прозванной театральщиками "раздаточной". Из коридора в комнату вела одна единственная дверь, а окно, через которое вниз с третьего этажа спускалась верёвочная лестница, выходило на освещённую сторону театра.

Разделял комнату широкий стол, возле которого стоял вооружённый арбалетом Гулька. Театральщик всегда присутствовал на торгах Шамана. Следил, чтобы крысы излишне не буянили.

Когда старик на пару со своим учеником вошли в комнату, Гулька даже не взглянул на них. Главное — следить за крысой.

А Чугун, как увидел Шамана, сразу бросил на стол холщовый мешок и начал в нём рыться.

— Сейчас, сейчас, — забормотал он. — Сейчас. Увидишь, что я принёс. Сейчас. Тебе понравится.

Шаман остановился в полуметре от стола

— Тебя здороваться не учили?

— А? Чё?

Крыса отвлёкся от своего интересного занятия и уставился на старика.

— Чугунная ты голова, — осклабился тот. — Здороваться тебя учили?

— А-а! Здоров, Шаман, — отмахнулся Чугун и вновь закопался в мешке.

Гулька тихо усмехнулся и, украдкой взглянув на Сёмку, покрутил пальцем у виска.

— Ну, чего у тебя там?

Шаману не терпелось разобраться с незваным гостем.

— Сейчас, сейчас. А вот...

Крыса извлёк из мешка два небольших устройства.

— Мобильники, — с тоской опознал Шаман. — Толку мне от них мало. Такого барахла вдосталь. Ещё что есть?

— Есть, есть — нервно закивал крыса. — Но ты на эти мо... мобильники посмотри. Они же целые. Гадам буду, ни одной царапины...

— Включаются? — с издёвкой в голосе спросил Шаман.

— Чё? Да не. Мёртвые как мой друган Шомпол, которому пастух башку срубил...

— Сочувствую, — перебил его Сёмка. — Ты лучше покажи, что ещё принёс.

Чугун оскалился и сжал кулаки.

— Ты чё, мелкий, в разговор встреваешь? Щас зашибу, су...

Крыса умолк, как только перед лицом появился арбалет, а остриё стрелы уткнулась между глаз.

— Спокойно, Чугун, спокойно, — остудил его пыл Гулька.

Крыса скалиться не перестал, но руки опустил назад в мешок.

— Во чё ещё нашёл, — наконец радостно воскликнул он и извлёк на свет прямоугольную металлическую коробку жёлтого цвета.

И вот тут Шаман возликовал, но только внутренне. Внешне же остался спокоен. Не стоило показывать собеседнику, что находка его заинтересовала, а то цену начнёт нагонять.

— Это что?

Шаман сделал удивлённую гримасу, уставившись на слегка покорёженный, но в целом хорошо сохранившийся спутниковый телефон.

— Я... — от услышанного Чугун даже начал заикаться. — Твою же... в ночлежку! Я думал, ты знаешь.

— Не выражайся, — нахмурился старик. — Ещё что есть?

— Всё, — опечалено признался крыса, уже поняв, что много содрать за железки не получится.

— Сёмка, дай ему пять сигарет...

— Как?! — взвыл крыса. — Ты чё, старый? Какие пять сигарет? Бухло давай.

Шаман искоса глянул на спутниковый телефон и чуть слышно вздохнул.

— Ладно, дай ему ещё пол-литра.

Крыса радостно потёр руки.

— О, это уже другой вопрос. Не забуду я твоей доброты. Отрешённым стану — не забуду.

Чугун засунул за пазуху бутылку, а сигареты кинул в небольшую коробочку и спрятал её в мешке.

— Ничё, Шаман, скоро я тебе много толкового барахла приволоку.

— Где ты его найдёшь, чудик? — усомнился Шаман. — Город-то пустеет.

Крыса заржал, продемонстрировав всем свои прогнившие зубы.

— Хмель большую стаю собрал. Они "семёрку" взять хотят. Придурки придурков, но план у них толковый. Утащи меня гончий, если не пробьётся. А барахла там много.

— Хмель даже по вашим, крысьим, меркам отморозок. Я с ним дел не веду.

Шаман передал Ветру мобильные телефоны, забрал со стола спутниковый, но уходить не торопился. Крыса поднял интересную тему. В оккупированный со всех сторон отрешёнными торговый центр "Семь чудес" попасть ещё никому не удавалось.

— Так и не нужно с ним дел иметь, — продолжал свою речь Чугун. — На кой хрен он тебе? Тут вот как, Хмель берёт "семёрку", а я потом беру Хмеля. Смекаешь, старый?

— Сам такой гениальный план разработал, — съязвил Гулька.

— А то? — гордо задрал голову крыса.

— Хорошо. Как разживёшься чем, приходи, поторгуем, — закончил Шаман и двинулся к выходу.

Глава 3. Мечта ходока

Димка Чиж скучал. До заката оставалась ещё уйма времени, и ходок не нашёл ничего интереснее, чем метать дротики в разрисованную детскими рисунками дверь.

Первый дротик воткнулся в лобовое стекло голубенькой машинки.

Следующий вошёл в ствол дерева.

Последний выбил из двери щепку и упал на пол.

— Чёрт!

Чиж подобрал свои "орудия" и вернулся на "огневой рубеж".

Худая кисть с зажатым пальцами дротиком отошла за ухо, и Димка протянул:

— Левый глаз фиолетового уродца.

Бросок! Дверь открылась, и фиолетовый уродец исчез с поля зрения. В последний миг Чиж успел выгнуть руку в сторону. Дротик улетел в бетонную стену, а переступившая порог Сонная Ив ойкнула и уставилась большими глазами на упавший под ноги "снаряд".

— Дурак, — кратко выдала она.

Чиж смущённо улыбнулся.

— Прости. Надоело ждать.

— И решил меня убить?

Сонная обижено скривила губы.

С пристыженным лицом Димка обнял девушку и попытался поцеловал.

Чиж и Ив были одного возраста. Оба родились и жили в Театральной, и уже год как все театральщики видели в подростках влюблённую пару.

Ростом курчавый парень был на голову ниже своей подруги, и чтобы совершить задуманный примирительный манёвр, ему пришлось встать на носочки и задрать голову. Сама обиженная Ив не хотела идти навстречу возлюбленному.

— Извини. Ты же знаешь, я самый меткий во всей общине, так что бояться тебе было нечего.

— Ага, самый меткий и самый скромный, — Ив усмехнулась. — Откуда ты их вообще взял?

— За кроватью нашёл.

Димка кивнул на разломанную детскую койку в углу комнаты.

— Я их детворе в общину занесу. Пускай пуляют.

Чиж спрятал дротики в рюкзак и опустился на пол. Ив села рядом.

— А ты чего-нибудь нашла? — спросил Димка.

Девушка закуталась в длинный плащ из мешковины и положила свою русую голову Чижу на ноги. Рука парня ласково погладила конопатую щёку. Сонная нежно замурлыкала и мягко ответила:

— Пустой дом. Ходоки или крысы, но кто-то здесь всё тщательно обыскал. Наверное, только твои дротики и остались.

— Ничего, скоро Туман и Рыжий подойдут, а как стемнеет и "семёрку" прошерстим. Там точно что-то да отыщется.

— Не люблю я Рыжего Тика.

Ив перевернулась на спину и взглянула на Чижа.

— Он постоянно пялится на меня. Словно сожрать хочет.

— Да он на всех пялится. Характер у него такой — пялящийся.

Даже через плотную кожаную куртку Димка почувствовал, как Сонная его ущипнула.

— Ау! Больно!

— Больно ему! А сам то чего издеваешься? Вот уйду от тебя к... к тому же Рыжему. Будешь знать, как смеяться.

— Я тебя выкраду, а Тика в ночлежку кину. Пусть с отрешёнными развлекается.

— Маньяк!

Ив отвернулась.

— Ладно, соня ты моя, извини.

Чиж нежно потеребил девушку за ушко.

— Я понимаю, не нравится тебе Рыжий. Но он худющий, в любую дырку пролезет, а это может в "семёрке" пригодиться.

— Грезишь ты своей "семёркой".

Голос Ив стал тихим, и Димка понял — засыпает.

— Грежу. Что есть, то есть, — уже с самим собой согласился он и взглянул на прикрытое шкафом окно.

Чижа и заветное здание, прозванное ходоками "семёркой", разделяли пара сотен метров пустыря и толпа отрешённых на нём.

Когда-то крышу торгового центра венчала громадная вывеска: "7 ЧУДЕС". Сейчас же буквы плашмя лежали на земле, а наверху

осталась красоваться лишь одна цифра.

Пережитки рассказывали, что раньше возле "семёрки" была небольшая стоянка для автомобилей, а вокруг торгового центра красовался уютный парк, с узкими дорожками, удобными скамейками и резво скачущими белками. Но потянувшимся к свету людям оказалось слишком много тени от деревьев. В самом начале Шабаша всё это полыхнуло ярким пламенем. Парк выгорел дотла, оставив после себя угрюмую пустошь, а вот сам торговый центр практически не пострадал, лишь одна из стен покрылась толстым слоем копоти.

Образовавшийся пустырь облюбовали отрешённые, а вскоре там появился пастух.

Чиж не заметил, как начал клевать носом, и только скрипучее, противное ржание Рыжего, прилетевшее из коридора, разбудило его. Димка открыл глаза, но не шелохнулся. Мирно спящую Ив будить не хотелось.

Рыжий Тик и Туман Мутный беспечно ввалились в комнату, но, завидев спящую девушку, сразу притихли и тоже опустились на пол.

Туман пожёвывал травинку, перебрасывая её с из одного уголка рта в другой, и негромко сопел. Его широкий нос был сильно вывернут на бок, оттого дышать театральщик им практически не мог. Травму Туман получил в детстве, когда взбесившаяся мать бросила его в бетонную стену. Вот только спрашивать Мутного лично об этом инциденте никто не смел, да и издёвок никогда не было. Туман славился вспыльчивым характером.

— И? — недовольно начал он. — Мы по свету к вам валили. Спешили. А вы дрыхните.

— Не кричи, — отрезал Димка. — Ив разбудишь.

Туман Мутный был самым старшим среди присутствующих. Ему недавно исполнилось двадцать. Поэтому и считал себя самым умным и опытным, а остальных — глупыми детишками. Он гневно выпучил свои мутные глаза — посторонний мог бы подумать, что ходок пьян, но Чиж знал, глаза у него такие с рождения — и начал медленно подниматься.

— Ты нас позвал. У тебя к нам дело, а не наоборот. Если собрался и дальше гавкать, гавкай на отрешённых. Мы пошли.

"Тьфу, ты! Остолоп мутный", — посетовал про себя Димка и словно ни в чём не бывало бросил:

— Я знаю, как попасть в "семёрку".

И Рыжий, и Туман были уже возле двери, но услышанное заставило их остановиться. Они переглянулись и, не сговариваясь, вновь бухнулись на пол. "Семёрка" была лакомым кусочком для любого ходока.

— А это уже правильное начало разговора, — миролюбиво проговорил Туман.

Чиж остался доволен. Хоть и были они из одной общины, но ладили всегда плохо. Стебовый характер Димки не уживался со вспыльчивостью Мутного.

— Мы с Сонной прошлой ночью по дому одному лазали. Из барахла так мелочь разная, зато в одной из квартир встретили крыс. Пришлось спрятаться и ждать пока те уйдут.

— Улизнуть сразу не получилось? — осведомился Тик.

Чиж замотал головой.

— Неприятно вышло. Мы в квартиру зашли, а вскоре и они заявились и на входе трепаться начали. Места другого не нашлось. Будто безмозглые отрешённые...

— Ближе к делу, — нетерпеливо перебил Туман.

— Ближе к делу, ближе к телу, — передразнил его Димка.

— С огнём играешь.

— Понял, понял. Пожар нам не надо.

Ив перевернулась на бок и что-то неразборчиво промямлила.

— Крысы штурм "семёрки" обсуждали.

— Прямо-таки штурм? — не поверил Рыжий.

— Штурм, штурм, — повторил Чиж. — Ты не ослышался. И хватит на Сонную пялиться.

Рыжий нервно причмокнул губами, но взгляд от девушки всё же отвёл.

— Так вот, — продолжил Димка. — Они собрали две группы. Одна будет отвлекать пастуха. Вторая в это время на грузовой машине прямо по отрешённым к "семёрке" ломанётся.

— У них грузовик есть?! И... топливо?!

Туман громко засмеялся.

— Я сколько живу, ни одного рабочего не видел. Бред.

— Старик, а мы что, так долго живём? Ты в технике разбираешься? Я вот нет. А среди крыс много пережитков. Тех кто

знает, как это всё работает.

— Да ни это главная проблема, — замотал головой Тик. — Крысы могли какую-нибудь машину включить. Но как только они раздавят первого отрешённого, пастух грузовик порвёт на части. Вместе со всеми кто в нём будет находиться. Никакое отвлечение не поможет.

Туман, не переставая ржать, закивал.

— Во, во!

— Ай, какие вы умные! Надо будет в "семёрке" медальки вам поискать. —Чиж с издёвкой склонил голову. — Крысы глубокую яму неподалёку вырыли и собираются туда пастуха сбросить и завалить. Дом на него обрушить. Думаю, убить тварюгу это не убьёт, но надолго выведет из состояния разрывания всех и вся.

Мутный притих.

— Дом, говоришь, на него обрушить? — задумался он. — Ты, могу предположить, хочешь следом за грузовиком прокрасться? Незаметно от крыс и отрешённых.

Чиж кивнул.

— Наспех набрать по рюкзаку барахла и тем же путём выбраться из торгового центра? — продолжал Мутный.

Ещё один молчаливый кивок.

— Ты псих, Чиж, — подвёл итог Рыжий.

— Да ладно, будто моя идея вам не нравится? Я вас-то и позвал потому, что уверен, согласитесь. Мутный обезбашенный... Не в обиду. А ты, Рыжий, за ним хоть в ад пойдёшь. Самый правильный напарник. Только вы со всей Театральной на такую авантюру согласитесь.

В последнем Димка был уверен.

— Самоубийственно даже по моим меркам, — задумчиво пробубнил Туман и посмотрел на окно. — Крысы этой ночью пойдут на штурм?

Чиж радостно кивнул. Он уже понял — друзья театральщики согласны

— Может, Ив здесь оставим? — неуверенно предложил Рыжий.

Димка и сам рад был бы это сделать, но Сонная слишком настырна. Раз она сказала, что пойдёт, значит тому и быть.

— Не дождёшься, Рыжий, — подтверждая его мысли, проворчала Ив.

***

Хмель залпом допил остатки пойла и отбросил пустую бутылку. Ночь была холодной, но мягкая меховая куртка защищала от пронизывающего ветра, а залитый внутрь самогон разгонял кровь.

Приготовления были окончены, осталось подать знак к началу штурма. В предвкушении боя и последующей добычи Хмель улыбнулся. Он стёр с тёмных густых усов и бороды капли бодрящего напитка и поднял валявшийся под ногами факел. Крыса чиркнул несколько раз кремниевой зажигалкой, и яркие искры подожгли пропитанную топливом тряпку. Как только головешка вспыхнула, он беспечным движением сбросил факел с крыши.

Факел миновал три этажа и упал на аккуратно сложенное кострище. Через несколько секунд широкую улицу, ведущую к пустырю "семёрки", осветило яркое пламя.

— Начали! Начали! — закричал Хмель.

Восемь крыс — столько же находилось и в кузове грузовика, расположенного в паре домов левее — с воплями ринулись на пустырь к ближайшим отрешённым. Вооружённые топорами, утыканными гвоздями битами и широкими тесаками крысы нещадно обрушились на псевдо.

Оружие взмывало вверх и стремительно опускалось. По пустырю покатились первые отрубленные головы. Кровь брызгами летела на лица и на одежды, но бандитов это не смущало, а даже наоборот, взвинчивало и раззадоривало. Всё происходящее походило на резню скота на скотобойне, — и крысам это нравилось. Кровь, горячая и вязкая, для них имела дурманящий запах власти. Придавала силы и безумной храбрости, граничащей с безрассудством.

Отрешённые и днём были малоподвижны, а ночью вовсе собирались в так называемые "ночлежки" — наваливались друг на друга кучей по десять-двадцать особей — и впадали в беспечную дрёму. Поэтому потребовалось несколько минут усердной резни, чтобы расшевелить их.

От места атаки по всем ночлежкам волной покатились громкие шипящие стоны. Отрешённые призывали пастуха.

Хмель этого и ждал.

Стоны неожиданно прекратились, и среди воинственных воплей крыса различил монотонные удары о землю.

— Идёт, тварь, идёт, — прошептал Хмель.

Напротив него на бетонном парапете стояли три бутылки с коктейлем Молотова. Крыса поджёг торчащие из горлышек тряпки — руки подрагивали, но не от страха, а от азарта — и один за одним отправил коктейли в гущу отрешённых. Звон бьющихся бутылок потонул в одобряющих криках остальных крыс.

Даже будучи поглощёнными жаром отрешённые двигались медленно. Полыхающие ночлежки не спеша распутывались, объятые огнём псевдо слепо падали на своих сородичей, — и пламя ширилось.

Стоны вновь возобновились и быстро переросли в вой.

Во тьме начал прорисовываться громадный силуэт, и буквально через секунду пастух вышел на свет от кострищ.

Тварь достигала ввысь шести метров. Нижние конечности, подогнутые в коленях, заканчивались острыми шипами, и при каждом шаге впивались глубоко в землю. Ноги переходили в худой торс, который резко ширился в плечи. А верхние конечности с мощными пятипалыми лапами покрывала густая поросль коротких и гибких отростков с человеческий палец толщиной. Эти отростки были способны вытягиваться на несколько метров и позволяли пастуху выковырять свою жертву практически из любого укрытия. Кожа, как на маленькой голове с непомерно широким ртом и выпученными чёрными глазами, так и на всём теле, походила на кору старого дерева — тёмная, выщербленная и в глубоких трещинах.

— Крюки к бою!

Даже при появлении пастуха голос Хмеля не дрогнул.

— Шевелитесь, мать ваша бесноватая! Быстрее!

Иерархия у крыс строилась не на уважении, а на страхе. А Хмеля боялись даже больше, чем наступающего пастуха, поэтому слушались беспрекословно.

Четверо крыс отступили вглубь улицы, а другая четвёрка, вооружившись стальными крюками, закреплёнными на длинных верёвках, осталась на месте.

Если просто уйти, то велика вероятность, что пастух не станет преследовать, а вот если захватить с собой парочка отрешённых, тогда он гарантированно двинется на помощь своим подопечным.

Крюки вонзились в тела псевдо, и крысы словно пойманную рыбу поволокли их по земле. Отрешённые не кричали, не пытались

высвободиться, а лишь со свойственной им медлительностью предпринимали неуклюжие попытки подняться на ноги.

Трое крыс ушли вперёд, а четвёртый чуть отстал. Крюк на его приманке сорвался, распотрошив отрешённому брюхо. Разорванный псевдо попытался встать, но крыса не позволил ему этого сделать. Ударом ноги бандит повалил его на землю и вонзил крюк под рёбра.

Крыса был страшен. Он поднял к ночному небу перекошенное злобой окровавленное лицо и словно дикий зверь завыл.

Пастух шёл между ночлежек медленно. Лапы, с заострёнными шипами вместо стоп, позволяли аккуратно ступать даже на маленькие участки, и в такие моменты казалось, что массивная тварь не устоит на тонких ногах-шпильках и повалится на отрешённых, но это была лишь иллюзия. Пастухи обладали невероятной скоростью и ловкостью. И когда крыса, удерживая отрешённого за разорванное брюхо, вскинул голову и завыл, пастух прыгнул.

Лишь на мгновение звёзды затмил громадный силуэт, а потом крыса провалился во тьму, даже не успев ощутить и грана боли. Правая лапа-шип вошла в голову и разорвала тело на ошмётки.

Дальше пастух начал двигаться предельно быстро. Не глядя на распотрошённого псевдо, он рванул следом за остальными наглецами.

Хмель тоже не стоял на месте. Все дома в этой части улицы были одного уровня, и поэтому бандиты заранее сделали между ними переходы из досок. Крыса помчался поверху следом за пастухом.

Первая четвёрка крыс не дремала. Вдоль улицы начали вспыхивать костры, освещая дорогу к ловушке.

Хмель отчётливо видел, как пастух настиг следующую жертву. Тварь на бегу пригнулась и одни щелчком пасти отделила голову и плечи крысы от остальной части тела.

Оставшиеся ловцы отрешённых кинули свой груз и попытались укрыться в ближайшем доме. Хмель как раз поравнялся с ними и ощутил, как здание вздрогнуло, когда пастух лапой впечатал одного из бандитов в кирпичную стену. Последний успел скрыться в подъезде и даже взбежать по лестнице на второй этаж, но вытянувшийся из лапы пастуха отросток настиг его, проломил грудную клетку, а потом, обвившись вокруг торса, небрежно вышвырнул мёртвое тело в окно.

Хмель возликовал. Всё шло по плану. Ему были безразличны погибшие. Свою задачу они выполнили, довели пастуха до нужной

точки, и теперь будут действовать остальные.

Пастух застыл на месте. Вслушиваясь и вглядываясь в темноту, — дальше по улице костров не было, — он искал новую жертву.

Очередной коктейль Молотова, пролетев по широкой дуге, угодил пастуху прямо в голову, вместе с этим из темноты послышались весёлые крики. Голова, грудь и плечи пастуха загорелись, но псевдо, словно и не ощущая жара, одним размеренным прыжком оказалась точно на том месте, откуда прилетела бутылка. Прямо в ловушке.

Лапы разломили деревянный настил, укрывавший его "могилу", и псевдо рухнул вниз.

Раздались три мощных взрыва. Яму накрыло облако из дыма и пыли, а ближайшее здание накренилось к земле.

Хмель до боли сжал кулаки. На секунду показалось, что дом устоит и план провалится, но всё же здание сдалось и с невероятным скрежетом и грохотом обрушилось, похоронив пастуха.

Потребовалась почти неделя, чтобы вскрыть асфальт и вырыть яму. Столько же времени ушло на восстановление грузовика, а чтобы сделать бомбы, Хмелю пришлось обшарить половину города в поисках ингредиентов, отдать через посредников все свои запасы скупердяю Шаману в обмен на недостающие детали и ненароком снести одно из зданий города при сборке бомбы, но это того стоило.

Хмель был уверен, что псевдо живой, но ему понадобится немало времени, чтобы выбраться наружу. От места обрушения поднялась волна пыли, крыса закашлял и побежал к грузовику.

И эта часть плана прошла успешна.

Быстро промчавшись по крышам, Хмель оказался на краю пустыря. Он ловко съехал по пожарной лестнице на кабину грузовика, впрыгнул внутрь и гаркнул:

— Погнали, Жердь! Погнали!

Жердь не зря получил такое прозвище. Он был высоким, узкоплечим и худым, даже правильнее сказать костлявым. Возраст его, как и Хмеля, давно перебрался через рубеж в сорок лет, но невзирая на это, он был очень ловким и выносливым. Но самое главное, Жердь и Хмель были знакомы ещё до Шабаша, и все эти годы бок о бок убивали и грабили.

Жердь не сомневался ни секунды. Раз Хмель сказал: "Погнали! – значит пастух обезврежен. Крыса ехидно усмехнулся и надавил на

рычаг коробки передач.

Грузовик резво рванул в сторону "семёрки".

Укреплённая спереди стальными листами машина с лёгкостью разбрасывала попавшихся на пути отрешённых, но так было только несколько первых метров. Потом, уткнувшись в плотную толпу, грузовик сбавил скорость. Псевдо не пытались увернуться, и даже когда обмотанные цепями колёса грузовика вминали их в землю, не издавали ни звука.

Миновав метров десять, грузовик уткнулся в крупную ночлежку и начал увязать в телах.

— Не останавливайся! Не останавливайся! — закричал Хмель.

Жердь негромко выругался. Он и так жал на педаль газа что есть силы, но грузовик был слишком старый для таких испытаний.

Скрежет, треск. Гул двигателя заглушил возобновившийся вой отрешённых.

— Поехали! Падла железная! Поехали!

И словно испугавшись вопля Жерди, грузовик резко рванул вперёд.

На очередной ночлежке машина словно по трамплину взмыла вверх, и дальше уже поехала не через псевдо, а прямо по ним.

Грузовик миновал оставшийся участок пути и влетел прямо в витрину торгового центра. Жердь вдавил обеими ногами в педаль тормоза. Автомобиль с визгом и металлическим скрежетом остановился.

Хмель первым выпрыгнул из кабины. В его руках ярко вспыхнул факел, осветив нетронутые никем витрины, ларьки и магазинчики.

— Мы сделали это! Сделали!

Он повернулся к высыпавшимся из кузова крысам.

— Ну, чё стали? Вперёд! Вперёд! Гребём всё! Шевелитесь!

Глава 4. Смерть и странные гости

Шабаш вывернул людей наизнанку. Вытолкнул все самые мрачные желания наружу. Нет, даже не вытолкнул — это слишком медленно. Швырнул их, словно порыв ураганного ветра, а потом с лёгкостью и больным смехом смёл человеческое общество.

Безумие началось в середине 2021 года. Оно двинулось по Земле не мелкими шажками, а понеслось всепоглощающим потоком. Матери начали избивать до смерти своих детей, дети смеясь душили родителей. На улицах прохожие прохожим разбивали головы, вешали на деревьях и фонарных столбах, жгли, резали и рвали. И лишь когда Солнце ныряло за горизонт, попавшие в темноту люди успокаивались. Вскоре все, кто не сошёл с ума, ушли в тень.

Шли дни, недели, месяцы. Правительства перестали существовать, границы стёрлись, страны остались в прошлом. Люди небольшими горстками в светлое время суток прятались по тёмным подвалам, и только с заходом Солнца осмеливались выходить наружу на поиски пропитания. Днём же всюду хозяйничали псевдо.

Алёна Дмитриева была в рядах счастливчиков, умудрившихся пережить Шабаш. Хотя, можно ли назвать их счастливчиками? Сложно сказать. Многие выжившие считали, что настал ад на Земле, и уцелевшим суждено вечно гореть в его пламени. Кто-то цеплялся за мысль о своей избранности, утверждая, что "только не изменившиеся, оставшиеся собой после Шабаша смогут воскресить человеческий род в новом, идеальном мире". Иные кляли террористов за использование химического, бактериологического и чёрт знает ещё какого оружия. А вот ярая христианка Алёна верила, что это испытание, ниспосланное Богом.

"Слишком силён грех в людях. Он давно уже перестал их поглощать и испытывать. Грех полностью завладел людскими помыслами и желаниями. Любовь и веру заменили похоть и алчный расчёт. Люди отвернулись от Бога, превратились в монстров! Молитесь! Тянитесь к Богу! Отрекитесь от греха! Лишь только тогда вы будете спасены!" — так вещала Дмитриева своей небольшой

пастве, нашедший приют в маленькой церквушке на окраине Старопесковска.

Люди неустанно молились.

И словно знак свыше через два года после Шабаша в поредевшей общине появилось пополнение. Алёна родила крепенького, голубоглазого мальчика. Измученная, но радостная мать дала ребёнку имя Вестник. Она благодарила Бога за преподнесённый дар и твердила всем, что рождение младенца — это знамение о начале жизни без страха, без боли, рядом со Всемогущим.

А через три месяца после появления малыша в церковь нагрянули крысы.

Бандиты беспощадно насиловали и убивали. Из паствы Дмитриевой уцелели лишь трое: тётушка Лиза, её брат Пётр и маленький Вестник.

***

Креп приподнял люк и выглянул наружу. Вокруг властвовала ночь, и лишь звёзды и полная луна освещали город.

В стороне от укрытия ходоков прорисовывалась огромной кучей посапывающих тел ночлежка отрешённых. Странные твари. Мужчины, женщины, дети, старики — все как один без одежд, на телах ни единого волоска. Днём снуют по городским улочкам, придерживаясь освещённых солнцем участков, и периодически замирают, словно пытаются насытиться яркими лучами, но всё равно кожа у них не по живому бледная. А вот на закате собираются в ночлежки.

Креп толкнул Вестника.

— Вес, пора выходить.

Тот неуклюже поднялся – мышцы свело от неудобной позы – и следом за Крепышём выбрался из канализации.

Раньше люди всегда боялись темноты. Верили в то, что тьма — это зло, и она скрывает в себе жутких монстров, но реальность в противовес человеческим ожиданиям оказалась иной.

Креп и Вестник родились уже после Шабаша. Им была неведома иная жизнь. Поэтому ночь не пугала их, а наоборот давала спокойствие и уверенность. Они смело обошли две ночлежки — главное не тревожить отрешённых и тогда они не тронут — и приблизились к приюту.

У двери Креп остановился.

— Ты понимаешь, что нам придётся сделать? — тихо зашептал он. — Я тоже люблю тётю Лизу. Но её больше нет, там лишь бездушная тварь, Вестник. Там псевдо. Ты понимаешь это?

— Она была мне матерью. Самым близким человеком. — Голос Вестника был печальным, но уверенным. — Она спасла меня, и теперь моя очередь спасти её. По-другому нельзя.

Креп понял — рука друга не дрогнет.

Ходоки поднялись по лестнице на третий этаж и тихо прошли по коридору. Ранее запертые двери оказались выбитыми, деревянные щитки на окнах выломаны — бесноватой требовался солнечный свет.

Сама тётушка находилась в своей комнате.

Надетые на ней мужская вязанная кофта и широкая юбка были разорваны и замызганы кровью. Вырванные клочьями волосы валялись у ног, с головы на плечи спускались лишь несколько локонов. Тётушка сидела на поваленном шкафу лицом к двери, и когда ребята вошли, даже не шелохнулась.

Креп остался стоять у входа, сжимая в руке копьё, а Вестник, взяв у напарника тесак, неспешно направился к тётушке.

Ночью бесноватые успокаивались. Многие даже были способны вести рваный, скачущий от одного события к другому, но всё же осмысленный диалог. Память о прожитой жизни выгорала в них медленно, словно издеваясь, давала прикоснуться к тому, чего уже никогда не будет, заставляла возвращаться в родные и обжитые места. Но любое случайное движение, любой шорох или не вовремя прорoненное слово могли ввести бесноватого в состояние неудержимой ярости, и тогда он снова превращался в жестокую дневную тварь.

Вестник двигался медленно, не сводя глаз с тёти Лизы, а та лишь мерно дышала.

— Ты здесь, сынок? — неожиданно промямлила она.

Вестник был уже почти за спиной тётушки.

— Ты вернулся. Я рада.

— Я тоже рад тебя видеть, тётя Лиза, — как можно спокойнее проговорил ходок и занёс тесак над её головой.

Он не испытывал ни страха, ни неуверенности, просто было неприятно осознавать, что перед тобой уже не тот человек, который воспитывал и любил с самого твоего детства. Отдавал последнее, когда

нужно было, а потом находил ещё больше. Это была уже не та смелая и сильная женщина, которая спасла младенца от крыс и годы заботилась о нём.

Всё что осталось от тёти Лизы - это лишь оболочка, внутри которой притих демон.

— Присаживайтесь, мальчики. Чаю?

Вестник не стал больше тянуть. Он обрушил тесак на тётушкину шею, но вместо человеческой плоти лезвие воткнулось в стенку шкафа. Бесноватая с невероятной прытью сорвалась с места и прыгнула прямо на Крепа. Креп лишь успел выставить перед собой копьё и тупым концом упереть его в стену. Остриё вошло в живот, но бесноватая, словно не ощущая боли, продолжила двигаться дальше, всё больше и больше насаживая себя на древко. Одновременно с этим она обхватила ладонями голову Крепыша, а большой палец правой руки вдавила в глаз.

Креп задёргал головой и попытался развести руки псевдо в стороны. Но та была сильнее. Её левая беспалая ладонь опустилась к шее, и бесноватая вдавила её в гортань ходока. У Крепа перехватило дыхание. Он почувствовал, как ноги отрываются от пола. Тётушка его поднимала! Одновременно с этим по лицу прошлись острые ногти бесноватой. По щекам и шее заструилась горячая кровь.

Схватка Крепа и псевдо продолжалась всего несколько секунд, и этого времени хватило Вестнику, чтобы выдернуть плотно засевший в древесине тесак и нанести один единственный удар. Хорошо заточенное лезвие с лёгкостью отделило голову от тела. Но даже обезглавленная тварь не сразу выпустила свою жертву.

Голова, ударившись о пол, отлетела в угол комнаты, а грузное тело бесноватой медленно осело, шумно проскрежетав древком копья по стене.

Вестник выронил окровавленный тесак, несколько секунд постоял, хмуро глядя то на мёртвую тётю Лизу, то на друга, и лишь потом опустился рядом с Крепом.

Тот надрывно кашлял. Левую сторону лица пересекали четыре глубоких разреза, но на его счастье до глаз бесноватая не добралась.

— Сейчас я тебя заштопаю, — сказал Вестник, доставая изогнутую иглу и нить.

Когда Вестник начал зашивать разорванную щёку, Крепыш лишь закрыл глаза и со скрежетом сжал зубы.

Вестник работал, а из головы не выходила тётя Лиза. Сильная, весёлая, мудрая… и мёртвая.

Когда небольшая операция была закончена, он быстро собрал лекарские принадлежности и лишь после этого позволил себе усесться на пол рядом с Крепышом.

Вот и всё, тётушка была спасена. Как ни странно, но Вестник, глядя на тело и отсечённую голову, не видел перед собой мёртвую бесноватую или себя в роли убийцы тёти Лизы. За всё произошедшее он взвалил вину на псевдо. Именно они превратили её в монстра, и они же принудили его убить. На лице тётушки застыло странное выражение, словно за долю секунды до смерти бесноватость отступила, а очнувшийся человек успел удивиться: "А что происходит?"

Превозмогая боль, первым заговорил Крепыш.

— Спасибо. Я уже думал, она меня придушит или глаз выдавит.

В ответ послышалось лишь негромкое мычание.

— Надо бы похоронить тётушку, — и вновь Креп разорвал тишину.

— Угу.

— За приютом поляна есть. Цветами усеянная. Ей там всегда нравилось, но лес рядом. Лешие могут быть против.

— Цветы она любила, — кивнул Вестник. — А лешие переживут. Ты идти сможешь?

— Ноги целы. Я и станцевать смогу.

Креп попытался улыбнуться, но плотные швы сделать этого не позволили, лишь наградили усилившейся болью.

— Разве что сам. Теперь с тобой ни одна девчонка плясать не захочет. Красавчик, — в тон ему ответил Вестник.

— Подбодрил, — буркнул Креп.

— Посиди пока, горестный ты наш, а я лопату поищу, — сказал Вестник.

Самые дальние комнаты на этом этаже тётушка использовала как складские помещения. Искать нужно было там.

Никакого освещения в здании не было, но Вестнику это не мешало. Привыкшие с детства к темноте ходоки легко

ориентировались на ощупь, а развитый слух помогал вычислить любого притаившегося рядом противника. Да и отличная зрительная память позволяла запомнить точное расположение всех объектов в помещении или же на улице. Ходоку достаточно было при свете бросить короткий взгляд, и уже в темноте, используя лишь свою память, он мог с лёгкость обойти любые препятствия, открыть двери или окна и отыскать нужные предметы.

А приют Вестник знал хорошо. Поэтому дошёл до склада в потьме и только у двери, услышав, как что-то хлюпнуло под ногой, включил фонарь.

На полу была лужа вязкой, липкой крови.

Ходок достал из кобуры нож и толкнул дверь плечом.

Небольшая комнатушка была забита всевозможным барахлом. Ржавые велосипедные рамы, деревянные и пластиковые ящики, пустые бутылки, чугунные трубы, различные инструменты, начиная от гаечных ключей и заканчивая столярными рубанками — всё было навалено одной большой горой. А возле самой двери лежали два человеческих тела — женщина, с вывернутой назад головой, и мужчина, с торчащей из груди ножкой от стула.

Шуша и Кит — узнал их Вестник и вздохнул, но не из жалости к убиенным.

С этой парой он встречался единожды, три месяца назад, когда из Тихих вод ходили торговать в Южную. Поэтому и Шуша, и Кит были ему безразличны. Только тела из приюта выносить придётся им с Крепом, а вот это угнетало.

Чуть выше головы Шуши из кучи хлама торчал черенок лопаты. Вестник выдернул её и поставил у стены.

Он ухватил Кита за ноги и поволок по коридору.

Крепыш был уже на ногах и встретил Вестника на подходе к комнате тётушки.

— Странную ты лопату нашёл, — саркастически заметил он.

— Это Кит, — тут же ответил Вестник. — Там ещё и Шуша лежит. Тётя Лиза не соврала, они заходили, только уйти не смогли.

Крепу стало не по себе. Когда они одолели бесноватую, ощущение опасности сразу схлынуло. Бой закончился, а вместе с ним ушёл страх перед смертью. Вновь появилось присущее многим людям мнение — кто бы сегодня не умер, это буду не я. Но сейчас, видя перед собой

убитого южанина, Крепыш вновь вспомнил о смерти. Ведь на месте этого мёртвого парнишки мог быть и он сам.

— Тащи его на улицу, — сказал он. — Я Шушу заберу.

После Шабаша умерших в земле хоронили редко. Слишком хлопотное это дело. Все три Старопесковских кладбища находились за чертой города и ходить туда никто не рисковал. Во-первых — далеко, а во-вторых — кладбища окружал лес, поприще леших. Ещё первое время во дворах и закоулках города, где земля не была уложена тротуарной плиткой или закатана асфальтом, то тут то там возникали небольшие захоронения, но после появления гончих старая традиция сошла на нет.

Гончие оказались падальщиками, причём с очень развитым обонянием. Они кружили вокруг домов, в которых находились умершие, не давая покоя живым, и даже раскапывали неглубокие могилы, чтобы добраться до похороненных тел.

Городовые поступили просто. Начали отдавать умерших гончим. Стоило отнести тело в доступное для псевдо место, и через какие-нибудь сутки от него ровным счётом ничего не оставалось. Гончие сжирали всё, вплоть до костей.

Так же поступили Вестник и Крепыш с южанами. Оставили их метрах в пятидесяти от приюта. А вот тётя Лиза такой участи не заслуживала. Она была пережитком и, невзирая на тяжёлые времена, чтила старые традиции.

За приютом на поросшей синими васильками поляне ходоки выкопали глубокую могилу. Почва была твёрдой, но они не останавливались пока яма не скрыла стоящего в полный рост Крепыша. Из такой могилы никакой гончий её не выкопает.

Вестник завернул тело и голову тётушки в покрывало. После чего они аккуратно вынесли его наружу и опустили в могилу. Оба знали, что в таких случаях в старые времена что-то говорили и читали молитвы, но в то же время были далеки от таких речей, поэтому в тихом безмолвии начали закапывать.

В один момент Вестник ощутил на себе чужой взгляд. Ощущение было такое, словно кто-то стоит прямо за спиной и неотрывно следит за каждым твоим движениям. Ходок никогда не пренебрегал своими чувствами. Не единожды они предупреждали его об опасности.

Вестник удобнее перехватил черенок лопат, чтобы можно было использовать её как оружие и осмотрелся. Креп тоже встрепенулся.

Приют за их спинами был таким же безмолвным, а вот опушка леса впереди ожила и засветилась десятком огней. На самом краю леса в рядок выстроились лешие. Каждый в руках держал полыхающий факел.

Разделяло городовых и леших всего метров двадцать цветочной поляны. С такого расстояния ходоки хорошо видели раскрашенные замысловатыми узорами лица и сшитые из шкур животных одеяния леших.

- Что делаем? — спокойно спросил Креп.

- Нужно закончить, - ответил Вестник. — Один закапывает, второй караулит.

Лес окружал Старопесковск со всех сторон. Любому городовому было доподлинно известно, что стоит подойти близко к окраине леса и к ногам твоим прилетит пущенная лешими стрела, как предупреждение, что следующий шаг может стать последним. Но о таких выходах как сейчас, ходоки никогда не слышали. Можно было бы подумать, что леших смутили похороны городовой так близко к лесу. Но ходоки зарыли могилу, а лешие им так ничем и не помешали.

Оставалось одно объяснение происходящему. Лешие прощались с тётушкой. Но какие могли быть отношения у них с тётей Лизой, Вестник даже не предполагал.

Глава 5. Необычная находка Сонной

Ив кривилась, и не без причины. Казалось, словно в выгребную яму попала. Чижу и самому было неприятно бежать за загруженным крысами грузовиком между раздавленных тел отрешённых, а местами, там где стояли налитые вчерашним ливнем лужи, по кровавому месиву. Что уж говорить о девушке.

В отличие от них Рыжий и Туман веселились, раздавая тумаки попавшимся на пути тварям. Тик серпом снёс голову ползущему по земле безногому псевдо, а Туман ударом биты проломил другому грудную клетку. Вдвоём накинулись на следующую жертву, а после бросились крушить ночлежку, но долго ею не занимались, так можно и заиграться. Грузовик уйдёт вперёд, а псевдо неспешно сомкнуться вокруг.

"Интересно, а отрешённые запоминают своих обидчиков?" — глядя на них, задумался Чиж.

Вопрос был неожиданным и сейчас неважным, но мысли иногда появляются без воли и желания своего хозяина.

"Вот смеху то будет, если, выбравшись из завала, пастух начнёт Мутного и Тика по городу выискивать".

Димка и Ив шли первыми, и когда грузовик застопорился, они тоже остановились, а парочка рубак закружила по кругу, безустанно кромсая отрешённых.

Кузов грузовика был накрытый тентом, и крысы не могли видеть ходоков, но всё же подходить близко к машине было слишком рискованно. Хотя, глядя на пройдённый путь, Чиж понимал, что если крысы их заметят, деваться будет некуда. За спиной, там где ещё совсем недавно тяжёлой машиной был проложен проход через псевдо, ряды отрешённых начинали медленно смыкаться.

Грузовик пополз дальше, и театральщики неторопливо последовали за ним.

Чиж держал Сонную за руку, и когда он ненароком толкнул ногой заваленного грязью отрешённого, тот с силой рванул ходока к себе, да так что и Ив не смогла устоять на ногах. Димка рухнул на колени и начал рубить тварь широким тесаком, а Сонная завалилась набок,

прямо на разорванного надвое отрешённого. Как только она прикоснулась к измазанному грязью и кровью псевдо, его холодные ладони сомкнулись на её лице. Девушка задёргалась, пытаясь высвободиться, но хватка была невероятно сильной.

Отрешённые всегда так действовали — слонялись по городу и никогда ни на кого не нападали, но стоило хоть кому-то из людей дотронуться до твари, как она цеплялась за беднягу и затаскивала в толпу себе подобных. Отрешённые удерживали свою жертву до тех пор, пока та не превращалась в бесноватого.

На поясе у девушки висел небольшой топорик, но его ещё нужно достать, а вот канувшие в кровавую жижу руки, нащупали что-то плоское, тяжёлое и твёрдое. Сойдёт как оружие. Сонная схватила предмет двумя руками и со всего размаху ударила им по голове отрешённого. Потом ещё раз, ещё и ещё... Раздались хруст и чваканье, и хватка ослабла, а в следующую секунду крепкие мужские руки поставили девушку на ноги.

— Ив, ты в порядке? — взволнованно спросил Чиж.

— Нормально, — соврала девушка.

На самом деле чувствовала она себя отвратительно.

Смрад стоял невыносимый. Руки стали влажные и липкие. Вязаные колготки и юбка пропитались тяжёлой грязью.

— Нормально, — ещё раз повторила она и почувствовала рвотные рефлексы.

— Быстрее, двигаем. — Туман подтолкнул замешкавшихся ходоков в спины.

Чиж взглянул вперёд. Грузовик ускорился, а значит и им надо торопиться.

Машина, промчавшись по скопищу отрешённых, проломила стену торгового центра и влетела внутрь.

Ходоки обошли пересечённую грузовиком ночлежку, незаметно юркнули через разлом и направились вдоль стены к ближайшему магазинчику.

Единственным укрытием в павильоне со стеклянной передней стеной оказался широкий прилавок. За ним театральщики и спрятались.

Чиж расспрашивал пережитков о планировке "семёрки", поэтому знал, что большую часть внутренних помещений занимает торговый

зал, с трёх сторон огороженный перегородками, а с четвёртой — длинным рядом касс. Вокруг торгового зала проходит коридор, а вдоль него располагаются десятки разномастных павильонов с одеждой, бытовой и компьютерной техникой, ювелирными изделиями и уймой иных мелочей.

Тик что-то рукой сгрёб с пола. Ощупал. Длинная цепочка, десятки холодных и гладких шариков на ней, а по центру цепочки болтается крупный камень.

"Бусы", — сразу определил он и протянул их Ив.

— Держи подарок.

— Какие ещё подарки, Рыжий? — прыснул Димка и перехватил руку ходока.

Сама же Сонная даже короткого взгляда на Тика не бросила. Она удивлённо пялилась на орудие убийства отрешённого. Что это за странная прямоугольная находка покоилась в её руках, девушка не знала.

"И зачем оно мне нужно?" — задалась вопросом Ив.

Чиж поднял голову над прилавком и начал следить за бандитами.

Отрешённые оставались снаружи, ни один даже не попытался пройти через разлом в "семёрку". Они очень редко заходили в помещения, предпочитая им открытую местность. Крысы же быстро выскочили из грузовика и разбежались по торговому залу. Возле машины осталась лишь двое бандитов. Их голоса звучали тихо, и Димка не мог услышать ничего из сказанного.

Чиж опустился на пол. Взглянул на ходоков. Туман и Рыжий ждали указаний, а Ив, ни на что не отвлекаясь, крутила в руках свою новую игрушку.

— Крысы рванули в торговый зал, — начал Чиж, — а мы туда не сунемся. Мы пойдём по коридору по кругу. Осмотрим мелкие магазинчики. Ясно? Я и Сонная пойдём по правой стороне, а вы вдвоём — по левой. Как только поймёте, что крысы собираются сваливать, возвращайтесь сюда. Другого шанса выбраться из "семёрки" не будет.

— И как по-твоему мы это поймём? — спросил Туман. — Они перед нами отчитываться не будут.

Чиж чуть было не сорвался назвать его тугодумом, но в последний миг решил, что сейчас лучше Мутного не дразнить.

— Вы их слушайте, — коротко ответил он.

— Не бойся, не пропадём, — Рыжий Тик хлопнул Мутного по спине. — Погнали?

Туман, чуть пригнувшись, вышел из-за прилавка и растворился в темноте. Рыжий проследовал за ним.

Димка повернулся к девушке и тихо позвал:

— Ив.

В тот же миг прямоугольник в её руках ярко засветился.

— Чёрт, — ругнулся Чиж и выхватил его у Сонной.

Димка сунул "светлячка" в рюкзак, и тьма вновь окутала ходоков.

— Прости, — виновато защебетала Ив. — Я не хотела. Там кнопочка была, я и нажала.

Чиж выглянул из-за прилавка и облегчённо вздохнул. Оставшиеся у грузовика крысы смотрели совсем в другую сторону.

— Это планшетный компьютер, — нравоучительно забурчал он. — На нём могла и музыка заиграть.

— Говорю же, извини, — повторила Ив.

— Сам виноват, надо было сразу рассмотреть, что это за штукенция у тебя, — успокоился Чиж. — Ладно. Надо идти. Я думаю, времени у нас не так уж и много.

Первый павильон, в который они попали, был завален разнообразной обувью, что несказанно обрадовало Димку. Его старые, много раз латанные кроссовки давно износились.

Театральщик включил фонарик, и тонкий лучик света метнулся по помещению. Опасно, свет могли увидеть крысы, но если искать на ощупь, не хватит и всей ночи. Вскоре ходок был вознаграждён за риск. Место кроссовок на его ногах заняли крепкие и удобные ботинки. Ещё две пары он привязал шнурками к поясу. Хорошая обувь всегда в цене.

Следующий павильон пришёлся по вкусу Ив. В большом помещении на манекенах были надеты с десяток женских платьев различных фасонов и расцветок. В цветочек, в горошек, однотонные, разноцветные, в полоску — у Сонной глаза разбежались. Многие были порванные или потеряли свою первоначальную яркость за бесхозяйственные годы проведённые в "семёрке", но Сонная всё равно запрыгала от радости, когда Чиж разрешил ей выбрать себе платье.

Пока Ив расхаживала вокруг разодетых манекенов, Димка скрылся в соседнем павильоне. Здесь его ждали всевозможные удочки

и рыболовные снасти. В Театральной от этого добра проку не будет, а вот рыбаки из Тихих вод могут предложить хорошую цену за такой товар.

Дальше пошли магазинчики ещё более бесполезные — заставленный запылёнными электроприборами, павильон с пожухшими искусственными цветами, следующий был завален пластиковыми ящиками. А вот в комнатке с разложенными по полочкам инструментами Димка задержался. Там его нагнала Ив.

Если ходоки вели себя тихо, то рыщущие по торговому залу крысы горланили во всю. "Семёрка" грохотала падающими стеллажами, звенела бьющимися бутылками и безудержно хохотала. Крысы пихали в заранее заготовленные мешки и коробки всё подряд, загружали их в кузов и бежали за новым барахлом. Но весь производимый ими шум потонул в яростном рёве. Стремительно отскакивая дробью от стен, он пронёсся по "семёрке".

Чиж спрятал в рюкзак бобину медного провода и замер. Ему и Ив удалось осмотреть только половину павильонов со своей стороны и дальше, судя по нервной беготне крыс, они уже не пойдут.

— Крысы уходят, и нам пора.

Чиж забросил свою ношу за спину и помог надеть громоздкий рюкзак Ив.

— Утянешь?

Девушка утвердительно кивнула.

— Это был пастух? — нарочито спокойно спросила она.

— Да, — ответил Димка. — Ненадолго завала хватило.

— Может, другой пришёл?

— Маловероятно. Сама знаешь, они не компанейские ребята.

Чиж старался придать своему голосу уверенность и спокойствие, но внутри всё сжималось в предчувствии неминуемой беды.

Ходоки вышли в коридор и побежали к разлому. Они не знали, где сейчас Рыжий и Туман, но надеялись, что ребята возвращаются к грузовику.

Чиж нырнул в ювелирный павильон, тот с которого начиналось их путешествие по торговому центру. Ив залетела следом.

В кузове грузовика вздымалась гора из мешков и коробок. Крысы "затоварились" на славу, и теперь сами размещались вокруг награбленного.

Пара дежуривших возле грузовика бандитов влезли в кабину. Мотор машины после недолгого натужного кряхтения взревел. Грузовик медленно развернулся и направился к разлому. Последний крыса заскочил в кузов и опустил тент.

Пора было уходить, но Тик и Мутный так и не появились. Чиж чертыхнулся и, схватив Ив за руку, двинулся вдоль стены к выходу. Уже возле самого разлома из темноты прямо-таки вывалились Туман и Рыжий. Лица их радостно светились. Пара громоздких рюкзаков за их спинами и огромная коробка, которую нести приходилось вдвоём, давали понять, что ребята зря времени не потратили.

Следом за грузовиком театральщики выбежали на пустырь.

Пастух появился из ниоткуда. Вот его не было, а вот он уже пытается воткнуть ногу-шип в кузов грузовика. Водитель резко вывернул руль вправо, и этот манёвр спас крысам жизнь, вернее не позволил умереть слишком быстро. Шип прошёл мимо и сорвал левый борт. Собранный в "семёрке" груз мешок за мешком начал вываливаться из кузова. Один из крыс попытался словить самый громоздкий тюк, а вместо этого вылетел вместе с ним. Без звука упал в грязь, и тут же был с ней смешан ударом пастуха.

Грузовик сделал небольшой крюк и направился назад к торговому центру.

— В "семёрку"! — прокричал Димка, видя мчащуюся на них машину и преследующего её пастуха.

Для крыс началась безумная круговерть.

Пастух ухватился одной лапой за крышу, а другой — за задний борт и легко оторвал машину от земли. Колеса продолжали крутиться, а сам грузовик взмыл метров на восемь вверх. Из кузова посыпались нагруженные вещи, с воплями полетели крысы. Один бандит успел ухватиться за край борта и повиснуть на нём. Пастух разинул широкую пасть и ринулась к его ногам. Верхняя половина крысы так и осталась висеть на борту, а псевдо небрежно встряхнул машину в воздухе, грохнул о землю, раздавив нескольких выпавших из кузова крыс и словно играючи швырнул грузовик вдогонку бегущим ходокам. Ив и Чиж успели скрыться в "семёрке", а вот Туман и Рыжий только-только ступили в разлом. Грузовик протаранил стену чуть выше дыры, сорвал несколько листов металлической обшивки и рухнул прямо на них. Пастух, посчитав своё дело выполненным, неспешно двинулся

прочь. Лишь после того как Чиж и Ив убедились, что псевдо ушёл, они осмелились приблизиться к грузовику.

Димка опустился на колени возле треснутого борта кузова — машина лежала колёсами вверх — и негромко позвал:

— Рыжий, Туман? Эй! Вы живы?

— Живы, — тут же прозвучал голос Тика. — Удачно таратайка упала.

Чиж вздохнул с облегчением.

— Димка, ломани аккуратно пару досок в борту, а то сами не выберемся, — это заговорил Мутный. — Рыжий, задницу свою убери, а то она мне в нос тычет.

— Куда я её уберу? На мне грузовик лежит!

— У-у-у, твою к гончему! Чиж, давай вынимай нас отсюда!

Димка улыбнулся.

— Точно живы.

Сонная заглянула в кабину. Худощавый водитель был мёртв. Голова крысы оказалась вывернута назад, да так что макушкой соприкасалась со спиной. А вот бородатый пассажир ещё дышал. Грудь его тяжело и неуверенно поднималась, выдавливая тихие стоны. Он на мгновение открыл глаза, взглянул на красивое девичье лицо и вновь провалился в небытие. Ив не могла знать, но в короткий момент просветления Хмель хотел свернуть ей шею, только сил это сделать у крысы не оказалось.

Глава 6. Хозяева крепости

Для большинства людей Шабаш был неожиданностью. Жестоким и непонятным явлением, обрушившимся на человечество. Но, не будем греха таить, стоит признаться, что были и те, кто знал о грядущей беде. Их было не много, всего двенадцать человек. Разных национальностей, из разных стран и различного вероисповедания, но не лишённых общих черт. Это богатство, тщеславие, трезвый учёный ум и, что самое главное, любопытство. Откуда им стало известно о Шабаше — это уже отдельная история. Главное — как "двенадцатка" использовала эту информацию.

Для верности надо сказать, что они получили доступ к источнику Шабаша, прозванного ими же Садом. И тут же началась бурная деятельность по его изучению. Имея в своём распоряжении практически неограниченные ресурсы, "двенадцатка" начала усердно и кропотливо собирать данные, проводить различные измерения и эксперименты, не чураясь ставить опыты на людях.

Песковчане даже представить себе не могли, что происходило в одном из частных домов города. Трёхэтажный коттедж с просторным двором, обнесённым высоким забором, считался у местных жителей убежищем то ли сброшенного с пьедестала власти политического деятеля, то ли скрывавшегося от правосудия миллионера, а может и вовсе крепость — так песковчане его величали из-за обилия охраны, позднее и среди обитателей коттеджа это название прижилось — была тайным местом встречи некой знаменитости с неменее известной любовницей или любовником.

Неприступная изгородь и бдительная охрана не позволяли песковчанам увидеть, что творится на территории и в самом здании, и тем более они не могли предположить, что под крепостью находится источник их погибели, а рядом с ним выстроен Аркс, спасительный бункер для "двенадцатки" и лиц, приближённых к ней.

Муторными расчётами и наблюдениями "двенадцатка" смогла вычислить, когда Сад начнёт изменять человечество, даже умудрилась просчитать ущерб от явления и некоторые его последствия. Используя полученные данные, удалось совершить несколько открытий в

генетики и биологии человека. Но никакие старания "двенадцатки" не помогли отыскать средство, способное остановить процесс изменений. Шабаш оказался неотвратимым.

Можно было предупредить людей, строить убежища, ставить щиты, укрывавшие от солнечного света, но у "двенадцатки" личное любопытство стояло на порядок выше чем выживание человечества. Горючего в очаг любознательности подливала выведенная ими же теория, что изменения, которые вызовет Шабаш — это лишь начало, а финалом должно стать нечто величественное и грандиозное.

С началом Шабаша "двенадцатка" вместе с самыми близкими людьми укрылась в бункере и залегла в криокапсулы, ожидая после сна увидеть совсем новый мир.

***

Игорю Юрьевичу Шалыгину давно не снились сны, и ему это нравилось. Беспамятство, хотя бы такое, не могло не радовать. Слишком много знаний хранилось в его голове, слишком много новой информации приходилось воспринимать и обрабатывать чуть ли не ежесекундно. Оттого и хотелось беспросветной тишины, чтобы ни одной мысли и ни одного звука вокруг не было.

Иногда, в самые тяжёлые моменты, казалось, будто ему не справиться. Ещё одно мгновение, и он сойдёт с ума, сломается под давлением голосов двух миров, старого и нового. Неожиданные видения: города, люди, псевдо — и все такие реальные и живые. Наплывающие мощным потоком звуки — вой, плач, смех, непонятный говор. Всё это давило многотонным грузом на Шалыгина. Последние годы головная боль стала чуть ли не постоянным его спутником, и даже болеутоляющие лекарства не всегда могли с ней справиться.

Но пока он терпел, а во сне и вовсе разум опустошался и проваливался в спасительное забвение, принося старику покой.

Просыпался он всегда бодрым и полным сил. Казалось, горы свернуть можно. Даже вечное нытьё в спине отступало.

Вот и сейчас он открыл глаза и блаженно потянулся, прогоняя сладкую негу. После чего уселся на край криокапсулы, а босые ноги поставил на бетонный пол. Вдохнул холодный воздух.

И тут как током ударило. Остальные капсулы стоят во тьме, тускло помигивая индикаторами состояния, и только над ним горит красный свет.

Каждые три месяца Аркс будил Шалыгина для проверки систем, и ни разу это не происходило в тревожной обстановке. Обычно всё размеренно и планомерно: проснулся, подкрепился, посидел за компьютером и вновь залез в криокапсулу.

Старик засмотрелся на полыхающую красным лампу.

"Не по графику поднял... Что-то случилось..."

Он медленно встал на ноги. Спешка сейчас ни к чему. Организм ещё слаб после спячки. Да и не молодой уже. Упадёшь ненароком, — ноги и руки переломать можно.

Всё поплыло перед глазами. Пол под ногами завертелся, капсулы начали двоиться, а свет словно по воздуху размазало.

— Тише, тише.

Игорь Юрьевич несколько секунд постоял и неуклюже двинулся к выходу.

Дверь открылась автоматически. Он шагнул в коридор, и сразу стало теплее, а вместе с тем седая голова начала разгонять мыслительный процесс.

Разница температур в криохранилище и в коридоре правильная, общий сигнал тревоги не орёт на все помещения, да и проснулся только он один, а значит проблема не с самим Арксом. Радоваться этому или горевать, Шалыгин ещё не знал. Просто сложилась такая мысль и всё тут, а что дальше будет, увидим.

Компьютера в центре управления встретили его графиками, диаграммами и программным кодом на ярких дисплеях. Старик уселся на удобный мягкий стул и пробежался глазами по строкам текста на одном из мониторов. Всё сразу стало по своим местам.

Причина пробуждения была проста и вполне ожидаема — отыскался потерянный "ключ" от Аркса. Не столь опасная ситуация, как может показаться на первый взгляд. Тем более – он прильнул к другому монитору – Аркс уже поднял лютых, и те выдвинулись в город устранять проблему.

Игорь Юрьевич откинулся в кресле. Рука нехотя потянулась к штекеру нейропривода. Не было желания им пользоваться, не любил старик эти нейроштучки. Ощущения словно у тебя в мозгу кто-то грязной рукой роется, рвёт его по кусочкам, а потом назад запихивает и склеивает. Лучше по кнопочкам пальчиками стучать. Но выбора не

было. Следить за лютыми и связаться с ними можно только через нейросеть.

Тонкий штекер вошёл глубоко в шейный разъём. Шалыгин всем телом вздрогнул. Навалилась неимоверная тяжесть, и перед глазами хаотично замерцали разномастный картинки. Казалось, он проваливается в бездну. К горлу подкатил ком, а в голове словно колокол зазвонил, такая грянула боль.

Через пару секунд изображения рассеялись, тошнота отступила, и старик позвал:

— Глеб!

Выждал секунду, но ответа не последовало.

А ведь слышит его командир лютых. Должен слышать. Просто знает, что Шалыгин не любит этот способ общения, оттого и медлит с ответом. Издевается.

— Князь! – Старик вновь повторил вызов.

— Слушаю, Смотритель, – раздался в голове ответный голос.

— "Ключ" до сих пор активен. Находится в прежней точке. Вы далеко?

— Нет, скоро будем у торгового центра.

— Напоминаю, ваша задача — найти "ключ" и возвратиться вместе с ним назад в Аркс. Свидетелей вашего появления среди выживших быть не должно. Ясно?

Глеб минуту не отвечал, а потом огорошил Шалыгина:

— Ясно то ясно, только в бункер мы не вернёмся.

— Как это понимать?

Старик вызвал данные с болтающегося над городом стационарного орбитального спутника.

— И почему вы разбрелись по городу?

Смотритель не видел сейчас лица командира лютых, но мог поклясться, что тот смеётся.

— Я просмотрел данные по количеству населения города. Выжило людей на порядок выше, чем предполагалось. Но ты же это и так знаешь.

— И что? — Старик не сразу понял, к чему ведёт Князь.

Шалыгин вновь подключился к спутнику. Вот он, Глеб Князев, топает спокойно по улице к Тихим водам.

— Через три года проснётся "двенадцатка" и, как тебе известно, моя основная задача — это обеспечение их безопасности и создание благоприятных условий для изучения...

— Князь, сбор выживших ты должен начать только через два года, а не сейчас, — перебил его Шалыгин.

— Повторю ещё раз — людей слишком много. В запланированные сроки мы можем не уложиться. Ты же не хочешь, чтобы "двенадцатку" сразу порешили?

Старик задумался. Предполагалось, что людей в городе останется пара десятков, и Князь должен будет собрать их в одном месте. Но реальное число выживших оказалось гораздо выше. Несколько сотен — и это только в общинах, а есть ещё и крысы. За все годы наблюдения за Старопесковском Шалыгин так и не смог определить хотя бы приблизительное их количество. Для Аркса они опасности не представляют, но это сейчас. А если, предположим, во главе крыс станет Глеб?Потребности и желания изворотливого и беспринципного Князя игнорировать нельзя. Не будь он сыном одного из "двенадцатки", Шалыгин давно настоял бы на его устранении.

— Ты так спрашиваешь, будто тебе важно мою одобрение, — наконец пробурчал старик.

И вновь появилось ощущение, будто Князь лукаво смеётся.

— Тут ты прав, старик. Мне твоё одобрение ни к чему. У нас разные задачи. Я ведь не учу тебя, как следить за работой Аркса и криокапсул. И тебе в мои дела лезть не стоит.

— Действуй, Князь. И без лишнего трёпа. — Игорь Юрьевич помассировал пальцами виски. — Ты к Валевскому идёшь? Решил навестить старого друга?

— Да, — не стал скрывать Глеб. — Любопытство заедает, каким он стал за столько лет. Я собранные тобой данные просматриваю. Оказывается, он нынче глава общины. Вот и пообщаемся.

— Общайся сколько влезет, — прыснул старик. — Только передай ему, что нужен отчёт о психосоматическом состоянии выживших. Или тоже скажешь: "Не моя задача"?

— Конечно, не моя, — уже явно смеялся Глеб. — Но передам. Всё же это на общее благо.

— Общее благо? Ага! Когда оно тебя волновало? — сказал Шалыгин и выдернув из шеи нейропривод.

Давить на голову перестало, но боль так и не ушла. Ещё минут пять перед глазами стояла белая пелена.

А ведь Глеб со своим "созданием благоприятных условий" может разрушить его замысел. Старик в уме перебрал возможные варианты развития событий. Вроде бы ровно, гладко и без изъянов, но лютые способны всё вывернуть на изнанку, а сам Шалыгин ровным счётом ничего не может сделать. Но кое-кто способен исправить положение.

Шалыгин надел наушник и придвинул ближе к себе микрофон. Связь с этим человеком не требовала использования нейросети. Поэтому Смотритель действовал спокойно. Включил спутниковую связь и стал ждать. Прошло чуть более минуты, но ему так никто и не ответил, и Шалыгин отменил вызов.

Ничего страшного не произошло. Ведь тот с кем связывался Смотритель спутниковый телефон постоянно с собой не носит, а хранит в потаённом месте, периодически проверяя не было ли вызова.

Игорь Юрьевич, в ожидании звонка, задремал.

Сигнал запищал громко и неожиданно. Шалыгин дёрнулся, аж в спине стрельнуло. Он застонал и включил связь.

— Привет, Увалень, — поприветствовал своего собеседника Смотритель.

— Привет, старый. Что-то ты рано на связь вышел. Случилось чего?

— Старый? — оскалился Шалыгин. — Я моложе тебя...

—Только выглядишь, — ехидно усмехнулся собеседник.

— Ладно. Бог с тобой. Я спорить не собираюсь, — остепенился Игорь Юрьевич. — Нашёлся планшет Гершина.

— Столько лет прошло. Я уже думал, он давно из строя вышел.

— Хотелось бы, но нет. Его включил кто-то в торговом центре "Семь чудес". Там сейчас планшет и находится.

— В общине были слышны взрывы со стороны "семёрки". Я туда нашего подопечного в разведку послал, но скоро рассвет и вернётся он только к следующей ночи.

— Как он? Подопечный, — спросил Шалыгин.

— Отлично, Игорь. Я думаю, это как раз тот человек, который нам и нужен.

— Надеюсь, Увалень, ты прав. В общем, когда вернётся, посылай ко мне.

— Сейчас? — даже через спутниковый сигнал просочилось удивление. — Ты чего-то не договариваешь?

— Аркс действовал по протоколам безопасности и вместе со мной разбудил ещё и лютых.

— И что в этом плохого? Пусть Князь со своими бойцами планшет и заберут. Ты, кстати, снимки со спутника не смотрел? Не видно, кто возле "семёрки" шумел?

— Спутник в это время находился в режиме плановой самодиагностики. Так что жди своего разведчика, — огрызнулся Шалыгин. — Проблема в том, что Князь не хочет возвращаться в Аркс, когда найдёт планшет.

— Почему?

— Собрался порядок в городе навести, чтобы потом "двенадцатке" безопасней было. Короче, он свою игру затевает.

— Ну что же, Глеб всегда любил власть, и сейчас, когда появилась возможность построить хоть и маленькое, но своё государство, он её не упустит. Хорошо. Спасибо, Смотритель, что предупредил. До связи.

— До связи, Увалень. Не забудь прислать подопечного, — закончил разговор Шалыгин, снял наушник и тут же обомлел.

Перед глазами взрывом разлетелись сотни образов. Тело единовременно испытало множество ощущений, начиная от безудержного страха, заканчивая непомерным счастьем.

К чёрту лютых и общины! Сад гораздо важней. Старик поднялся с кресла и направился к выходу.

Боль в голове начала усиливаться. В ушах зазвенели голоса. Их нельзя игнорировать, ведь станет только хуже.

Сад делал больно не со зла. В нём вовсе не было ничего злого или доброго. Эти оценки выдуманы людьми, а он выше всего, что могло придумать человечество.

Глава 7. Отголоски прошлого

Тихие воды были самой крупной общиной Старопесковска. Жителей в ней насчитывалось чуть более ста пятидесяти человек, и эта цифра не уменьшалась, а неуклонно росла. Глава общины, Сергей Николаевич Валевский, даже задумался о разделении посёлка, слишком уж сильно Тихими водами начали интересоваться гончие. Пока в общину псевдо пробирались редко, но вокруг изгороди они шастали что днём что ночью.

"Водяные" — а иначе жителей Тихих вод никто и не называл — располагались в пятиэтажном жилом доме, растянувшемся метрах в ста от русла Матушки-Волги. Пустырь перед зданием с двух сторон огораживал частокол, а с третьей — посёлок защищала сама Волга.

На пустыре водяные пытались выращивать овощи: лук, картофель, морковь, капусту. Только урожай всегда выходил скупой, невзирая на все агро-ухищрения. Пережитки твердили, что раньше было иначе. Раньше урожаи снимали богатые, а в нынешней бедности огорода виновен Шабаш. За прошедшие после начала изменений годы город должно было захлестнуть зеленью: разорванный кустарниками асфальт, вывернутая ими же тротуарная плитка, заваленные мощными деревьями здания и поросль высоких трав повсюду. Но ничего такого не было. Молодые деревья и кустарники в городе встречались редко, а трава росла низко и мелкими островками. Природа не хотела идти в Старопесковск.

Зато рыбы в Тихих водах было вдосталь. Волга щедро даровала её рыбакам. Хватало и себе и на обмен с другими общинами.

Практически все окна в обжитом водяными доме были плотно закрыты. Где досками, где листами жести, где затянуты плотной тканью. И лишь на нескольких окнах городовые установили ставни. На крыше громоздились три хиленьких, как говорят в простонародье, ветряка. Их хватало на несколько десятков лампочек, освещающих внутренние помещения, а вот снаружи обходились кострами.

Убранство дома не пестрило разнообразием и красотой. Хоть ходоки и могли приволочь из города всё что угодно, но водяные

старались довольствоваться лишь необходимым. У каждого был шкаф для личных вещей и кровать, а иным хватало матраца на полу.

Несколько квартир превратились в склады. Вещей в них валялось много, и в большинстве своём они были бесполезными. В одной "трёшке" городовые собрали хорошую библиотеку. Но посещали её лишь старики. Молодёжь считала книги не более чем хорошим топливом для разжигания костров и печей, а многие и вовсе, так и не научились читать, невзирая на все старания пережитков.

***

Мягкая, чуть влажная трава нежно щекотала бледную кожу. Длинные рыжие волосы веером лежали над головой, а большие тёмные глаза смотрели вверх. Тьма ночного неба казалась чем-то осязаемым. Протяни руку и коснёшься её. Но Егоза знала, что это не так. Тьма неприкосновенна и нескончаема. Нет у неё начала и нет конца. Лишь только густая россыпь звёзд давала понять, что тьма – это ещё не пустота. Егозе нравились звёзды. Такие спокойные, неизменные и в то же время светят каждую ночь по-новому. Только глядя на небо ей удавалось отстраниться от мира псевдо. Сверху плыли иные солнца, иные планеты, но Егоза никогда не думала о том, что там может быть иная жизнь. Мысли о мирах, где можно жить при свете, никогда не зарождались в её голове. В такие мгновения девушка вообще ни о чём не думала, и это было самое приятное.

Она просто любовалась.

— Почему не спишь?

Вопрос прозвучал тихо. Городовые привыкли говорить полушёпотом, громкие голоса даже здесь, в окружении ярких костров и частокола, могли излишне взволновать блуждающих за оградой псевдо.

Егоза давно расслышала шаги и определила, кому они принадлежат, поэтому вопрос не застал её врасплох.

— Небо сегодня необычно яркое.

В свете полыхающего костра Егоза видела, как тонкие губы Валевского растянулись в улыбке, и он задрал голову вверх. Старик был домушником и свет звёзд был единственным природным светом каким он мог насладиться. Глава давно переступил порог. Теперь, даже будучи закутанным в одежды, ему хватит и пары минут под солнечным светом, чтобы пополнить ряды псевдо.

— И впрямь красиво.

Валевский опустился рядом с Егозой и обнял её за плечи. Руки у него были тонкие и костлявые, но тёплые.

— Мне скоро "на костёр" становиться, вот и решила немного посидеть, — ровным голосом проговорила девушка, но старик сразу ощутил тонкие нотки волнения.

— За Вестника беспокоишься?

Лёгкие румянцы осветили белые щёки Егозы.

— Они ещё прошлой ночью должны были вернуться.

Сергей Николаевич пожал плечами.

— Приют недалеко, но ты же знаешь, что даже малое расстояние может оказаться труднопреодолимым. Да и тётушка любит языком помолоть. Просто ребят не отпускает...

— Скоро рассвет, а в округе слишком много гончих, — перебила Валевского Егоза и сама же испугалась сказанного.

Старик лишь негромко хмыкнул. В её словах была правда. Три дня назад пара псевдо проникла за частокол, но к дому их не подпустили. Один попал в вырытую яму-ловушку. Пробитый насквозь тремя кольями гончий умудрился сползти с них и даже попытался выбраться из ямы, но подоспели ходоки и добили копьями. А второй, получив в грудь стрелу, скрылся в сделанном ими подкопе.

— Вестник осторожный, а Креп сильный. Они вернуться. Поверь мне, — ответил Валевский.

— Что-то странное происходит в городе. После заката в стороне "семёрки" слышались взрывы. Я боюсь за него, — не унималась Егоза.

— Взрывы все слышали. Я уже распорядился в разведку ходоков отправить. Надо узнать, что случилось. Только "семёрка" далеко от приюта, и произошедшее там ни к Крепу, ни к Вестнику не имеет отношение. Успокойся, — как отрезал Валевский и тут же перевёл разговор в другое русло: — Почему тебя сегодня на уроках не было?

— История?

— И география. Сегодня мы рассматривали Евразийский континент.

Егоза отмахнулась:

— Неважно, — и кивнула головой на грядки, на которых копошились городовые. — Вот что главное. Ни история, ни география, ни... эта... физика нас не накормят и не спасут от гончих или изгоев.

Люди сотни лет придумывали, сочиняли, выводили всякие теории... Бред. А потом — Бац! — и нет ничегошеньки. — Егоза стала на носочки напротив Валевского и сжала в своих ладонях его руки. — Пап, хватит жить прошлым. То что было важно тогда, сейчас не имеет смысла. Выживание — вот что главное.

Сергей Николаевич категорично замотал головой.

— Нет. Ты не права. — Старик начал нервничать. — Мы накопили много... много знаний. Мы многое построили. Улетели к звёздам. И это важно. Потому что так как сейчас не может продолжаться вечно, когда-нибудь свет успокоится.

— Успокоится, — согласилась Егоза. — Вот только нас тогда может и не быть.

— Не говори так больше никогда. Человек выживет. Даже сейчас в общинах людей становится больше. Мы выживем, и знания, которые пронесём с собой, помогут встать на ноги.

— Нас становится больше? — Егоза захихикала. — Нас были миллиарды, и разве это помогло? Посмотри за частокол, отец. Их тоже становится больше.

Она резко развернулась и двинулась прочь, за огороды, к дальнему костру.

***

Тимоха Вьюн попался водяным три года назад. Он, тогда ещё дикий семилетний мальчишка, шнырял по подвалам в поисках чего-либо съестного и, столкнувшись с ходоками, попытался сбежать. Ловить его никто не стал бы, — своих ртов хватает — но Вьюн влетел прямо в сливной сток и сломал ногу. Даже после этого, лёжа в вонючей яме, он ни разу не пискнул, — и ходоки пожалели юнца.

Вьюн был тихим. Поэтому ни Валевский, ни Егоза не услышали его размеренного дыхания и так и не узнали, что всё время пока они разговаривали, мальчуган лежал в паре метров от них.

Егоза ушла. Тимоха дождался, пока Валевский вернётся в дом, и лишь тогда двинулся следом за девушкой.

Домушники и ходоки, хозяйничавшие в огороде, на юнца внимания не обращали. Всем было известно, что Вьюн любопытен и никогда не сидит на одном месте. Только тучная повариха Маргарита Антоновна, склонившись с тяпкой над рядком картофеля, невзначай ущипнула его за ногу и весело пролепетала:

— Опять за Егозой волочишься, шалопай.

Вьюн отскочил и погрозил женщине кулаком. Та лишь рассмеялась в ответ.

Грядки закончились. За ними шёл ров, дно которого было утыкано кольями. Тимоха однажды видел, как бесноватый провалился в эту ловушку. Его продырявило в нескольких местах. Обычный человек умер бы сразу, но псевдо ещё долго визжал и дёргался. Тогда Креп не позволил его добить. Не жестокость или любовь к крови толкнули на это ходока. Он хотел проверить насколько выносливы бесноватые. Псевдо вопил долго.

Вьюн пробежал по узкому, в две доски шириной, мостику и оказался в паре метров от кострища.

Егоза только что отправила в огонь чурку и опустилась на бревенчатую площадку возле частокола. Глаза девушки были закрыты. Не на что здесь смотреть, за двухметровой изгородью была тьма кромешная. Нужно слушать.

Из-за реки, со стороны леса, прилетало много звуков: рёв, вой, шипение. Она не знала их происхождения, да и неважно это было. Звуки города — вот что главное.

А город чаще всего молчал. Лишь редкое урчание пастухов вдали и мерное стенание отрешённых раздавались в тишине. По крайней мере так было раньше. Сейчас же к этим нечастым звукам добавился постоянный скулёж гончих. То чуть ближе, то чуть дальше, то левее, то правее...

Послышался остервенелый вопль изгоя.

"Далеко. Не стоит беспокоиться", — подумала девушка.

Совсем рядом противно зачавкала влажная земля.

"Опять гончие".

Тихий скрип прилетел из-за спины.

Егоза улыбнулась.

— Хватит красться, Тимоха. Я знаю, ты рядом.

— Что выдало?

Мальчуган запрыгнул на площадку и уселся рядом с подругой.

— Доски под ногами вибрируют, — не открывая глаз, ответила Егоза. — Да и без этого, ты ко мне каждый раз "на костёр" приходишь. Соскучился?

Вьюн стеснительно опустил лицо.

— Соскучился, — признался он. — Представляешь, мы с Юлой сегодня на берегу кошку поймали. Она из леса вышла.

Егоза открыла глаза и взглянула на Вьюна. Бледный и худой, как и все, даже полутень неспособна это скрыть. Но большие глаза такие яркие и живые.

— Съели? — неожиданно спросила она.

— Кого?! — удивлённо вытаращился Тимоха

— Кошку. — Лицо девушки было невозмутимо серьёзным. — Вы с Юлой кошку съели?

Вьюн замотал головой и протянул:

— Не-е-е.

Егоза улыбнулась.

— Шучу я.

— Мы её Сергею Николаевичу отнесли. Он так обрадовался. Сказал, что раньше у него две были... Как это?.. Родовые? Не. Породистые. Да и вообще раньше по городу котов много бегало. Это правда?

Егоза кивнула.

— А куда они все делись?

— Изгои съели.

Вьюн оскалился.

— Опять шутишь?

— Не знаю, — честно ответила Егоза. — Может и сожрали, а может в лес коты сбежали.

— А собаки? Сергей Николаевич их на картинках показывал. Говорил, их в домах держали. Кормили... И голуби... То же были? А сейчас почему птицы не летают над городом?

— Тебя, сопливого, боятся, поэтому и не летают, — съёрничала Егоза, но увидев, как мальчуган насупился, добавила: — Да не знаю я, Тимоха. У отца тебе и надо было спрашивать. Я же ведь тоже после Шабаша родилась. Не было тогда в городе никого кроме псевдо.

Егоза отвернулась и вновь закрыла глаза.

— Да и вообще, не отвлекай. Я слушая.

— Можно, я рядом посижу, — прошептал Вьюн. — Не выгоняй. Я тихо.

Егоза кивнула. Он всегда приходил, а она никогда не выгоняла. Садился рядом, также закрывал глаза и вслушивался в город, а вскоре

засыпал.

Вьюн и сейчас засопел быстро. А Егоза, не поднимаясь со своего места, бросила в костёр полено и вновь сосредоточилась на звуках.

Перед её глазами стало худое лицо Вестника. Отец уверен, что парень вернётся. От вранья самой себе сердце замерло. Неправду он говорил, просто пытался поддержать родную дочь, боялся её огорчить.

Вестник не любил Егозу, и она это знала, но всё же девушке было страшно. Боязно было даже представить, что она может больше не услышать его голос, не увидеть лицо.

Поток волнующих мыслей оборвали новые звуки. Егоза встрепенулась.

За частоколом заволновались гончие. Рычание псевдо стало чуть громче, и несколько тварей пронеслось вдоль изгороди.

Егоза бросила взгляд по направлению их бега. На следующем костре, всего в двадцати метрах от неё, стояла Хмурая Тучка.Завидев Егозу она взмахнула рукой в сторону следующего костра. Там дежурил Хромой Юз.

Глаза быстро уловили мельтешащего по платформе ходока. Юз перебросил через частокол верёвочную лестницу и сам выгнулся за изгородь, держа перед собой факел.

— Вьюн, — негромко позвала девушка.

— Тут я, — мальчуган вскочил на ноги и протёр заспанные глаза.

— Сбегай к Хромому. Узнай, что там происходит.

Тимоха уловил в её голосе озабоченность и поэтому без лишних вопросов спрыгнул с площадки и рванул к следующему костру.

Увидев, как Юз помогает кому-то перебраться через изгородь, Егоза радостно заулыбалась. Даже в потьме она узнала Вестника.

***

Валевский любил дочь и больше всего на свете желал ей счастья, но вот эти обречённые мысли, зарождавшиеся в голове девочки, пугали его. Многие в определённый момент задумываются о бессмысленности сопротивления происходящему. Ведь куда проще сдаться. Умереть, а дальше — будь, что будет. Ведь если вдуматься, мир сам отверг людей.

— Боже, — выдохнул Сергей Николаевич.

Это опасные мысли. Они крушат надежду, рушат веру в жизнь. Но что делать? Как заставить поверить в то, что жизнь ещё не кончена,

что впереди ещё много побед. Да, будут и поражения. Но ведь подняться можно только с колен.

— Почему они этого не понимают? — бубнил себе под нос старик.

Задумавшись, он и не заметил, как прошёл в здание, миновал коридор, не ответив на приветствия встретившихся по пути водяных, и вошёл в свою комнатушку.

Валевский прикрыл за собой дверь и неожиданно даже для самого себя заплакал.

— Устал?

Вопрос застал Сергея Николаевича врасплох. Он оторвал глаза от пола и только после этого заметил гостя. Мужчина сидел на кровати в пол-оборота к двери и, упёршись локтем в письменный стол, следил за хозяином комнаты. Ставни были открыты. В окно лился тусклый свет от ближайшего костра, но и его хватило, чтобы рассмотреть и узнать мужчину. Белые как мел волосы, маленькие глазки-бусинки, мощные накачанные руки. Вместо старых растрёпанных одежд как у городовых, на нём были надеты новая кожаная куртка, джинсы, кроссовки и кепка на голове.

"Явился, Князёк", — прыснул про себя Валевский. Захотелось развернуться и уйти. Пусть эта встреча окажется всего лишь сон.

— Чего молчишь, Серёжа?

Гость выглядел не старше тридцати пяти лет и обратился к пожилому хозяину комнаты слишком вальяжно, но тот никак не отреагировал, а спокойно сел на табурет под окном.

— Рано. Ожидал тебя только через два года.

— Обстоятельства изменились.

— Что-то случилось?

Князь проигнорировал вопрос старика и задал свой:

— Серёж, я пока тебя ждал, немного послушал, о чём люди шепчутся, и вот что меня озадачило — почему вы своим детям такие странные имена даёте? Юла, Егоза, Хромой Юз... Что за цирк? Димы, Васи, Юли и Иры уже не в почёте?

Вопрос звучал не насмешливо, а задан был вполне серьёзным тоном, и поэтому Валевский решил ответить.

— Есть ещё и Димы, и Васи, и Иры. А новые имена — это попытка отстраниться от прошлого, создать что-то иное... Многие

винили в Шабаше человеческий образ жизни и мышления. От них и открещиваются.

— Винили? А сейчас уже не винят?

— Винят, конечно... Некоторые. Но имена ещё и традицией стали, — устало промямлил Валевский. — Ты так и не ответил на мой вопрос. Что-то случилось?

Гость непринуждённо забросил ноги на кровать, спиной опёрся о стену и зевнул.

— Да, Увалень, ты постарел. Устал небось. Стал слабым. Раньше ты бы на мой вопрос и отвечать не стал, не дождавшись ответа на свой, а потом ещё и взбучку устроил бы.

— Я не просто состарился. Я прожил жизнь, Глеб. Все эти годы я жил здесь. — Сергей Николаевич обвёл рукой вокруг себя. — В этом мире, а не в Арксе дрых на боковой.

Лицо Валевского покрылось испариной, руки нервно задрожали.

— Глеб? — задумчиво проговорил Князь. — Я уже было подумал, что за восемнадцать лет ты забыл моё имя. Ладно, хватит тянуть. Всплыл ключ Гершина. Кто-то нашёл планшет и включил его. Поэтому я здесь.

Глеб сжал кулаки. Валевский видел, как в его глазах мелькнула ярость. Старик знал этот взгляд и знал, что он несёт с собой страх, боль и смерть.

— Гершин — твоя осечка, Серёж. Ты должен был его найти. — Гость потянулся вперёд и с силой ткнул пальцем старика в грудь. — Но устраню её я. А если ты будешь мешать — умрёшь. Моей любимой, жуткой и кровавой смертью. Потом так же подохнут все твои близкие... и дочь.

Валевский вздрогнул. Глеб никогда не бросал слова на ветер.

— Ты сам проснулся?

Князь улыбнулся.

— Нет. Мы все здесь. — Глеб поднялся с кровати и неспеша подошёл к двери. — Если будет информация о гершеновском планшете, выйди за изгородь. Сам. Тебя встретят. И ещё. Смотрителю нужен отчёт о психосоматике людей в городе.

— Всё есть, — не стал скрывать Валевский. — До следующей ночи скомпоную в пару бумаг и вынесу за частокол.

— Хорошо. Я рад, что ты меня понял.

Князь чуть приоткрыл дверь и выглянул в коридор.

— Сегодня я тихо пришёл и также уйду. Но вот в следующий раз всё может быть по-другому. Грядут перемены, Увалень. Выбери правильную сторону.

Валевский даже взглядом не проводил гостя. Слишком неприятным было его появление.

Глеб сомневался в нём — и был прав. Если в начале пути оба шли одной дорогой к общей цели, то сейчас всё изменилось. Мир вокруг стал другим. Рядом были другие люди, но зато такие родные и близкие. И Валевский устремился к иной цели.

"Перемены... Выбери правильную сторону... Убью тебя и дочку, — неожиданно Валевского заполнила злоба. — Я постарел? Да. Но этот старик ещё способен тебе сердце вырвать…"

— Сергей Николаевич, там Вестник и Креп вернулись. Говорят, тётушка умерла.

Глава вздрогнул, увидев в окне Вьюна.

— Вы в порядке? — Даже в глазах ребёнка Валевский выглядел потерянным.

— Всё хорошо, — засуетился он. — Найди мне Буквы. Мне нужно срочно с ним поговорить.

Тимоха хмыкнул.

— Так он к "семёрке" ушёл. Вы его сами в разведку отправили.

— Забыл. И впрямь старею, — коротко выдал Валевский и прикрыл ладонью глаза.

Глава 8. Крысий забег

День был по осеннему сырым и холодным, но в утеплённом укрытии Янус этого не чувствовал. Ведущая в небольшое подвальное помещение дверь была заколочена, щели и просветы прикрыты старыми матрацами, а пара воздуховодов плотно забита тряпьём. Между узким окошком и ходоком воздух прогревал распалённый в чугунной бадье костерок.

Янус лежал на деревянном настиле и тихо посапывал. Он успел пройти половину пути от Тихих вод до "семёрки", когда взошло солнце. Двигаться дальше ходок не решился, появилось гнетущее предчувствие опасности.

В округе мельтешило много изгоев. Один из псевдо — высокая девчушка с длинными беспалыми руками и безгубым ртом, растянутым на всю ширину лица — пробежал всего в сантиметре от притаившегося за углом ходока. Янус успел заметить второй ряд зубов во рту изгоя, а ещё он мог бы поклясться, что тварь его увидела, но по какой-то неясной причине не напала.

Вот поэтому Буква решил до заката затаиться.

Спать не стоило. В любое укрытие — как бы оно не было защищено — могут проникнуть изгои или гончие, да и крысы не прочь поживиться добром городовых.

Обычно в вылазки ходоки отправлялись парами, но Янус был исключением. Его внешность отталкивала людей.

Метр шестьдесят ростом, жилистые ноги, крепкие руки, узкие плечи, чуть приплюснутый нос на широком, наполовину "мёртвом" лице, на левой стороне щека слегка провисает, глаз всегда закрытый, а маленькие губы застыли в постоянной ухмылке.

Такое лицо было "подарено" ему матерью наркоманкой. Бывало, что Януса при первой встрече принимали за изгоя. Оттого ходок и полюбил одиночество.

Но человек зверь стадный и не может долго находиться наедине с самим собой. Ему нужен кто-то рядом, способный выслушать и поддержать или укорить, тем самым отвлечь от въедливой и жестокой бытности. И таким товарищем для Януса стали книги. Выслушивать

исповеди своих читателей им, конечно, не суждено, но дать совет и позволить отрешиться от окружающего мира они способны.

Ещё в пятилетнем возрасте он научился читать, и с тех пор каждую свободную минуту поглощал всё новые и новые тексты. Больше всего Букве нравились исторические романы, но он с таким же интересом зачитывался детективами и научной литературой, хотя понимал в ней далеко не всё. А вот слащавые любовные эпопеи не переносил на дух.

Янус левой рукой поднял с пола книгу и открыл на нужной странице. Правая рука осталась лежать на рукоятке арбалета.

Негромко скрипнула оконная рама. Буква навёл на окно арбалет, с нежеланием отложил книгу и сел. Все движения спокойные и размеренные.

Из проёма выглянула пара чумазых рук, за ними появилась укрытая чёрной шапкой и шарфом голова. В подвал ввалился крыса и распластался на холодном полу.

Буква поднялся на ноги. Арбалет всё так же смотрел на гостя. При обычных обстоятельствах Янус не задумываясь вогнал бы стрелу в сердце бандита, но сейчас его остановил странный вид крысы.

Одежда рваная. Нет ни вещмешка, ни рюкзака. Из оружия только зажатый в правой руке нож. На спине, руках и лице сквозь одежду проступают кровавые подтёки.

"Не был ли ты в "семёрке", дружок? Не оттуда ли бежишь?" — мелькнула неожиданная догадка.

Было видно, как грудь крысы медленно подымается и опускается.

— Эй, — негромко позвал Янус, но бандит не шелохнулся.

Ходок придавил ногой лезвие ножа к полу и перевернул крысу на спину.

Крыса резко дёрнулся, выпустил нож и на четвереньках пополз к стене. Его глаза словно ошалевшие завертелись из стороны в сторону. Янус не увидел в них бесноватости. Неудержимый страх — вот что переполняло крысу.

— Он рвал... — зашептал бандит. — Рвал...

Взгляд крысы замер на лице Буквы.

— Он рвал его... Рвал...

— Тише, тише...

Крыса находился на грани помешательства. Одно неверное слово или неловкое движение и добиться хоть толику осмысленных ответов будет невозможно. Янус сдвинул ногой нож, а арбалет опустил вниз. Но ближе к крысе подходить не стал.

— Успокойся. Я не знаю, о чём ты говоришь, но здесь ты в безопасности.

— В безопасности? — Крыса медленно повернул голову, осмотрел комнату. Взгляд остановился на прикрытом окне, и он ещё больше вжался в угол.

"Да что же тебя так напугало?"

Буква достал из рюкзака кусок лепёшки.

— Возьми. Поешь.

Бандит опасливо протянул руку, а потом схватил лепёшку и начал крупными кусками запихивать в рот.

Первый шаг к "дружескому" диалогу сделан. Истерика прошла, теперь можно и попытаться поговорить. Буква вернулся ближе к костру и сел на настил.

— Звать тебя как?

Крыса перестал жевать. Уставился на оружие ходока.

Буква уловил этот взгляд.

— Не нападёшь — не выстрелю. Я не кровожадный. Так как тебя зовут?

— Буза, — бросил тот и вновь принялся поглощать лепёшку.

— Меня Янус, — ответил ходок и осторожно спросил: — Ты в "семёрке" был?

Крыса вновь покосился на окно, словно ожидая, что упоминание торгового центра принесёт очередную беду.

По его реакции Буква понял — предположение попало прямо в точку, и решил продолжить расспрос.

— Что случилось?

— Слушай, уродец, а чего ты такой добрый? — неожиданно взорвался Буза. — Мы твоего брата ходока резали и грабили, а ты меня кормишь? Чё за хня?

Он вскочил, но, завидев нацеленный на себя арбалет, застыл на месте.

— Не знаю что, но что-то напугало тебя до дрожи. А сейчас ты успокоился и пристыдился своего страха, — рассудил Янус.

— Я? Пристыдился? — Крыса вновь опустился на пол. — Чё ты несёшь, придурок?

— Страх сменился на злость, — не обращая внимания на слова Бузы, продолжал Янус. — И ты пытаешься выместить свою злость на мне.

Буква подался чуть вперёд.

— Не получится.

В голосе ходока звучала стальная уверенность. Крыса не стал спорить или огрызаться, а молча впился зубами в остатки лепёшки.

— Я никогда не видел напуганной крысы. Всегда считал вас бесстрашными.

—Психами вы нас считаете.

— Пациенты психбольниц — сами люди неплохие и заболевания у них — душевные. — Буква улыбнулся. — Может и так. Но бесстрашными психами. И если тебя что-то напугало, значит, это что-то должно быть ну очень неординарное. Я хочу знать, что с тобой случилось?

Буква опустил арбалет.

— Если ты не будешь пытаться напасть на меня, а спокойно всё расскажешь, я тебя отпущу и не трону. Даю слово.

— Слово он даёт. Да хера мне с твоего слова? — огрызнулся Буза. — Лучше дай ещё пожрать.

Янус сунул руку в рюкзак. Остался небольшой кусочек.

"Ладно. Кнут и пряник", — решился он и бросил остатки лепёшки крысе.

Буква не торопил бандита, а спокойно ждал, наблюдая, как тот поглощает свою трапезу, и вскоре его терпение было вознаграждено.

— Мы двумя группами торговый центр брали. Точнее, одна в "семёрку" пробилась, — заговорил крыса, — а мы пастуха в ловушку загнали. Представляешь? Долбанного пастуха в яму сбросили и сверху дом на него повалили.

Крыса нервно засмеялся.

— Но он всё равно выбрался, сука, и рубанул нас. Я и Киш только уцелели. Дёру дали. Пастух к "семёрке" поволокся, а мы в одном из домов зашхерились и стали смотреть, чё будет дальше.

Буза остервенело замотал головой.

— Сваливать сразу надо было, — пуская слюни, запричитал он. — Пастух удавил тех, кто в "семёрку" ушёл и успокоился, а мы зависли. Дальше-то что делать? Вся наша стая легла. Долго спорили. Чуть друг друга не замочили, а потом решили к Одноглазому напроситься. Он отморозок ещё тот, но бойцы у него сплочённые.

Казалось, Буза отстранился от всего вокруг, так сосредоточенно он рассказывал. Крыса ни разу не повернулся к окну и доносившийся снаружи топот он не слышал.

"Для отрешённых двигаются слишком быстро. Для изгоев — слишком много. И что же происходит?" — заволновался Буква, но виду не подал, хотелось спокойно дослушать рассказ Бузы, а то вдруг опять истерика у крысы начнётся.

— Вот только далеко мы уйти не успели, — продолжал тот, и вновь появилась дрожь в голосе. — Он просто влетел в комнату... Высокий, здоровый. Сам весь чёрный, а глаза белые. Влетел, меня одним ударом в стену впечатал. А Кишу...

Буза замолчал и уставился на свои ладони.

— Что с Кишем случилось? — через несколько секунд тишины осмелился спросить Янус.

— Он Кишу брюхо вскрыл. Ножичком вот такенным. – Буза развёл широко руки. – Потом придавил его ногой к полу и начал кишки себе на руку наматывать. Кишки Киша! Я чуть оклемался... А Киш вопит... Смотрю, у тварюги из бочины нож торчит. Достал его, видать, кореш мой. Да только этому "чёрному" как-то по хер на него. Увидел, что я на ноги поднялся, кишки отбросил и на меня кинулся, а я — в окно, с третьего этажа. Думал, крышка, но лучше так, чем как Киш, с кишками наружу. Грохнулся на отрешённых. Прикинь, не царапины.

— Повезло, — кивнул Буква.

— Повезло? — оскалился Буза. — В жопу такое везение. Лучше бы в асфальт башкой воткнулся. Меня "чёрный" ищет. И не сам, а вместе с изгоями. Изгои его слушаются.

Буква нахмурился и украдкой взглянул на окно.

— Ты что-то увидел?

Буза дёрнулся в глубь комнаты, но Янус был готов к этому и одним ударом ноги оттолкнул крысу назад в угол.

— Изгои друг друга при встрече грызут, а ты хочешь сказать, что они под командованием твоего "чёрного" тебя ищут? Слабо верится.

— Да по барабану мне как тебе верится, слабо или сильно, — огрызнулся крыса. — Я собственными глазами видел, как "чёрный" по улице шёл, а три изгоя вокруг его ног плясали! Псы, мать их, верные!

— Не кричи.

— Не кричи?! Я всех мочил! Руками... — Крыса вскочил на ноги. — Руками гончему один на один шею свернул! А тут появилась тварь, которая ложила на воткнутый в печень нож, и ты мне говоришь, не кричи?..

Вопль, прозвучавший совсем рядом, окончательно вывел крысу из себя.

Буза округлил глаза.

— Нашли. Нашли, — шёпотом проговорил он и ринулся к окну. — Не возьмёшь, упырёнышь.

Стремительно, подгоняемый своими внутренними страхами, крыса исчез в проёме.

Янус медленно опустился возле костра и задумался.

А что если Буза начал изменяться и "слетел с катушек"? Что если он сам убил своего товарища? Или того вообще не существовало, а весь рассказ создан больным воображением.

"Нет," — Янус сразу отказался от этой мысли.

Слишком отчётливо Буза описал своего "чёрного". Всё слово в слово совпадало с рассказами Валевского о лютых.

Янусу стало страшно.

"Нужно возвращаться в Тихие воды".

Буква накрыл железной крышкой бадью.

"И идти нужно сейчас, а не ждать ночи", — решил он.

Янус поднял воротник на куртке. Откатал длинные рукава кофты. Большинство ходоков носили перчатки или рукавицы, скрывая кисти от света, но Букве нравилось когда руки оголены. Приятно ощущать дуновение ветра, прикосновения к предметам или людям.

Он обмотал нижнюю часть лица плотным шарфом, завязал его спереди на узел и натянул на голову широкополую шляпу. Раньше Янус носил балаклаву, но в одной из вылазок в город заметил за разбитой витриной магазина коричневую ковбойскую шляпу и влюбился в неё. Ведь бывает такое, увидишь какую-либо вещь и

понимаешь, что она создана для тебя и лучше всего будет смотреться именно на твоей ноге или руке, или голове, или пальце...

Подготовку к выходу Буква закончил, надев тёмные очки с громадными стёклами.

***

Без чего город перестаёт быть городом? Без беготни и толкотни. Без нежных разговоров мирно шествующих по тротуарам и аллеям парочек. Без хмурых старушек, перешёптывающихся на скамейках во дворах домов. Без гомонящей детворы. Если всё это собрать вместе, напрашивается вывод: город перестаёт быть собой, когда лишается людей. Он теряет свою суть, смысл своего существования и медленно умирает. Но перед окончательным разрушением, на самом краю могилы город рассыпается на части, превращается из громадного живого существа, каждый орган которого соединяли между собой жившие в нём люди, в набор отдельных ничем не объединённых зданий-мертвецов.

После Шабаша обездоленными стали все города на Земле, и Старопесковск, вдоль границы которого двигался Янус Буква, не был исключением. По левое плечо ходока тянулся ряд безмолвных пятиэтажек, скрывавших его от закатных лучей, а справа, всего через метров пятнадцать реденькой травки, ширилась бездонная река Волга. На другом её берегу, обрисовывая начало леса, высились кудрявые берёзы.

Выбравшись из укрытия, Буква хотел двинуться в Тихие воды самым кратчайшим путём, по прямой через дворы, не уходя вглубь города и не сворачивая к окраине. Но совсем скоро планы ходока были нарушены. Из-за угла дома, всего в каких-то паре метров от него, появились изгои. Янус успел юркнуть в ближайший подъезд и затаиться рядом с сидящим на полу отрешённым. Безволосый, худой, с выступающим по всему телу рисунком вен псевдо даже не взглянул на ходока. Такое соседство нервировало, но в то же время изгои обходили отрешённых стороной. Ведь окажись рядом пастух, нападения не миновать.

Изгои были отщепенцами как для мира людей, так и для псевдо. Одинокие, изуродованные изменениями твари оказались врагами для всех. Охотники и пастухи атаковали изгоев при любом удобном случае.

Псевдо оказалось двое: мужчина и женщина. На них ещё оставались остатки одежды: рваная юбка на ней и шорты, залепленные засохшей грязью, а может и кровью, на нём. Оба сутулятся. Руки болтаются из стороны в сторону, головы опущены. Каждый шаг тяжёлый, словно следующий сделать уже не удастся. Но это обман. За кажущейся неуклюжестью скрываются сила, ловкость и скорость. Поэтому, как только изгои поравнялись с подъездом, Янус вжался в стену за дверным косяком и затаил дыхание. Вокруг стояло вялое безмолвие и любой шорох мог показаться громче выстрела.

Изгои шли не останавливаясь и медленно вертели головами.

"Ищут Бузу? — неожиданно подумал Янус. — Ведь если он не соврал, и лютые управляют изгоями, то этих тварей в округе может оказаться прилично".

Псевдо скрылись из виду. Буква ещё некоторое время прислушивался, а потом покинул своё укрытие, оставив отрешённого в одиночестве.

Уже в соседнем дворе его ждал ещё один изгой. Ходок заметил псевдо сразу, как прошёл через соединявшую дворы арку. Двухметровая детина рыскала между десятком искорёженных автомобилей. Янусу пришлось отступить под укрытие арки.

Шабаш в той или иной степени изменил всех. Появились бесноватые — чудовища, застрявшие между прошлой жизнью человека и жизнью псевдо. Позже — через день или через месяцы, у всех по-разному — бесноватые начинали изменяться, кто превращался в отрешённого, кто в гончего, а кто-то становился изгоем. Если поведение первых трёх видов псевдо люди научились предугадывать, то что вытворит попавшийся на пути ходока изгой, сказать никто не возьмётся. Да и не собирались изгои никогда в группы. Всегда сторонились друг друга.

Сейчас же Буква наблюдал совсем иную картину.

Через несколько кварталов он вновь напоролся на псевдо. Четыре изгоя обыскивали территорию детского сада. Изредка впрыгивали через окна в помещения, проносились по комнатам и вновь выбирались наружу. Такие действия могли показаться хаотичными и бесполезными, но, глядя издали на их беготню, Буква понимал, что укрыться на обыскиваемой ими территории никому не удастся.

Сколько ещё изгоев шляется рядом? Где находятся их хозяева, лютые? Как они подчинили своей воле псевдо? Зачем им Буза? Или они ещё кого-то ищут? Вопросов было много, а вот ответы здесь он точно не найдёт.

Янус, как и большинство городовых, не испытывал страха. Он жил с ним. Страх делает человека осторожным, но и с лёгкостью может погубить. Поэтому ходок научился загонять его в самые глубокие недра сознания и только по необходимости, лишь на короткие мгновения, выпускал наружу, чтобы взвинтить фантазию и разогнать кровь. Но сейчас страх сам ломился взять власть над ходоком. Букву не пугала его собственная смерть. Ему претили перемены, которые несут лютые.

Детский сад остался позади. Янус миновал ряд так и незаселённых новостроек. И теперь лишь Волга отделяла его от леса. Буква никогда не ссорился с лешими, да в принципе ни разу не встречал никого из лесного народа. Но понимание того, что из-за деревьев за тобой возможно следит ни одна пара глаз и нацелены луки с острыми стрелами, волновало.

Изгоев на окраине не оказалось. Буква немного приободрился.

Солнце наполовину заплыло за горизонт, но Янус очки не снял. Видимость была хорошей, а излишний свет на благо не пойдёт.

По округе пронёсся вопль.

Это не был разъярённый крик бесноватого или зов отрешённого, это был вопль невыносимой боли. Он вместе с порывом ветра промчался между домов и, добравшись до окраины города, врезался в Януса.

Ходок остановился. Крик повторился, но уже более продолжительный и жуткий.

"Человек?" — от догадки Буква вздрогнул.

Нужно было просто ускориться и двигаться дальше по намеченному пути. Ведь так вопить может только обречённый, тот кому помочь уже нельзя. А вместо этого Буква вильнул влево и, оставив за спиной речную гладь, побрёл через дворы.

Крик прозвучал ближе. Отрешённые, собираясь в ночлежку рядом с детской металлической горкой, остались безразличны. На то они и отрешённые.

Янус обошёл их и скрылся в подъезде одного из домов. Вопль, надрывистый и страшный, эхом полетел по запустелым квартирам.

Буква взбежал на третий этаж, на ходу стянул очки, промчался к дальней угловой квартире и через разрубленную надвое дверь неспешно прошёл внутрь.

На ковре с лихо закрученным узором красовалось засохшее бурое пятно. Напротив двери стену покрывала чёрная копоть. Под ней половина ковра выгорела и превратилась в горку пепла. В наваленных на полу дровах с трудом можно было узнать тумбочку и массивную деревянная вешалку.

"Жарили кого-то, что ли?" — мелькнул безразличная мысль, и Буква прокрался на кухню.

Сюда его привёл вопль, но глаза всё равно по привычке пробежались по уже вскрытым тумбочкам и шкафчикам. Ничего полезного не увидев, Буква опустился на корточки перед окном и выглянул наружу.

Красиво.

Ряды шумных клёнов, тополей и берёз. Две неширокие дорожки, мощённые красной тротуарной плиткой, ползут через аллею, а вдоль них установлены низкий ажурный заборчик и громоздкие скамейки.

И жутко.

Сразу напротив окна к фонарному столбу был привязан Буза, а за его спиной копошился лютый.

Крыса кричал. В одно мгновение его голова опустилась, и Буза затих. Потерял сознание. Славные мгновения спокойствия.

Лютый вышел из-за спины своей жертвы. С зажатого в руке ножа стекала кровь. Он схватил Бузу за подбородок и приподнял голову.

Янус натянул тетиву, установил в направляющую арбалета стрелу и прицелился. Расстояние маленькое, здесь и худший стрелок не промахнётся.

Но Букву грызли сомнения.

Способна ли одна стрела остановить лютого? Один ли он здесь? Или рядом другие? Может, спасая Бузу, он навлечёт и на себя такую же напасть? Повиснет на соседнем столбе. Да и зачем спасать крысу?

Ходок вспомнил всё, что рассказывал Валевский о лютых и поник. В этом поединке у него нет ни единого шанса.

Лютый одним лёгким движение срезал правое ухо жертве.

Крыса вновь закричал.

Янус перевёл арбалет на Бузу. Глубоко внутри заскребла жалость. Даже крыса не заслуживал таких мучений, а лёгкое нажатие на спуск принесёт успокоение, — но потом придётся бежать, не останавливаясь и не оглядываясь.

Слева мелькнул силуэт, справа — ещё два. Буква перевёл взгляд и опустил оружие. К месту пыток подоспел ещё один "чёрный" в сопровождении пары изгоев.

Лютый приник к голове Бузы, словно что-то зашептал своей жертве. Крыса в ответ лишь скривился и украдкой посмотрел на Букву. По крайней мере ходоку показалось, что взгляд предназначался именно ему.

— День этот также хорош для смерти, как и всякий другой*, – прошептал Янус, повесил арбалет на плечо и попятился прочь от места расправы.

*Пауло Коэльо

Глава 9. Пленники мечты

Лихо были противны отрешённые. Безвольные и глупые псевдо, ведомые только своими низменными инстинктами, не вызывали ни капли страха и тем более жалости, лишь отвращение. У неё не было желания пробираться через толпу монстров. Вот только с крыши Лихо видела перед собой весь пустырь, и иного пути в торговый центр отыскать не удавалось. А попасть туда было нужно.

Шустро перескакивая с балкона на балкон, она спустилась на землю и уверенно двинулась между псевдо. Случайно коснулась одного, затем — другого. Прошла несколько метров и уткнулась в стену из покачивающихся тел. Пришлось расталкивать их.Отрешённые не реагировали на вмешательство в своё упокоенное состояние. Даже когда Лихо сломала ноги преградившему путь двухметровому псевдо, — сделала она это одним ударом! — а другому кинжалом вспорола горло, практически отделив голову от тела, они остались спокойны.

Справа доносились истерические вопли. Кто-то из крыс угодил в объятья отрешённых.

Лихо хищно улыбнулась, проскользнула между последними, разделявшими её и торговый центр отрешёнными и остановилась перед перевёрнутым грузовиком.

***

— Мы в жопе, — послышался в темноте унылый голос Тумана.

— Не влезем, — с чуть заметной грустью прокомментировал сказанное Чиж.

— Заткнулся бы ты. Мы здесь из-за тебя застряли.

— Из-за меня? — Лица Димки видно не было, но в голосе легко угадывалось раздражение. — Я тебя что, за яйца сюда тянул? Они у тебя вообще есть? Чего ноешь?

— Ах ты...

Мутный ринулся на голос, но Чиж залихватски ушёл в сторону. Взбесившийся ходок споткнулся о связанного крысу и ничком повалился на него.

— Да брось, Туманыч. Он ведь нас не тащил силой, — сказал Рыжий. — Сами пошли. Да и попали, так попали. Чего рычать друг на

друга словно изгои?

— Думать нужно, как выбираться, — согласилась с Тиком Ив.

— Я знаю, кто виноват, — не унимался Мутный.

Он нанёс два удара ногой в торс связанному Хмелю, и тот застонал.

— Плохо пастуха отвлекли! Плохо!

Ещё один удар крыса стерпел молча.

— Чиж, зачем мы его вообще сюда притащили? Добили бы и всё.

— Добить всегда успеем...

Димка чиркнул найденной у бандита зажигалкой, и по центру заваленной уборочным инвентарём комнатушки неспешно зардело пламя.

— А так может и применение найдём. Допустим, отвлечём им псевдо.

Ив придвинулась ближе к возлюбленном.

— Выбираться, как будем?

Чиж пожал плечами. Сложно было признавать, но выхода он не видел.

— Предлагаю дождаться ночи и хорошенько осмотреть "семёрку". Других идей пока нет.

— А мне кажется, что нам нужно уходить сейчас, — неожиданно предложил Туман.

Все как один устремили взгляды на Мутного. Он уже успокоился и грел над огнём руки.

— Крысы неплохо покосили ряды отрешённых, когда сюда пробирались, и пока замена не появилась, можно попробовать между ними проскочить. Но это нужно сейчас делать, а не ждать ночи, — добавил Туман.

Чиж бросил в костёр кучу тряпья, оно в изобилии валялось по комнате. Пламя вспыхнуло ярче, но лишь на несколько секунд. В "семёрке" не было практически ничего деревянного, сплошь пластик и металл, а бумага и ткань либо скупо тлели, не давая тепла, либо сгорали мгновенно.

— Слишком опасно. Отрешённых всё равно много, чтобы свободно пройти можно было, и пастух, встревоженный шляется.

— Думай, как думаешь, Чиж, но как по мне Туманыч правильно говорит, — вступился за напарника Тик. — Стоит рискнуть пройти

сейчас.

Видя, что ребят не переубедить, Димка и сам задумался:

"А может и впрямь попытаться прорваться?"

— Дим, ну, давай хоть глянем, что снаружи творится? — запричитала Ив. — Может, они и правы?

Спорили, ругались, но всё же ждали решения Чижа. А он сомневался. В "семёрку" много лет никто не мог попасть, а теперь вполне возможно много лет кое-кто не сможет выбраться. Риск идти днём велик, но что изменится ночью? Отрешённые остепенятся и соберутся в ночлежки, но к тому времени освободившееся пространство на пустыре займут другие псевдо и пройти станет невозможно. Отыщется ли здесь, в торговом центре, что-нибудь, что поможет в бегстве? Чиж знал безрадостный ответ: скорее всего ничего найти не удастся.

— Ладно, была не была. Идём к выходу, — сдался он. — Оценим обстановочку. Но только без попыток смерти подобных прорывов.

Туман и Рыжий синхронно кивнули, а Сонная нежно сжала рукой плечо Димки.

Часть вещей из рюкзаков ходоки скинули прямо в комнате, оставив при себе самое ценное и необходимое.

На выходе театральщики вспомнили про пленника.

— Прирезать? — предложил Рыжий.

— Оставь, — отмахнулся Чиж. — Добрее нужно быть. Он ведь хотел сюда попасть, вот пусть его мечта и исполняется.

Димка вышел из комнаты последним, захлопнув за собой дверь.

Сам торговый центр безмолвствовал, но с улицы доносились человеческие крики. Не все крысы, выпавшие из кузова грузовика, погибли. Некоторым не повезло. Ходоки ни разу не слышали, что кому-нибудь удавалось вырваться из плена отрешённых. Псевдо как трясина затягивали в самую глубь толпы и не отпускали.

Ив прижалась к Чижу, завидев как с его лица сползла улыбка. Рыжий и Туман понуро опустили головы. Для городовых было куда страшнее смерти, попасть в руки отрешённых.

Они успели пройти всего несколько метров, когда напал гончий. Чиж лишь на секунду отпустил руку Ив, чтобы поправить рюкзак, как дверь, напротив которой он находился, слетела с петель и снесла его.

Димку швырнуло на пол, а сверху его накрыла искорёженная дверь и стоящий на ней гончий.

Псевдо на этом не остановился. Не дав опомниться ходокам, он парой быстрых ударов отбросил Тумана и Рыжего, а потом сиганул на Ив.

Гончие были некрупными псевдо, — худые, метра полтора от пят до макушки. Зато силой и скоростью с ними сравниться было тяжело. Он нанёс один скользящий удар по голове девушки, и та мешком рухнула на пол. Гончий схватил Ив за ногу и стремительно поволок в комнату, из которой вылетел на театральщиков... и исчез.

Мутный первым рванул следом.

— Здесь в полу дыра, на этаж ниже ведёт. Я за ним, — крикнул он и юркнул вниз.

Туман был крупным парнем и тяжёлым. Поэтому, когда ноги коснулись пола, падение не закончилось. На мгновение перед глазами Мутного встала трещина в бетоне, а потом она стремительно расширилась, превратившись в тёмный пролом. Ходок не успел вымолвить и слова, как следом за кусками бетона, улетел в подвал.

Рыжий тупо уставился на то место, где только что стоял Туман, бросил взгляд на укрытого дверью Чижа и спрыгнул на этаж ниже. Тик перескочил разлом и вылетел через дверь в коридор. Димка скоро очнётся, у Мутного, хоть он и провалился в подвал, шансы уцелеть хорошие, а вот если упустить гончего, Ив точно пропадёт.Тик выскочил в торговый зал и там услышал её голос, не истерические крики или мольбу о пощаде, а ругань. Рыжий даже позволил себе слегка улыбнуться. Сонная пыталась дать псевдо отпор. Одолеть гончего она, конечно, не сможет, а вот задержать его вполне способна.

Тик на бегу натянул на лицо маску. От яркого света глаза начали слезиться, но очки театральщик одевать не стал. Гончий быстрый, и в бою его нужно видеть отчётливо, каждое движение, каждый выпад.

Ив лежала на спине. Одной ногой пыталась отбиться он наседавшего псевдо, не глядя пинала монстра, а за вторую — гончий тянул её к выходу.

Кожа твари была бледно-синяя. На теле проступали кости. Длинные руки и ноги оплетали литые мышцы. А в сгорбленной спине, чуть ниже правой лопатки, торчал топорик Ив. Успела-таки нанести удар! На пол широким ручьём стекала кровь, оставляя заметный след.

— Тик! Помоги!

Гончий не видел приближавшегося со спины противника, но услышал помчавшиеся по торговому залу шумными отголосками шаги и, небрежно швырнув свою жертву в стену, повернулся к Рыжему.

Всего секунду хитрый серые глаза Тика смотрели в яростные чёрные.

Псевдо упал на четвереньки и пошёл в атаку.

Рыжий, за миг до того как когти прошлись по его лицу, вильнул вправо и тяжёлым ботинком саданул гончего в спину. Угодил прямо по топору, вогнав ещё глубже в тело. Но противник не был человеком. А для псевдо топор в спине лишь неприятная заноза. Гончий развернулся и вновь бесхитростно и прямолинейно бросился на ходока. Лёгким финтом Рыжий оказался позади псевдо и отточенным взмахом нанёс удар по шее. Серп ходока прорезал пустоту. Гончий пригнулся, уворачиваясь от удара, практически лёг на брюхо. Он упёрся руками в пол, а обеими ногами лягнул ходока в грудь и лицо.

Рыжий не устоял. Да и как выдержать столь мощный удар? Его отбросила метра на два.Ещё несколько он протянулся спиной по плитке.

Псевдо завертел головой. С одной стороны — поверженный наглец, а с другой — стонущая девчушка. Гончий заурчал и на четвереньках подбежал к Рыжему. Принюхался. Практически коснулся своей мордой лица человека. Из разорванной брови ходока и из носа струилась кровь. Гончий лизнул её и голодно заурчал, раскрыв рот с гнилыми зубами. Такой оскал и застыл на его лицо, когда Тик не глядя рубанул серпом по шее. Голова отлетела, а рефлекторно дёргающееся тело ходок грубо оттолкнул ногой и сразу же поднялся.

— Ив!

Левый глаз Тика залила кровь, правый — показывал туманные картинки.

— Ив! — вновь позвал подругу ходок.

— Рыжий! — ответ прозвучал как болезненный стон. — Рыжий, я здесь!

— Иду, иду.

Тик стёр рукавом кровь с лица. Маска оказалась распорота надвое.

Сонной было больно. Гончий сделал то, что хотел — сломал ей ногу. Какая разница в каком виде он доставит жертву к отрешённым? Ведь когда человек станет псевдо, раны и переломы заживут невероятно быстро.

Ив растянулась на полу, не имея сил подняться. Единственное, что она сделала — это укутала лицо и голову шарфом, оставив открытыми лишь глаза. Её маска и очки остались в рюкзаке, а тот валялся где-то на пройдённом гончем маршруте.

— Больно, — тихо простонала Сонная.

— Не кряхти.

Тик поднял её на руки и заторопился прочь из торгового зала в тень.

Тонкие руки, мягкие волосы, притягательные губы. Сердце Рыжего загрохотало, перебивая боль от разбитого лица. Он спас её! Ту которую любит! Не Чиж, а именно он!

"Это судьба, Ив. Наша судьба. Ты ещё этого не понимаешь, но поймёшь".

— Димка? — прошептала раненная девушка. — Где Димка?

Рыжий со своей ценной ношей скрылся в полутени коридора.

— Сейчас, — насупился он. — К нему мы и идём.

А про себя подумал:

"А вдруг удар оказался слишком сильным, и Димка умер?"

Но эта мысль сразу же была отринута. Рыжий не горевал бы о смерти соперника. Может даже испытал бы радость, но видеть, как убивается Сонная, он не хотел. Не гибели Димки желал Тик, а победы иным способом. Нужно доказать Ив, что её выбор был неверным, что именно он, Рыжий Тик, её судьба, а не кто-нибудь другой.

Как только Тик и Сонная поднялись по лестнице на пролёт выше, Чиж выбежал им навстречу и выхватил из рук Рыжего свою подругу.

— Туман живой? — не дождавшись и слова благодарности за спасение, спросил Рыжий. Ответа так и не последовало.

Тик притупился. Стянул рваную маску и, оставив Димку и Ив одних, направился за напарником.

***

— Уроды, — прошипел Хмель.

Ходоки! Его в плен взяли ходоки! Лучше бы сразу грохнули или оставили подыхать в грузовике, было бы не так противно и позорно!

— Уроды...

Три пацана и девка скрутили как какого-то отрешённого! Связали! Кинули в угол!

Но он был крысой, а крысы всегда находят выход... или прогрызают его.

После нападения пастуха Хмель очнулся уже связанным, в комнатушке освещённой лишь слабеньким костерком.

Верёвка, которой театральщики повязали Хмеля, была старая и некрепкая. С собой принесли ходоки это гнильё или нашли здесь же, в торговом центре, Хмель не мог знать, но смотали ходоки ею крысу основательно и стянули руки не одним узлом. Ослабить и тем более порвать не выйдет.

Рьяно спорящие театральщики не заметили, как крыса мимолётно шевельнулся, а потом притворно замер.

Руки нащупали кусок битого стекла. И этого оказалось достаточно. Пусть думают, что крыса без сознания, а он пока тихо и неспешно перережет путы.

Верёвка поддавалась легко. Хмель замедлился. Торопиться не стоило. Для нападения нужно выгадать подходящий момент, — и тогда расплата будет полной.

Спор подошёл к концу, и неожиданно для крысы ходоки решились на прорыв. Хмель занервничал. Вдруг напоследок его прикончат, но театральщики не стали этого делать, а оставили крысу в одиночестве в безвыходной "семёрке".

После их ухода Хмель сделал ещё несколько болезненных движений, и, наконец, высвободил руки. Осталось лишь снять верёвки на ногах.

— Уроды.

Захотелось рвануть следом. Пацанам свернуть шеи, а девку разложит прямо на полу, рядом с мёртвыми дружками. Пусть кричит и брыкается!..

Дверь тихо приоткрылась. В комнату стремительно влетел нечёткий силуэт, слегка всколыхнув незатушенное пламя.

Где-то в здании раздался грохот, затем кто-то закричал. На ходоков напали, догадался Хмель. В другой момент крыса бы радовался, только сейчас у него появилась своя проблема.

Существо возникло прямо перед ним, нависло неожиданной угрозой. Хмель только-только успел стянуть верёвку с ног, и теперь упёрся взглядом на занесённый над головой кинжал. Хмелю показалось, что время остановилось. Доли секунды, которые оружие нависало над ним, хватило, чтобы понять, что предпринять дальше. Он руками оттолкнулся от пола и влетел в ноги неожиданному противнику, завалив его на стену. Зажатый кусок стекла впился глубоко в руку. Но это было единственное доступное оружие, поэтому потерять его никак не хотелось. В следующее мгновение он вскочил на ноги и повернулся к врагу.

Хмель всё делал быстро, но только по своим меркам, а вот Лихо он казался слишком медлительным. Неожиданный выбрык крысы лишь на короткий миг лишил её концентрации. Хмель вскочил, — и попал в тиски. Лютая мёртвой хваткой сжала ему горло.Правой рукой она душила, а левой — вдавливала стекло в ладонь крысе. Кинжал успела незаметно спрятать.

Хмель ударил свободной рукой в пах, потом по чёрному лицу. Всё безуспешно.Воздуха становилось всё меньше и меньше. "Чёрная" начала растворяться в предсмертном тумане. Крыса опустился на колени и перестал сопротивляться.

Лишь тогда Лихо ослабила хватку.

— Планшет? — спросила она.

"Я живой? Я живой!" — удивился крыса.

Сознание выплывало из тумана медленно, боясь вновь напороться на необычного противника.

— Планшет?

Хмель расслышал голос словно издали и не сразу сообразил кому он принадлежит.

Остриё кинжала впилось в шею крысе.

"Тварь говорит!" — наконец дошло до бандита.

А раз так, то с ней можно найти общий язык.

— Какой... планшет? — прошептал он.

Лихо видела, что пленник пережиток и должен знать, что такое планшетный компьютер, поэтому излишне объясняться не стала.

— Вы нашли его здесь. Где он?

— Я ничего такого не находил, — процедил крыса. — Послушай, мы можем...

Хватка усилилась. Крыса стал задыхаться.

— Я не находил... У ходоков... Он точно у ходоков... — на последнем вздохе прошептал он.

Лихо улыбнулась и сдавила шею крепче. Крыса дал информацию и теперь должен умереть. Лютая выпустила стекло, освободив кровоточащую руку Хмеля, и тот сразу же воспользовался этим. Он развёл руки в стороны и нанёс удар по голове, потом ещё и ещё.

Силы были на исходе, но "чёрная" начала поддаваться. Она болезненно затрясла головой, а потом вновь выхватила из-за пояса кинжал и нацелила им в шею. Хмель вдавил пальцами в глаза, и Лихо отшатнулась. Небольшая фора. Мизерная. И скорее всего это последний шанс для крысы на спасение. Он бросился в ноги "чёрной" и завалил её на пол. На этом удача вновь отвернулась от Хмель.

"Чёрная" ловко извернулась и оказалась сверху, на растянувшемся на полу бандите. Лихо обхватила голову крысы и ударила затылком о пол, а остриё кинжала воткнула неглубоко под подбородок.

— Ты крыса? Так бандитов прозвали ходоки?

— Да, и сейчас эта крыса перегрызёт тебе глотку, — брызнул кровью и яростью Хмель.

— Злой и сильный. — "Чёрная" ухмыльнулась. — Возможно, ты мне пригодишься.

Лихо вдавила пальцем в шею крысе, и сознание покинуло Хмеля.

***

Опечаленный Рыжий пнул ногой попавшееся на его пути пластиковое ведро, — то со стуком поскакало по полу — тихо выругался и затопал дальше по коридору. Чиж и Ив медленно плелись где-то позади.

Будь голова Тика не занята мыслями о Сонной, он наверняка бы заметил опасность. Толковый ходок всё вокруг себя примечает. Но сейчас Рыжий прошёл мимо приоткрытой двери и не обратил внимания на то, что темнота за ней не однотонна и разделяется на черноту комнаты и черноту застывшего в комнате силуэта. Театральщик отошёл на пару шагов, и из-за двери бесшумно выплыла лютая.

Рыжий не увидел Лихо и не услышал. Чутьё — вот что спасло ходока. Внутренний голос крикнул: "Что-то не так!" — и Тик прыгнул вперёд, тем самым увернувшись от удара.

В экстремальных ситуациях разум уступает место рефлексам. Так произошло во время боя с гончим, так же произошло и сейчас. Измотанный Тик, пренебрегая болью, ловко развернулся, выдернув из открытой кобуры серп.

Лихо рванула следом и нанесла размашистый удар. Рыжий отшатнулся, кинжал вспорол одежду и слегка оцарапал кожу.

"Чёрная" темп не сбавляла. Уклонившись от просвистевшего всего в сантиметре от шеи серпа, она вновь набросилась на ходока — и неожиданно приняла удар сбоку. Не смертельный, но очень сильный.

Ходоки с самого детства учились двигаться бесшумно. Поэтому Чиж умудрился подкрасться к Лихо сзади оставшись незамеченным.

Он целился в голову, но "чёрная" не вовремя вильнула и удар пришёлся в плечо. Лихо отшатнулась к стене, тут же ловко оттолкнулась от неё руками и кинулась на Чижа, оставив за спиной Рыжего.

Как только лютая повернулась к Димке, Тик воткнул ей в спину, чуть выше лопатки, серп, выдернул окрасившееся в красный цвет оружие и занёс для очередного удара.

Лихо взвизгнула. Не столько от боли, сколько от обиды. Её обыгрывают!

Она вновь развернулась к Рыжему и попыталась взмахнуть рукой, вспороть лицо наглому ходоку, только вот серп Тика вошёл в тело слишком удачно для театральщиков. Рука вздрогнула и, отказавшись слушать команды своей хозяйки, провисла вдоль тела.

Чиж замахнулся топориком Ив, целясь в шею. Один удар и "чёрной" конец.

Но Лихо не стала продолжать бой. Она оттолкнула ходока и рванула к лестнице. Сидящая на полу Сонная даже вздрогнуть не успела, так быстро Лихо промчалась.

— Это что было-то? — выдавил Рыжий.

— Забыл спросить имя. Догони узнай. И мне расскажешь, — сказал Димка.

— Мальчики, — прозвучал надрывный голос Сонной, — любопытство своё потом утолите. Нам спрятаться следует.

Театральщики переглянулись. А ведь Ив была права. Напавшее на них существо живучее, быстрой и сильное. Если оно вернётся, второй

раз может и не получится отбиться. Ещё и неизвестно один ли монстр или на задворках "семёрки" их целая компания притаилась.

Ходоки подхватили Сонную под руки и понесли вглубь здания. Не о какой попытке прорыва через отрешённых речи уже не шло. Нужно отыскать Тумана Мутного и самим подлечиться. Раны давали о себе знать вязкой кровью и тихой, но отвлекающей болью.

Мутный нашёлся сам. Ходок умудрился выбраться из дыры в которую ранее и рухнул, преследуя гончего.

Словно бесноватый он вынырнул из темноты с оружием на перевес, но сразу же замер, увидав побитых театральщиков.

— Это вас гончий так уделал?

Туман поднял стонущую Ив на руки, дав Димке и Рыжему отдышаться.

— И он тоже, — грустно констатировал Чиж. — Нужно хорошее укрытие найти.

— От кого? Ты можешь конкретно сказать, а не нагонять тумана, — прыснул Мутный.

— Тебя нагонишь...

— Здесь псевдо новый шастает. Серьёзная тварь. С трудом отбились, — проговорил Рыжий и повторил слова Чижа: — Нам спрятаться надо.

— Новый псевдо!? Ладно, потом расскажите, — отстал с расспросами Туман и неожиданно выдал: — Я возможно выход нашёл.

Пролом, в который он провалился, вёл в подвальные помещения. Мрачные комнатушки, заставленные всевозможными ящиками и контейнерами, соединялись между собой узкими коридорами. Всё выглядело очень старым. Кирпичные стены во многих местах покрывали мох и плесень. Туману хватило нескольких минут осмотра, чтобы прийти к выводу, что торговый центр возвели на месте другого крупного здания, оставив от предшественника "семёрки" только подвальные помещения.

Позже, упёршись в массивную железную дверь в конце одного из многих коридорных "аппендиксов", ходок вспомнил рассказы пережитков. Когда-то, боясь войны, люди настроили множество подземных убежищ. Коридоры могли оказаться лишь началом глубоко зарытых проходов. Но ни это было главное, а то что почти все

убежища соединялись между собой переходами и имели по несколько выходов.

Сюда и привёл Мутный остальных ходоков. Идти этим путём было делом рискованным. Неизвестно насколько запутанными окажутся тоннели, да и никто не гарантирует, что найденный выход — если он будет найден — окажется открытым. Но при всех проблемах оставаться в "семёрке" с её непонятными обитателями хотелось ещё меньше.

Громоздкая металлическая дверь поддалась с душераздирающим скрипом, и театральщиков поглотила давно не обнимавшая человека тьма.

Глава 10. Метка "чёрной"

Что-то острое вошло в тело Хмеля, принеся нестерпимую боль. Словно навылет пронзило от плеча и до пят. Под одеждой поползли тонкие кровяные ручейки, а по венам заструилось тепло. Лёгкое, неимоверно приятное. Боль начала таять и сменяться эйфорией. Крысе даже показалось, что всё вокруг иллюзия. Не было никогда ни Шабаша, ни псевдо, ни крови... Был лишь ужасный сон, и вот он наконец закончился. Но блаженство оказалось столь же скоротечным. Упоительное внутреннее тепло стремительно переросло в нестерпимый жар, и неведомая сила погнала по венам расплавленный свинец, снова мучая и пытаю крысу.

Он открыл глаза и вытаращился на ненавистную "чёрную".

— Помоги, — выдавил крыса.

Хмель завопил. Тело изнутри полыхало, словно каждую клетку окунули в вулканическую лаву. Лихо стояла в стороне, безразлично наблюдая за его мучениями. Руки крысы начали царапать лицо и рвать на голове волосы.

— Что ты со мной сделала? — прошептал он.

Хмель выгнулся "мостиком", упёршись ногами и головой в пол. С хрипом втянул воздух, словно вздох был последним, и растянулся на бетоне. Крыса больше не двигался, а остекленевшие глаза смотрели куда-то в пустоту. Только грудь медленно поднималась и опускалась.

Насколько было известно Лихо, не каждый человек найдёт в себе силы пережить боль при подключении метки. Этот крыса смог, а значит она не ошиблась.

— Тварь, ты что со мной сделала?

Шёпот на самой границе тишины — это всё на что оказался сейчас способен Хмель.

Лихо села на пол в метре от бандита.

— Считай, что я подарила тебе новую жизнь. Можешь не благодарить, — съязвила она.

Хмель чувствовал воткнутый в плечо предмет. Вместе с этим появилось ощущение, будто что-то копошится внутри, словно от травмированного плеча по всему телу поползли черви, но той

невероятной боли уже не было. Желание разгрызть себе вены или разорвать глотку пропало. Хотелось жить.

Крыса медленно сел, ожидая, что тело откликнется на это действие неприятными ощущения, но ничего не произошло — боль не возвратилась. Одежда Хмеля была в крови. Вокруг него по полу растеклась большая красная лужа. Крыса поймал себя на неожиданной мысли, что если не от болевого шока, то от потери крови должен был уже умереть. Но, невзирая на монотонное нытьё плеча и тихое гудение в голове, он чувствовал себя бодрым и полным сил.

Хмель ощупал правое плечо. Развернул голову насколько смог. Заныло крепче. В плече ближе к шее высился маленький, размером с половинку грецкого ореха, бугорок. Шершавый, тёмно-коричневого цвета, он смотрелся словно налипший кусок грязи.

Крыса схватился за него рукой и попытался сбросить, но ничего не вышло. Бугорок словно врос в кожу.

— Это метка.

"Чёрная" демонстративно держала в руке ещё один такой "грецкий орех". Только теперь было видно, что из его нижней части торчит раздвоенный шип с ладонь Лихо длинной.

Бандит снова посмотрел на своё плечо, представляя насколько глубоко эта метка вошла в тело.

— Что это за херня?

— Интересно? — издевательски вопросом на вопрос ответила лютая. — Это поводок, и я теперь твоя хозяйка.

— Хозяйка? Щас!

Хмель рванул на лютую, намереваясь ухватить её за горло. Пусть режет своим кинжальчиком, но он всё равно не отпустит, будет душить, пока чёрная тварь не сдохнет. Но уже в движении, на первых же сантиметрах, понял, что совершил ошибку. "Чёрная" даже не повела и пальцем, а крысу скрутило от боли.

— Ожидаемо, — спокойно проговорила лютая. — Но больше не советую пробовать. Метка не позволит мне навредить.

Крыса перестал дрожать и свернулся у её ног.

— Да и не в рабство я тебе взяла, а предлагаю обоюдовыгодное сотрудничество. Метка — лишь гарант выполнения твоего обязательства.

"Не задался день! Ох, не задался!" — с горестью осознал Хмель. Вначале пастух удавил всю стаю, потом в плен взяли ходоки, — а теперь ещё и это...

— Ты кто? — пробормотал крыса.

Лихо уже поднялась на ноги и начала расхаживала по комнате.

— Сейчас важнее — чего я хочу?

— И чего же ты хочешь?

Хмель перевалился на спину и раскинул руки, но вставать не стал.

— Я хочу, чтобы ты объединил всех крыс.

Хмель такого ответа не ожидал. Отмороженных бандитов в городе было не мало, но держались они мелкими группами. Года три назад один из крыс — звали его Культя — попытался собрать крупную стаю для налёта на Театральную и ему это удалось. Но только ненадолго. Вскоре крысы начали грызться между собой за найденную по дороге в Театральную мелочёвку и в итоги, завалив пару своих собратьев, разбежались в разные стороны, напоследок скормив самого Культю голодному гончему.

"Чёрная" ведь должна понимать, что это не просто сделать, если и вовсе возможно.

— Как? — Хмель приподнялся на локтях. — Был уже у нас один, к лешим, объединитель. Псевдо он понравился. На вкус.

— Как? Идём, покажу, — коротко проговорила лютая и быстро вышла в коридор.

— Как мне тебя называть?! — бросил вдогонку бандит. — Только не говори что хозяйкой.

— Лихо, — прилетело в ответ.

Хотелось выпить и поесть, но больше организм не чувствовал ничего, ни боли, ни усталости.

— Что же ты со мной сделала, стерва Лихо? — негромко прыснул крыса, и двинулся быстрым шагом за "чёрной".

— Поторопись. Надо выбираться из "семёрки".

— Меня Хмель зовут.

Лютая кивнула и вышла на лестницу.

— Как мы отсюда выберемся? — не унимался с расспросами крыса.

— Заткнись. Скоро узнаешь.

Хмелю не нравилось происходящее. Но выбора особого не было. "Чёрную" — откуда она только взялась — ему не одолеть. Метка не позволит. Да и идти некуда. Своя стая полегла на входе в "семёрку", а к чужой присоединяться не было желания. Да и ко всему прочему врагов у Хмеля было предостаточно. Стоит узнать другим крысам, что он остался без бойцов, сразу же откроется сезон охоты.

Мысли приходили в голову разные, но результат всегда сводился к одному — нужно узнать, что хочет Лихо и какие перспективы лично для него во всём этом имеются.

Спустившись на первый этаж, Лихо смело вошла в торговый зал, а вот Хмель остановился. Снаружи был день. "Семёрку" заливал солнечный свет, не оставляя для тени и маленького пятачка.

Лютая сделал несколько шагов от двери и остановилась. Она не оборачивалась, но знала, что крыса не последовал за ней.

— Метка, — всё так же стоя спиной к Хмелю, заговорила она, — даёт иммунитет к воздействию света. Можешь не бояться.

Хмель цыкнул, не зная, верить ли ей, но всё же сделал шаг на свет, прикрыв руками глаза.

— Очки надень.

Лихо двинулась дальше к грузовику, а Хмель выругался. Как он мог позабыть про очки, они же лежат у него в кармане.

Тёмные стекла не позволяли разглядеть все краски дня. Но вот ощущение солнечно тепла на коже было ни с чем не сравнимым. Волнение, смешанное с толикой страха, забурлило в крысе. Он поднёс руки к лицу. Коснулся ими щёк. Обычно ледяные ладони стали слегка тёплыми, будто он на мгновение опустил их в горячую воду.

Хмель не сдержался. Чуть приподнял очки, чтобы взглянуть на цвет рук, на их настоящий цвет. Глаза заслезились, закололи, и Хмель опустил очки. Он успел увидит то, что хотел — налипшую грязь и бледную кожу под ней.

Лихо больше не смотрела на крысу. Пусть боится, пусть удивляется... На его месте другие бы и вовсе не рискнули выходить. Смелый? Безумный? Доверчивый? Последнее точно нет. Доверчивый крыса — давно мёртвый крыса. А первых два варианта друг другу не противоречат и имеют право на жизнь как вместе так раздельно.

Лихо пересекла торговый зал, обошла перевёрнутый грузовик и через дыру в стене вышла наружу. Хмель выбрался следом и сразу же

отпрянул, вжался в остатки стены прямо перед толпой отрешённых.

— Страшно? — с издёвкой в голосе спросила лютая и, расталкивая псевдо, двинулась дальше, а крыса всё так и стоял, не веря увиденному.

— Постой, — наконец крикнул он, но Лихо никак не отреагировала.

— Вот падла, — прыснул Хмель и ударом ноги усадил на землю ближайшего псевдо.

И ничего не произошло. Ни один отрешённый не попытался ухватить наглого крысу. Хмель взглянул на метку — забавная штука — и рванул за Лихо, небрежно разбрасывая попавшихся на пути отрешённых.

— Не переусердствуй, — остепенила его пыл лютая. — Убьёшь многих, придёт пастух.

— Это всё твоя метка? — задал бандит глупый вопрос. Конечно метка. Что же ещё?

Когда Лихо пришла за связанным крысой — там в "семёрке"— Хмель принял её за псевдо. Нечто новое, стремительное и жестокое, но бездумное. А всё оказалось иначе. Лихо верно себя назвала. Хозяйка. Не только для крысы, но и среди псевдо она чувствовала себя на много ступеней выше.

Хмель решился. Что бы "чёрная" не приказала, он выполнит всё без пререкания. Слишком невозможным казалось происходящее. Ходить днём и не бояться псевдо! Он сможет много чего сделать и для себя, а значит можно принять Лихо как хозяйку. По крайней мере пока...

Крыса пинком отправил уродливую псевдо-девчушку в грязь, следом толкнул на неё однорукого пацанёнка.

— Оставь их, — резким тоном приказала Лихо.

Хмель послушался. Нехотя сцепил руки за спиной и зашагал в метре за лютой.

Через выбитую дверь Лихо вошла в ближайший дом.

Вытянувшийся вдоль стены узкий прилавок был устелен слоем пыли. На полу валялись битые кружки, тарелки и бутылки. Два круглых кофейных столика были перевёрнуты, третий — разломан, а куски его разбросаны по всему помещению. Вокруг дверного проёма были навалены металлические стулья.

Лютая выдернула из кучи стул и уселась на него прямо по центру помещения, а Хмель остановился возле прилавка и лениво подпёр локтем пыльную столешницу.

— Кто ты такая? — не выдержал тишины крыса.

— Лютая, — ответила "чёрная".

— Лютая? Мать... Это что? Фамилия? Биологический вид?

— Остришь? Это хорошо. Лютые — это хозяева. Запомни. Мы — те кто наведёт в городе порядок.

— Мы? — прошипел Хмель.

В горле пересохло, захотелось выпить – и не воды, а чего-нибудь покрепче.

Он хлопнул рукой по груди, по карману. Фляги не было.

"Ходоки! Козлы! Отобрали!"

— Мы? — повторился Хмель. — Вас много?

— Нас достаточно, — уклончиво ответила Лихо. — А теперь заткнись и внимательно слушай. Метка позволит мне слышать всё, что ты говоришь, узнать, где находишься, а при необходимости даже позволит видеть твоими глазами...

Хмель не спеша осел на пол. Слова лютой ударили как хлыст пастуха.

— Так что не пытайся меня обмануть.

— А мысли ты читать не умеешь? — ухмыльнулся крыса.

Но Лихо видела, что смелость наигранна. Хмель напуган.

— Тут ты волен думать что угодно. Мне плевать. Для меня важны твои действия, а не мысли.

— Собрать всех крыс вместе. Я помню.

— Я за тобой слежу. Даю приказы. Ты выполняешь их беспрекословно, а в остальном волен поступать как тебе угодно.

— Что ещё метка даст мне?

Лихо улыбнулась. Ей понравился вопрос.

— День стал в твоём распоряжении. В этом ты уже убедился, как и в том, что псевдо тебя игнорируют. Только с изгоями будь осторожен. Они немного иные. Могут напасть, а могут и не напасть. Это как повезёт. Понял?

Хмель кивнул.

— Метка пока только осваивается в организме. Сейчас от неё по всему твоему телу разрастаются нейрокорни, это займёт около сорока

восьми часов. Потом она станет частью тебя, твоим новым органом. Улучшенные слух, зрение, реакция и сила, ускоренная регенерация тканей — вот что тебя ждёт.

— Как всё красиво звучит, — ухмыльнулся крыса. — Непобедимый Хмель. А цена этому какая?

— Если для тебя это важно, я отвечу. При длительном использовании метки ты свихнёшься.

Хмель ещё раз пробежался глазами по помещению. "Торонто" — ему наконец удалось вспомнить название забегаловки, которая здесь была до Шабаша. Раньше бар изобиловал спиртными напитками всех мастей, но сейчас здесь было пусто.

— Длительное — это сколько? — спросил он.

— Не беспокойся. В твоём распоряжении есть пара десятков лет

— А если я от тебя просто сбегу? В "семёрке" ты меня с трудом сломила, а когда метка освоится, ты меня хрена лысого найдёшь.

Хмель только закончил фразу, а Лихо была уже рядом. Прямым ударом ноги она бросила крысу на пол. Сама прыгнула на него сверху и неглубоко вонзила кинжал в грудь в районе сердца.

— Я нажму чуть сильнее, и твоё сердце окажется у меня в руке, — прошептала она в ухо стонущему крысе. — Не делай ошибку. Не думай, что способен мне противостоять.

Лихо выдернула оружие и поднялась, но одну ногу оставила на груди бандита, не позволяя тому встать.

— Я дала тебе возможности, которых нет ни у одного человека в городе. И теперь твоя задача собрать всех крыс вместе, в одну стаю, под твоим командованием. Ты понял?

Хмель кивнул.

— Убивай, запугивай, обещай — мне безразлично то, как ты будешь действовать. Средства не важны.

— Понятно, твою же мать, понятно, — прохрипел крыса. — Ногу убери, а то все рёбра переломаешь.

Лютая ослабила давление и, бросив напоследок: "Тогда выполняй задачу", — быстрым шагом вышла из бара, оставив крысу в одиночестве.

— Сука, — пробурчал Хмель.

И плевать ему было, что она его слышит.

"Всё слышит и всё видит".

- Сука, — повторил он.

Оставалось надеяться, что мысли она и впрямь читать не умеет. А мысли в голове крысы роились разные. Вопросов было уйма.

Кто вообще такие лютые?

Люди. Тоже как и псевдо подвергшиеся изменениям, только контролируемым и целенаправленным.

Почему Лихо вся чёрная? Смешно, но Хмель так и не смог понять костюм на ней или же кожа так изменилась.

А может они инопланетяне и пытаются захватить Землю? Превратили людей в псевдо, а оставшихся пытаются поработить или истребить окончательно. Руками крысы! Его руками!

Хмель искоса посмотрел на метку. Появилось желание найти что-нибудь острое и вырезать, а можно и просто вырвать эту дрянь из тела. Но внутреннее чутьё назойливо талдычило, что делать этого нельзя. Затронешь метку — умрёшь. И всё сводилось к одному — жить хочется. Чтобы это желание исполнялось как можно дольше, придётся играть по правилам Лихо. Вот потом, когда вокруг него соберётся ватага бойцов, можно будет потолковать с "чёрной" на своём языке, с морем крови, ломанными костями и содранной кожей.

— Но для начала надо выпить.

Хмель бодро поднялся на ноги и двинулся прочь из разгромленного бара. Очки надевать не стал, пусть глаза привыкают к новому образу жизни.

Он уже знал, с чего начать. В паре кварталах от "семёрки" в одном из подвалов устроила себе логово стая Чугуна. У них точно отыщется бухло, да и Хмель с трепетом ждал того момента, когда, ввалившись к ним средь бела дня, сможет увидеть их удивлённые хари.

Хмель невзначай глянул на плетущего навстречу отрешённого. На нём были надеты чуть потёртые, но без дыр джинсы и серая чистая кофта. Сразу видно – новичок среди псевдо, не больше пары дней. Одежду сорвать ещё не успел. Бандит осмотрел себя. Весь во рванье, запачканный грязью и кровью.

— Классные шмотки. Дашь потаскать? — усмехнулся Хмель и что есть силы саданул псевдо по голове.

Глава 11. Нечаянный напарник

Кутя досчитал до шести и запнулся. А какая цифра следующая? Детский ум никак не хотел подсказывать. Но Кутя был мальчуганом смекалистым. Не помнишь, что дальше — начинай сначала.

— Один, два...

Необычный маневр со счётом не вызвал у остальных детей смеха. Все: и Тимоха, и Юла, и Кот — носились по двору в поисках укромного места. В прятки они играли часто, и каждый тихий уголок, каждая неприметная дыра уже были известны. Но всё же дети стремились отыскать что-то новое — укрытие поближе к ведущему, которым сейчас был Кутя, только не слишком видимое, обидно быть найденным на первых секундах игры.

Юла нырнула в грядки. В потёмках на редкость густые заросли картофеля хорошо скрыли девочку. Вот только если её там отыщут взрослые, синяков на мягком месте не миновать.

Кот — не зря же он носил своё имя! — взобрался на крышу пристроенного к дому сарайчика и перескочил на ту самую берёзу, под которой вёл счёт ведущий. Дуэль слуха Кути и бесшумности Кота закончилась в пользу последнего. Повторно досчитав до шести, Кутя двинулся прочь от берёзы.

А вот Тимоха растерялся. Глаза видели много укрытий, но все они были старыми, давно известными. И лишь на счёте шесть взгляд Вьюна зацепился за очень интересное местечко.

Пригнувшись, чуть ли не сравнявшись с землёй, он подбежал к стене дома и по сточной трубе взобрался на жестяной навес над окном комнаты Валевского. Широкий, крепкий, висит практически под прямым углом — идеальное укрытие. Вьюн растянулся на навесе и прижался спиной к стене. Холодная жесть чуть завибрировала, загремела и стихла.

Место хорошее. Тут его точно не найдут. По правилам в доме прятаться нельзя, но он же и не в доме. Тимоха улыбнулся своей находчивости.

Послышался писклявый визг Юлы, и вторящее ему ворчание Маргариты Антоновны. Вьюн сделал жалостливую гримасу.

"Попалась подруга, — подумал он и представил свою участь, если взрослые увидят его здесь. — Одними синяками на заднице не обойдётся. Буду неделю грядки полоть и червей рыбакам копать".

Под навесом загорелся свет, пробился тонким лучиком через маленькую дырочку в жести. В свою комнату вернулся Валевский, и, судя по количеству шагов, он был не один.

Вьюн практически перестал дышать. Вот теперь нужно вести себя так, словно прячешься от гончего.

— Присаживайтесь, — долетел до мальчугана голос Сергея Николаевича.

Началось шумное мельтешение. Ничего удивительного. Комнатка у главы маленькая, а кроме Валевского сейчас там находилось ещё человек пять, если Вьюн определил правильно.

— Тимоха, Тимоха... — донёсся снизу шёпот Кути.

Вьюн с трудом сдержался, чтобы не засмеяться.

— Я думаю, вы все понимаете, зачем я вас собрал? — заговорил Валевский.

— Будем расселяться, — эти слова принадлежали Хромому Юзу.

Вьюн не любил Юза. Всегда злой и грубый ходок напоминал ему одного бесноватого. Четыре года назад, когда Тимоха в одиночку слонялся по городу, на него напал новоиспечённый псевдо. Бесноватый затащил мальчика в свой дом и сутки "воспитывал" то бессвязными воплями, то кожаным ремнём, а потом и вовсе попытался придушить. Как Вьюну удалось сбежать и откуда взялись на это силы, он и сам до сих пор не понимал.

Но всё же Хромой Юз заслуживал уважения. Ему было всего девятнадцать лет, а три года назад ходок каким-то чудом уберегся от бесноватости и не переступил порог, когда под дневным светом принёс в общину раненную крысами Егозу. Хромой замотал девушку в свой плащ, а сам остался практически не укрытым.

— Совершенно верно, — ответил Валевский. — Речь пойдёт о переселении.

— Мы не определились с местом, — напомнил Креп.

— Уже определились... — заговорил было Буква, но глава Тихих вод его перебил:

— Дай я скажу, Янус.

Рядом с Тимохой заголосил Кутя. Он так и не смог отыскать Вьюна, а потому сдался и требовал, чтобы тот показался, вот только сам Тимоха делать этого не хотел. Во-первых — не было желания сдавать укромное место, а Кутя был слишком близко. Во-вторых — если будет спускаться сейчас, старшие из комнаты скорее всего увидят — и ему влетит. И в-третьих, что самое главное — разговор на собрании был очень интересным. Любопытство Тимоху не отпускало ни на миг.

— Креп, Вестник, вы отыскали отличное место возле приюта тётушки Лизы. — Глава на секунду запнулся. — Есть ещё пара коттеджей. Там большая жилая площадь и высокий бетонный забор. Их нашли Егоза и Тучка. Но всё же я остановился на варианте Буквы.

В том что затевается разделение Тихих вод, секрета не было, только место нового поселения пока оставалось тайной. Поговаривали, что Янус отыскал уютную уголок, вот только где этот "Буквин рай" находится и что из себя представляет, Валевский и Янус скрывали.

— В пяти километрах отсюда в Киевском районе на берегу Волги стоит спасательная станция "Лазурь". Там и будет новая община.

Тимоха в той части города не бывал, хоть и обходил почти весь Старопесковск, и поэтому представить новое поселение ему было не по силам.

На минуты в комнате воцарилась тишина. Потом кто-то громко чихнул, и тогда загорланил Юз:

— Был я там. Давно, но был. Плохое место. Забор вокруг станции весь лежит. Само здание без окон и дверей. Бес его знает, кто там так орудовал. Да и хата маленькая, тесно будет. Я не понял, к чему такой странный выбор, Сергей Николаевич? Вы переселенцев угробить хотите?

Тимоха затаил дыхание. Главу в общине все уважали, и посметь так говорить с ним мог только Юз, но Валевский остался непреклонен.

— Дом, который предлагают Вестник и Креп слишком далеко от остальных общин. Там можно организовать хорошую оборону — а дальше что? За одной едой придётся постоянно ходоков гонять. С коттеджами проблема иного характера. Общины рядом, но в районе много псевдо. Да и земли вокруг домов мало. Даже маломальского огорода не засадишь. Вокруг "Лазури" земли вдоволь. Плюс река с рыбой рядом. С пищей проблем не будет.

— А что касаемо самого здания? — это заговорил Креп. — Мы рассчитываем увести почти половину Тихих вод с собой. Где всех разместить? Да и как быть с обороной? Со слов Юза, она там аховая.

— Людей разместим, — тут же ответил Буква. — В метрах десяти от здания станции двухэтажный магазин. Первое время придётся ютиться, а потом мы их соединим переходом. Что касаемо обороны. Вокруг базы густо растут деревья, так что отрешённых там нет. Металлический забор хоть и повален, но большинство секций целые. Установим его, укрепим и всё будет нормально.

— Это я уже буду смотреть, что устанавливать и как укреплять, — перебил Букву Креп. — Безопасность — это моё дело. Не забыл?

— Не забыл. — Невзирая на выпад, Янус остался спокоен. — Насторожённость — целенаправленная осторожность.[1] Я просто поделился мыслями.

— А теперь главное, — вновь взял слово Валевский. — Там есть три лодки...

Сказать он больше ничего не успел, потому что Юз разразился громким смехом.

— Ты чего? — опешил Вестник.

— А ты что, ещё не понял? — не переставая надрывно смеяться, сказал Хромой. — Валевский место выбрал исходя из возможности выбраться из города, а не думая о переселенцах.

"Выбраться из города?" — Тимоха чуть не подпрыгнул, так неожиданно прозвучали слова Юза.

— Да поймите, это наш козырь, а точнее — ваш.

Голос Валевского зазвучал взволнованно, спокойствие растворилось в неге.

— В Театральной есть Шаман. Годов старику не мало, но он набрал учеников, и даже после его смерти театральщики не растеряют своих позиций. Кто ещё умеет из хлама делать батарейки для фонарей, лампочки, нагревательные элементы? Чинить ветряки. Он затевает ещё и солнечные батареи установить, насколько я слышал. Только благодаря ему в общинах ещё есть электрическая энергия.

— И без неё можно обойтись, — отмахнулся Хромой.

— Глупость, Юз. Тогда мы и вовсе скатимся в каменный век, — парировал Буква. — Деградируем. Мы не имеем права пренебрегать тем, что придумано и создано нашими предками. Тут Сергей

Николаевич прав. Шаман и его ученики играют серьёзную роль в жизни общин.

— А зачем мы детям головы морочим занятиями? Физика, химия, математика, биология, география... — не умолкал Юз. — Что нам мешает своего Шамана вырастить? И зачем, спрашивается, нам тогда Театральная?

— Уроки — это всё теория, Хромой, — завёлся Буква. — Без неё нельзя. Но Шаман помимо теории обладает огромным практическим опытом. А у нас этого нет. И учеников старик выбрал себе отличных и гоняет их славно...

— Хватит! — остепенил водяных Валевский. — Я продолжу, не возражаете? У Театральной есть Шаман, а Южная наладила контакт с лесным народом. Как им удалось достучаться до леших, никто не знает, но факт остаётся фактом — южане единственные с кем те имеют дело. А что есть у нас?

В ответ — тишина, и лишь прозвучавший шёпот Егозы дал понять Тимохе, что вопрос главы не остался без внимания.

— Ходоки. У нас больше всего людей.

— До сих пор мы жили лишь за счёт того, что осталось от человеческой цивилизации, — а город пустеет. С каждой вылазкой, с каждым принесённым предметом... Вскоре ничего не останется. Да, у нас есть рыба. Но Южной она не нужна. Лешие их снабжают и мясом, и фруктами, и овощами. С Южной кормится и Театральная.

Валевский замолчал. Тимохе было слышно, как старик тяжело и гулко дышит, словно ветер гуляет по чугунным трубам.

— Тихие воды обречены, — наконец подытожил глава.

Слышать такое было трудно. За годы, прожитые в общине, Тимоха привык к людям, к самому дому, к бурной, а иногда и спокойной реке. Он стал родным для водяных. Но вскоре всё должно измениться, и — с чем чёрт не шутит! — Вьюн может вновь оказаться на забитых отрешёнными улицах.

— Наш единственный выход — найти путь из города, — прервал молчание Валевский. — Дороги вокруг затянул лес и ко всему прочему их контролируют лешие. Остаётся попытать счастье на реке.

Сергей Николаевич бухнулся на стул. Вьюн расслышал свойственный для любимого стула главы скрип.

Слово взял Буква.

— Вот так друзья. Я понимаю, многим не нравится услышанное, но таково истинное положение вещей.

— Я начинаю сбор первой группы, — сказал Креп.

— Завтра вечером вы должны отправиться, и, извините, старику нужно отдохнуть, — закончил Валевский.

Водяные начали покидать комнату.

Тимоха обрадовался. Его не заметили и это хорошо. Да и конечности начали затекать, а сменить позу он боялся, навес с шумом реагировал на каждое движение.

— Буква, а ты останься на пару слов.

Вьюн в уме выругался по-взрослому.

— Лютые вышли раньше. Ваш план рухнул, — тихо заговорил Янус, когда все вышли. — Что будем делать?

— Не рухнул, а изменился, — поправил ходока Валевский. — Мы хотели остановить лютых на выходе из Аркса, но не получилось. Значит будем уничтожать их здесь и сейчас.

— Легче сказать, — недоверчиво пробурчал Янус. — Вам не кажется, что сделать это будет проблематично.

— М-да, — промычал Сергей Николаевич. — А у нас выбора нет.

Тимоху с каждым услышанным словом всё больше и больше стягивал аркан страха. Мальчик начал понимать, что всё сказанное взрослыми не предназначается для его ушей. Да в принципе и никто другой этого слышать не должен был.

"Какие лютые? Что такое Аркс? О чём ты, старик?"

— Лютые растянулись по всему городу. Так может воспользуемся этим? — предложил Буква. — Устранять по одному их будет гораздо проще.

— Ты забываешь про нейросеть. Незаметно для Князя убрать никого не выйдет. Нам нужен Глеб. Он связующее звено и у него ключ от Аркса...

— Ключ есть ещё у крыс. Планшет... Вы не забыли о нём? — перебил главу Янус.

— Помню. Конечно, помню, — по-старчески забубнил Валевский. — Что делать с Князем, я сам придумаю, а ты иди в Театральную, к Шаману...

— А он тут причём?

— Не перебивай. Шаман имеет контакты среди крыс. Они хоть и бандиты беспринципные, но потребности у них то же имеются. А у Шамана хватка на выгоду отличная. И если крысы взаправду нашли планшет в "семёрке", то с ним они пойдут к Шаману. Самим разобраться с такими технологиями у них мозгов не хватит...

— Если лютые их ещё не перехватили, — добавил Янус и сразу же смолк.

Валевский просил не перебивать, а Буква ослушался. Глава был человеком строгим, и поэтому Вьюн мог себе представить, в каком негодовании сейчас находился старик, но Сергей Николаевич ответил спокойно:

— Будем надеяться, что не перехватили. Планшет нам нужен. В общем, иди в Театральную. Отыщи планшет и незаметно двигай к Арксу. Мы же отвлечём "чёрных".

— А если планшета не будет? — спросил Янус.

— Тогда пойдёшь навстречу с Крепом и Вестником к "Лазури". Я придумаю, как в этом случае выудить у Князя ключ.

Сказать, что Тимоха был удивлён услышанному, значит не сказать ничего. Его состояние было гораздо шире чем удивление. Смешалось всё: страх, недопонимание, трепет перед тайной. И поэтому Вьюн совершил ошибку.

Он медленно сполз на край навеса, надеясь, что так будет лучше слышно. Изогнутую жесть придавливала к стене деревянная планка, прибитая гвоздями в бетон между кирпичами, и, как только мальчуган оказался на краю, подгнившая планка и ржавые гвозди не выдержали его веса.

Вьюн не издал ни звука, когда грохнулся вместе с навесом на землю, но этого и не требовалось. Жесть сама грохотом оповестила всю общину о падении.

От шума Тимохе заложило уши. Он больно ударился лицом о металл и на долю секунду отдался в объятья дезориентации.

Первая мысль была бежать, но она запоздала. Буква ухватил Вьюна за плечи и втянул через окно в комнату.

Валевский сразу же прикрыл ставни, а Янус усадил пацанёнка на стул.

Вьюну не было страшно. Удивительно, но после падения страх куда-то улетучился. Поэтому он спокойно взглянул на удивлённого

Букву, потом на притихшего главу и проговорил:

— Мы в прятки играли. Я на навесе спрятался и меня никто не нашёл.

Валевский ехидно усмехнулся и сказал:

— Янус, тебе надо выйти как можно быстрее, а Вьюна с собой возьмёшь, чтобы меньше по общине шастал и языком трепал.

После этих слов Тимоху вновь накрыл страх. Что он услышал? Многое. Только понять, ничего не смог. Кроме того, что влез в тайну тайн Валевского и Буквы. Не на погибель ли за это его отправляет глава? Мало ли что может случиться по дороге в Театральную?

– Когда соберётесь, зайдёшь ко мне. Уточню кое-какие детали вашего похода.

Янус кивну, взял мальчика за руку и практически вытянул из комнаты.

Что делать? Попытаться сбежать сейчас или когда выйдем из посёлка? А может просто громко заорать? Позвать на помощь и рассказать всем, о чём говорили Янус и Валевский, а там пусть сами разбираются в чём правда, в чём ложь и что дальше делать.

Вьюн так и не решился что-либо предпринять, пока плёлся за Буквой на ватных ногах. В нём ещё теплилась надежда, что всё не так уж плохо, и убивать его никто не собирается. Ведь, невзирая на свой жутковатый вид, Буква всегда относился к нему хорошо. То историю какую-нибудь интересную расскажет, то из одежды что-нибудь новенькое подкинет, а иной раз и вкусности мальцу от ходока перепадали.

Янус поднялся на этаж выше. Поздоровался с парой ходоков и, протопав ещё несколько метров по коридору, скрылся в своей комнате, не забыв втолкнуть перед собой мальчика и закрыть дверь.

Вьюн бывал раньше в комнате Януса и поэтому не удивился обилию книг. Они лежали стопками на столе, выглядывали из-под кровати, а трёхъярусная полка была и вовсе забита ими. На стенах висела десятка три рисунков: неузнаваемые портреты, размытые пейзажи, пугающие неказистостью сценки. Буква пытался рисовать, только выходило это у него, мягко говоря, не очень.

— Садись на кровать. Поговорим, — бросил Янус и сам опустился на табуретку.

Тимоха нехотя повиновался.

— Ты ведь всё слышал?

— Нет, я ничего не слышал. Вы слишком тихо разговаривали. Я ничего не слышал.

Янус улыбнулся. Улыбка на его полуживом лице получилась страшной, но вот голос, которым он заговорил дальше, внушал лишь доверие.

— Бояться тебе нечего...

— Я ничего не боюсь.

— Не перебивай.

Мальчик опустил голову.

— Извини.

— Я понимаю, что ты всё слышал. От первого слова до последнего. Можешь не отрицать. А теперь небось решил, что тебе угрожает опасность? И зря. Тимоха, мне от твоих мыслей даже обидно. Понимаешь, всё что мы обсуждали с Сергеем Николаевичем направлено на спасение нас. Не только Тихих вод, но и Театральной и Южной. Всех людей в этом городе. Мы не плохие, Тимоха. Поверь. И сейчас я хочу предложить тебе поучаствовать в этом приключении. Ненадолго стать частью этой тайны. Почему "ненадолго"? Потому что вскоре нужно будет всем о ней рассказать, а пока... Я иду в Театральную и хочу чтобы ты пошёл со мной.

— Я могу остаться? — опасливо спросил Вьюн.

Янус кивнул.

— Конечно. Я тебе доверяю и знаю, что ты будешь молчать. Но... Ты любопытный и непоседливый, и мне кажется, Тимоха, что после того, что узнал, ты не захочешь остаться. Я прав? Мир не просто существует, он еще и наполнен тайной[2]. А она манит?

— Тайна? А многим она известна?

— Семь человек. С тобой — восемь.

Янус протянул Вьюну руку.

— Ну что, напарник, ты со мной?

В его широкой ладони скрылась маленькая детская.

— С тобой, напарник, — уверенно ответил Тимоха и не сдержавшись спросил: — Янус, а кто такие "лютые"?

— Давай собираться. По дороге будешь спрашивать. Я всё расскажу.

[1] И. Н. Шевелев

[2] Освальд Шпенглер

Глава 12. Поколения

Хоть мрачные коридоры подземелья и не были прямыми, а наоборот крутили то влево, то вправо, то раздваивались, то выводили к перекрёсткам, ходоки не колеблясь выбирали направление. Время относительно, тем более когда ты находишься в полной темноте и не знаешь, день сейчас или ночь, не видишь солнца или звёзд, даже движения тени тебе недоступны. Потому понять, сколько же театральщикам пришлось блуждать заросшими паутиной и плесенью коридорами было невозможно. Сырость, холод и мрак шли рядом, а ещё — лёгкий чуть заметный сквознячок. А раз воздух движется, значит где-то он входит сюда и где-то выбирается наружу. Вот вход или выход для ветра и пытались отыскать театральщики.

После Шабаша люди стали выносливее. Раньше с такими ранения как у Рыжего человек давно припёр бы спиной стену, с натугой втянул последний раз полные лёгкие затхлого воздуха и умер. А вот Тик шёл без передышки. Молча, без шуток и разговоров, но и без остановок.

У Ив же дела обстояли хуже. Не только поломанной ногой ей обошлась схватка с гончим. Дышала девушка тяжело, с хрипом. Несколько раз заходилась в кашле, выплёвывая сгустки крови. И почти весь путь Сонная находилась в бессознательном состоянии. Лишь изредка на короткие мгновения она приходила в себя, что-то невнятно бормотала, и вновь проваливалась в небытие.

Коридоры петляли и кружили, расходились или наоборот сходились в едино, — а ходоки шли не останавливаясь. Вскоре терпение и усердие принесли долгожданные плоды. Театральщики упёрлись в покосившуюся металлическую дверь. Через щели бил уже не лёгкий сквознячок, а поток холодного, но свежего воздуха.

Туман дёрнул за ручку, но дверь не сместилась ни на миллиметр. Ухватились вдвоём с Рыжим — результат остался прежним.

Пока ребята рвали дверь, Димка уложил Ив на пол, подсунул ей под голову свою куртку, а сам незаметно скрылся в темноте.

Тик и Мутный дёргали ненавистную дверь, толкали вперёд, тянули на себя, ругались, кричали друг на друга, но всё было тщетно. Она не была заперта полностью, виднелась узкая щель между стеной и

дверью, но чуть выгнутая нижняя часть намертво упёрлась в бетон, потому и сделать проход шире никак не удавалось.

Вскоре пара ходоков сдалась. Они уселись на пол друг напротив друга и, проклиная недобрыми словами дверь, тоннели и их строителей, рассуждали о том, в каком направлении двинуться дальше. Но спорить долго не пришлось. Из темноты на тусклый свет фонарей вышел чумазый Чиж. Ходок сжимал в руках тяжёлую стальную арматуру.

— Ну что, крысы подвальные, лапки перенапрягли? — усмехнулся он. После чего приблизился к двери, аккуратно вставил конец арматуры в щель между полом и краем двери. Только тогда Мутный и Тик смекнули, что собрался предпринять Чиж. План был простым и непредсказуемым. Что-то давило на дверь с другой стороны, а значит нужно просто приподнять её, оторвать от пола, и позволить неведомой силе самой отпереть.

Но "просто" оказалось лишь на словах.

Рыжий положил под арматуру кусок чугунной трубы и присоединился к Мутному и Димке. Втроём нажали на получившийся рычаг. Вначале не сильно, потом чуть увеличили нагрузку. Увидев, что никаких результатов это не приносит, налегли на арматуру всем весом. По лицам побежали ручейки пота. На руках вздыбились вену. Рыжий заорал, а арматура чуть прогнулась. Ржавая чугунная труба начала раскалываться. И в этот момент дверь поддалась. Заунывно пискнула и слегка дёрнулась вперёд, а уже через миг с леденящим скрипом раскрылась настежь, впустив в коридор напиравшую волну из колотых кирпичей, блоков и досок, смешанных с сухой пылью.

Вдохнув лишь маленькую частичку ворвавшегося в коридор облако, Ив вновь закашлялась. Димка рванул к ней, а Рыжий и Туман ринулись через дверь. Но тут же остановились, упёршись в завал. Когда пыль осела ходоки смогли оценить новую проблему.

Выход из тоннелей оказался перекрытым, и судя по всему заблокирован он был целым зданием, образовавшим настоящий лабиринт из балок, разломанных стенных и потолочных перегородок, мебели и всего, что находилось в доме в момент обрушения.

— Как в жопе пастуха, — буркнул Рыжий, заползая между балок.

Чуть переместившись вперёд, он остановился и осмотрелся. Завал не был столь плотным, чтобы нельзя было протиснуться дальше, но

всё вокруг казалось таким шатким и ненадёжным.

Тик обернулся и неуверенно проговорил:

— Можно попробовать пробраться.

— Иди первым, — уловив одобрительный взгляд Чижа, ответил Туман.

Разрушение — привычное зрелище для ходоков. Вот только изнутри их наблюдать никому из театральщиков не приходилось. Передвигаться в руинах было опасно. Каждая опора, на которую они становились, норовила обрушиться сама и потянуть за собой ходоков. Где ползком, где на четвереньках театральщики медленно преодолевали метр за метром. Устали, измотались... Ив приходилось протаскивать через узкие проходы, переносить по шатким балкам, но бросить её ни у кого мысли не появилось.

Первым из развалин выбрался Рыжий. К счастью ходоков на улице царила глубокая ночь. И это был не первый приятный сюрприз.

Тик расцарапанными руками стёр грязь с лица, осмотрелся и сразу узнал местность. Захотелось закричать от распирающей радости, но сил не оказалось. Поэтому Рыжий молча, но с улыбкой на лице помог выбраться из руин Туману и придержал Ив, пока Чиж выползал из-под бетонной плиты.

— Ну и где мы? — откашлявшись, произнёс Димка.

Мутный покрутил головой и усмехнулся.

— Дома мы, Чижочек. Дома!

— Как? Дома?

Чиж оглянулся. Над руинами виднелась крыша театра.

Из тоннелей ходоки выбрались под многоэтажкой прапорщика Филипенко, с тыльной стороны Театральной. Чиж как и все обрадовался этому, только глубоко в сердце, что-то неприятно кольнуло. Он неистово стремился в "семёрку". Искал подходы и придумывал хитрости. А дверь в торговый центр всё время находилась перед самым носом. Вот только никто об этом не знал.

Но Димка быстро смёл эти неприятные мысли, принял всё произошедшее как данное, и когда они обогнули завал и приблизились к входной двери театра, Чиж уже обдумывал новую идею. Как бы через тоннели совершить ещё пару-тройку рейсов в "семёрку". И сами тоннели стоит основательно изучить. Кто знает какие сюрпризы они таят? Но это всё потом. Сейчас главное — помочь Ив.

***

Как только ходоки оказались в театре, Туман и Рыжий рванули прямиком к Шаману. Даже с без учёта оставленных в "семёрке" предметов, столько вещей в общину давно никто не приносил, и они уже представляли себе удивлённое лицо старика. А вот Димка двинулся вместе с Ив к врачевателю.

Когда Чиж внёс девушку в медицинскую комнату, дремавший на старом кресле Андрей Юрьевич Кудин вскочил. А ещё через миг скомканное морщинами и сном лицо пережитка приобрело ясность.

Кудин уложил Ив на кушетку и бегло осмотрел, кивая самому себе и хая молодёжь за неосторожность. После грубо выдворил Чижа прочь, бросив напоследок: "Будет жить твоя подруга".

Димка далеко не ушёл. Прямо за дверью, когда та тихо захлопнулась, упёрся спиной о стену и съехал по ней на пол.

Может и прав был Рыжий, когда предлагал не брать Ив с собой в "семёрку"? Нужно было настоять на своём, заставить девушку остаться. Вот только Чиж знал, что ему это не по силам. Ив всегда была главной. В любых вопросах последнее слово оставалось за ней, и как бы Чиж не настаивал, как бы не боролся, всё равно победу одерживали прелестные глаза и лёгкая улыбка.

Мысли в голове крутились хаотично, испуганно, то кусались, то пытались приободрить, а потом неожиданно притихли. Ходок уснул.

Раздались шаркающие шаги, но он их уже не слышал.

Это Шаман, выпроводив из мастерской Рыжего и Тика, приковылял к свою закадычному другу Кудину.

Старик переступил через спящего ходока и прошёл в комнату, но вскоре возвратился, принеся прохудившееся одеяло. Шаман накрыл Чижа и вернулся к врачевателю.

Ив тихо спала на кушетке. Нога её была зафиксирована двумя дощечками. Раны промыты и забинтованы.

Кудин поставил на стол две кружки и чайник с крепким, но давно остывшим чаем, а Шаман бросил на стол зачерствевшую ватрушку.

— И всё-таки Чиж в "семёрку" прорвался, — сделав пару глотков и пережевав кусок булки, первым заговорил Андрей Юрьевич.

Шаман кивнул.

— Ко мне уже Рыжий и Туман заходили. Неплохой улов у них.

— Ребята вчетвером ходили? — удивлённо спросил врачеватель. — Туман и Чиж друг друга на дух не переносят.

— Цель общая была, — сказал Шаман. — Мир и так перевернулся с ног на голову. Чему тут уже удивляться?

Кудин негромко засопел. Правду говорил его собеседник. Мир перевернулся. Вот только где теперь место человека в этом "перевёрнутом мире"? Да и есть ли оно вообще?

— Девчушка много крови потеряла, нога сломана в двух местах, сотрясение и, ко всему прочему, — гемоторакс, — невзначай констатировал врачеватель, украдкой взглянув на Ив.

Шаман небрежно отмахнулся.

— Два дня и будет на ногах.

— Максимум три... Пока кости срастутся.

Андрей Юрьевич вытер густые усы платком, сунул его в карман брюк и залпом допил остатки чая в своей кружке.

— Помню, возле родительского дома черешня росла. Старая, высокая и ветки толстые. Мы, я и брат мой Серёжка, на крышу залезали и доставали самые спелые черешни. Сладкие, крупные... Нигде я таких больше не видел. А в последний раз когда я за ними наверх залез... Последний раз, кстати, потому что после произошедшего отец дерево срезал. Так вот, ночью дождь лил напропалую, и крыша скользкая стала. Утром я по стволу взобрался, уместился на краешек. Надёжно уместился, по крайней мере мне так показалась. А как руки отпустил, так и поехал вниз. Протаранил грудью ствол, а рукой приземлился на бетонную дорожку. Итого: сломал ребро и запястье. Два месяца в гипс, закутанный проходил. Два... — Врачеватель показал пару растопыренных пальцев. — А сейчас? Пара дней — кости срослись и всё в норме.

Он вновь взглянул на Сонную Ив.

— Неправильно это, Шаман. Неправильно.

— А как правильно? Всё вокруг меняется, а люди должны остаться прежними? Так померли бы уже все давно.

— Шаман, перемены переменам рознь, — потянулся через стол к собеседнику врачеватель. — Мы хрупкие. Раны не должны сами по себе чуть ли не мгновенно заживать, а кости за дни срастаться. Понимаешь? Люди перестают быть людьми — и дело здесь ни только в физиологии. Мы всегда добивались целей знаниями и

взаимопомощью, а они? — Лёгкий кивок в сторону Сонной. — Они не хотят учится. Стали жестокими и безразличными ко всему кроме своих нужд.

— Ошибаешься, старый. Ты сильно драматизируешь, — начал было Шаман, но Кудин договорить ему не дал.

— Драматизирую? Ага, точно! После того как её мать стала псевдо и сбежала из общины, Сонная о ней так ни разу и не вспомнила. Понимаешь? Ни добрым словом, ни злым. Ни слезинки не пролила. А Люда была хорошей матерью. Лучшей какую можно пожелать.

Андрей Юрьевич и улыбчивая Людмила Евгеньевна, мать Ив, любили друг друга искренне и беззаветно. После потери любимой женщины врачеватель окунулся в рабочий омут, пытаясь заглушить боль утраты. Прошёл год, но и сейчас при воспоминаниях о ней Кудин опускал голову, глаза его начинали блестеть, и он умолкал.

Шаман громко хрустнул булкой и, зная, что от друга в ближайшие минуты не услышит больше не слова, заговорил сам:

— Люди не металлические статуи, но и не хрупкие. Они, утащи меня гончий, слеплены из пластилина. Человек не статичен. Так было всегда. Менялась власть в государстве — менялись мораль, законы и понятия. Новая религия — новые обряды, песни и танцы. Человек всегда приспосабливался к переменам вокруг себя, поэтому и выживал. Мы с тобой мир старый помним, вот нам и хреновей. А для молодых то что сейчас вокруг происходит и есть вся жизнь, и они к ней приспособились.

Врачеватель по-прежнему пялился в крышку стола, но Шаман знал, что старик его слушает.

— Некоторые перемены, такие как... быстрое восстановление организма — это конечно воздействие света. Как не виляй сракой, полностью от него не спрячешься. Но жестокими они не стали, просто научились терпеть, так как мы никогда не умели. Научились чувства запихивать так глубоко, чтобы те ни на миг не мешали действовать. А это важно для выживания. Люди изменились, Андрей, и это хорошо.

Неожиданно дверь открылась и в комнату неторопливо, чуть пошатываясь, вплыл заспанный Чиж.

— Как Ив, Андрей Юрьевич? — оставаясь у двери, спросил он.

— Он у тебя под дверью спал, — прошептал врачевателю Шаман. — Видал? Это любовь. А ты говоришь: "Бесчувственные и безразличные".

— Под дверью? — встрепенулся Кудин и повернулся к Димке: — Всё с ней будет хорошо. Так что вали-ка ты спать к себе в комнату.

— А можно...

— Нельзя тебе здесь оставаться, Чиж, нельзя, — отрезал старик. — Иди.

Димка ещё с минуту постоял, глядя на Сонную, а потом бесшумно закрыл дверь.

Глава 13. Победа и поражение

План расселения был продуман основательно. Все действия и ходы Валевский заставлял переосмысливать, повторять и зазубривать каждого, кто имел хоть какое-либо маломальское отношение к разделению Тихих вод. С эмоциональными взмахами рук и недовольной гримасой глава ругал тех, кто не слушал его или пытался перечить уже принятому плану.

Водяные не понимали всей этой злой строгости Сергея Николаевича. А вот Вестник видел, старику страшно, и не за себя, а за других. Ему не претило, что в случай неудачи его назовут тем, кто растратил кучу столь необходимых для выживания ресурсов на неудавшееся или ненужное переселение или — не дай бог! — обвинят в том, что он послал людей на смерть. Для него было главное, чтобы до нового поселения дошли все, и поэтому глава старался продумать каждую мелочь.

Согласно плану переселенцы должны были покинуть Тихие воды несколькими группами. В первых рядах — самые сильные ходоки. В их задачу входило разведать путь до спасательной станции "Лазурь", зачистить саму станцию от псевдо или крыс и организовать оборону. И лишь после всего этого один из ходоков должен будет вернуться в Тихие воды за следующей группой.

Сейчас, когда сборы были окончены, а молодые ходоки прощались с друзьями и родственниками, Вестник радовался грубой настырности Валевского. Ведь только благодаря старику всё прошло быстро и гладко. Каждый знал, что делать, что и в каком количестве брать с собой, а что оставить.

Стоя неподалёку от ворот, Вестник переминался с ноги на ногу и не заметил, как сзади подкралась Егоза. Она одной рукой прикрыла ему глаза, а другой — обняла.

Не разжимая её рук Вестник развернулся. Чувства девушки для него не были секретом. Она слепо и беззаветно любила. А вот его отношения к Егозе были иными. Вестник тоже любил её, но лишь как друга.

— Я хочу пойти с вами, — прошептала девушка. — Я хочу пойти с тобой.

— Я знаю, Егоза, но пока нельзя. Это всё план твоего отца. Ты пойдёшь в следующей группе. Тогда и встретимся.

— Сколько дней пройдёт пока кто-нибудь вернётся? Когда вообще выйдет следующая группа, Вес?

— Дней семь максимум. Дойдём, почистим территорию, укрепимся и пошлём за вами. Не бойся, всё будет хорошо. Мы ведь не навсегда прощаемся.

Егозе не хотелось с ним делиться своими тревожными мыслями. Зачем настраивать на дурной лад? Ведь и так его ждёт тяжёлый путь, а тут ещё она со своими муторными предчувствиями. А ощущения у Егозы были не хорошие. Казалось, будто Вестника она видит последний раз. Вот сейчас он ступит за ворота, растворится в темноте, и на этом его путь закончится, по крайней мере рядом с ней.

Двадцать опытных ходоков собрались возле ворот. Ребята в последний раз поправляли одежды и поклажу, проверяли оснастку. Ничто не должно болтаться, греметь и стеснять движения.

Вокруг них суетились те, кто пока оставался в Тихих водах. Они прощались, желали удачи и давали советы.

Креп не стал подходить к паре. Он лишь поймал слегка опечаленный взгляд Вестника и мотнул головой, мол: "Пора идти".

Вестник осторожно отстранил девушку, тихо прошептал ей ободряющие слова и зашагал к воротам. Он не оборачивался, слёз девичьих видеть не хотелось.

Егоза плакала не долго. Как только последний из переселенцев покинул Тихие воды, она стёрла слёзы рукавом и уверенно зашагала к дому. Неожиданно для неё самой в голове появилось просветление и невероятная уверенность. Егоза точно знала, что делать дальше.

***

За ушедшей из посёлка группой закрылись железные ворота, и ведомые Вестником и Крепом ходоки двинулись к новому месту жительства. Свет никто не включал. Шли парами, на расстоянии метра друг от друга.Прохладный ветер забирался под одежды, заставляя сжиматься всем телом.

От Тихих вод вместе с группой оторвалась и часть окружавших общину гончих. Ночью псевдо не станут атаковать, если их не

провоцировать, а вот при свете дня группе придётся туго. Вестник периодически то уходил вперёд, то возвращался в хвост. Изредка шёпотом переговаривался с другими ходоками. По негромкому шуму, по мельтешащим во тьме силуэтам ходоки вычисляли количество преследовавших их псевдо. И вскоре Вестник с уверенностью мог назвать точное число. Гончих было пять. На открытой местности ходокам с ними справиться будет сложно. Без потерь точно не обойдётся. Значит, нужно замкнутое помещение, где гончие окажутся в ловушке и не смогут воспользоваться на полную своей ловкостью и скоростью, и Вестник знал, куда вести псевдо.

Помимо тихих ночлежек лишь единожды ходоки повстречали изгоя, который трусливо ретировался, завидев сколько противников предстало перед ним.

Позади остались Волга, выстеленная цветастой плиткой набережная, плотно застроенный частными домами район, — и ходоки углубились во дворы многоэтажек.

Наконец, Вестник вывел группу к намеченной цели.

Местом для засады было выбрано полицейское отделение. Массивные двери трёхэтажного здания были грубо выломаны вместе с частью дверного косяка, зато на всех окнах первого этажа стояли крепкие решётки. Попав внутрь, Вестник и Креп собрали вокруг себя остальных ходоков и сложили годный план истребления гончих.Вход баррикадировать не стали, а наоборот расширили, выломав на одном из окон решётку. Перекрыли лестницу на верхние этажи. Потом очистили проход до трёх кабинетов в конце длинного коридора. Там разместились ходоки, "удостоенные чести" стать приманкой для гончих, а остальные засели в ближайших к выходу кабинетах, готовые в любой момент прийти на помощь товарищам.

Осталось дождаться утра, момента оживления псевдо.

Вестник и Креп расположились в дальнем углу кабинета и шептались.

— Боится она, — ответил Вестник на вопрос Крепа о истерике Егозы.

— Ты что ребёнок? Или первый раз посёлок покинул? — сказал тот. — Я понимаю, у нас нынче не простая вылазка, но ты не в одиночку ушёл. К чему такие сопли?

— Ты сильно грубый, Креп, — ухмыльнулся Вестник. — Не понять тебе девичьей души.

— Вот нашёлся мне знаток бабьих выбрыков! — повысил голос Крепыш.

— Тише, — остепенил друга Вестник.

— Извини.

— Сам сказал, что непростая вылазка, и Егоза это знает. Она мечтательная и слишком доверяет своим предчувствиям и ощущениям.

— Ты думаешь они были плохими?

— Кто? — не понял Вестник.

— Предчувствия.

— Ну, судя по тому как она меня провожала, плохие — это мягко сказано.

—Ясно.

Удовлетворив своё любопытство Креп замолк.

Кто-то из ходоков дремал, кто-то перешёптывался, но все без исключения слушали город. И каждый новый шорох заставлял сосредоточиться, отбросить все ненужные мысли и дела, с единственной целью — определить источник шума.

На полу в самом центре комнаты появилась яркая светлая полоса. В воздухе в узком солнечном луче замельтешили пылинки.

Солнце встало.

Креп, успев напоследок взглянуть через щель на начавшую распутываться ночлежку, аккуратно сдвинул прикрывавший окно стол, выгнав из кабинета утренние лучи, и как-то растерянно опустился обратно на пол.

— Что случилось? — поинтересовался Вестник, увидев огорошенное лицо друга.

— Ты никогда не задумывался, почему отрешённых так много?

Вестник пожал плечами.

— Так и людей было много.

— Но не в Старопесковске. Если верить пережиткам, а не верить им причин нет, во время Шабаша умерла большая часть населения города. Откуда тогда псевдо в таком количестве взялись?

— Из лесу приходят, — встрял в разговор Ёжка, до этого тихо дремавший на полу ходок.

Креп нахмурился.

— Их там лешие плодят? До ближайшего города не один километр. Неужели отрешённые через тёмный лес прутся специально, чтобы наш город посмотреть?

— Тобой полюбоваться, — сострил Вестник, но увидев насколько серьёзен друг, добавил: — Был разговор с Валевским по этому поводу. Он высказал мнение, что Шабаш многих убил, но вот умерли мало. Сам знаешь, бесноватые живучие. Смекаешь?

Креп медленно кивнул.

— Крысы чаще чем мы, становятся псевдо, — добавил Ёжка. — А сколько их по городу шастает, никому неизвестно. Эту? Как её? Перепись... никто не делал.

— Мудрую мысль высказал, — поддержал ходока Вестник.

— Если бы крыс в городе было много, мы бы на них на каждой вылазке натыкались, — усомнился в услышанном Креп.

— Не о том ты сейчас думаешь, — отмахнулся Вестник. — Есть у нас вопросы важнее.

Креп собирался ответить, но продолжить спор ходокам было не суждено.

Сидящий возле входа Ясень поднял руку с сжатым кулаком и прижал ухо к двери. Все в комнате замерли. Пальцы Ясеня начали медленно разгибаться, показывая количество пробежавших мимо двери гончих.

Ходоки зашевелились. Бесшумно поднялись, оставив на полу вещмешки и рюкзаки. Захватили с собой лишь оружие.

На счёте пять, когда все гончие оказались в здании, Ясень распахнул дверь, а сам скрылся за ней, пропуская остальных.

Напротив так же стремительно открылась ещё одна дверь, и в коридор высыпалась толпа ходоков. Сразу же нос к носу они столкнулась с двумя псевдо. Ни ловкость, ни сила, ни живучесть не спасли пару гончих. Через секунду они окровавленными мешками осели на пол, а ходоки ринулись дальше.

Луки или арбалеты в тесном пространстве использовать было бесполезно. Гончие стремительно метались от стены к стене, влетали в открытые кабинеты, но, получив отпор от засевших там "приманок", вновь возвращались в коридор.

Ходоки атаковали парами. Били, пытаясь достать шустрых псевдо, и, получая в ответ не щадящие удары, отступали. Дальше в бой

вступала следующая пара.

Людей было больше, но узкое пространство не давало насесть на псевдо всем отрядом, и гончие этим обстоятельством умело пользовались. Они атаковали наскоками, не позволяя ходокам быстро продвигаться вперёд, а тех кто находился в кабинетах, не выпускали в коридор.

Псевдо осталось только трое, но ни страх, ни паника им не были присущи. Поэтому гончие безустанно отбивались от наседавших водяных, нанося болезненные удары.

Из "приманок" только засевшему в дальней комнате Юзу удалось выбраться в коридор.

Вот один гончий пал от мощного удара Крепа, раздробившего монстру череп. Двое оставшихся с ещё большим неистовством ринулись на людей.

Один сиганул в ноги наступавшим ходокам. Повалил двоих. Одному — ловко распорол когтями щёку, второму — вцепился зубами в плечо и тут же отпустил, дико завизжав.

Одновременно три копья прошили псевдо насквозь. Ходоки вжали трепыхающегося гончего в пол, а Ясень топором снёс ему голову.

Последний гончий рванул прочь от наседавших водяных прямо на Хромого. Бросок его был невероятно быстрым и точным. Он протаранил Юза в грудь. Всё что успел сделать Хромой, это выставить перед собой тесак. От удара ходок влетел в кабинет. За ним вкатился гончий, волоча за собой вывалившиеся из вспоротого брюха внутренности. Псевдо несколько раз вздрогнул и затих.

— Всё! — прокричал Юз. — Сдохла падла!

Но бой для Хромого ещё не закончился. Только он договорил, как завешенное плотной тканью окно и часть стены вокруг него с грохотом вывалились в комнату. Юз задрал голову, надеясь увидеть, что же произошло, но потоки света, влившиеся через разлом, ослепили, позволив заметить лишь громадный силуэт, а мощный удар — то ли кусок бетона угодил в голову, то ли чья-то лапа — отключил сознание.

И когда ходоки вбежали в комнату, то нашли лишь мёртвого гончего и широкий разлом в стене. Хромого в кабинете не было.

***

Юз потерял сознание ненадолго, а когда пришёл в себя, не сразу смог сообразить, что происходит и где он вообще находится. Голова

адски болела, а из носа струилась кровь, но это было не самое страшное. Вот то что тело его было скрючено словно ребёнок в лоне матери, и разжаться никак не получалось, на Хромого нагнало тревоги, но разум всё же не застопорился, он работал быстро, как часы отсчитывают секунды, так и Юз стремительно отбрасывал несостоятельные мысли.

Ходока трясло, периодически било о что-то твёрдое. Рядом слышалось тяжёлое дыхание. Вывод напрашивался неутешительный. После удара его запихнули в мешок или же "упаковали" в ту же ткань, что завешивало окно в кабинете, и куда-то унесли. Среди псевдо только гончие могут похитить человека, только стену проломить они не способны и в мешок засовывать не станут. А человеку и вовсе не по силам пробить бетонную стену. Тогда кто это мог быть?

"Чёрт! — мысленно ругнулся он. — Неужели лютый!"

Не хотелось верить собственным догадкам, слишком нехорошими они были.

Плотная ткань с трудом пропускала воздух, а дышать хотелось. Ох как хотелось!

"Убью тварь! Кто бы ты ни была!"

Вскоре тряска закончилась неприятным падением на бетон. Ткань — а это и впрямь оказалась завешивавшая окна мешковина — развернулась, и Хромой увидел своего похитителя.

Существо стояло на двух ногах и высилось более чем на два метра. Мощные длинные руки были заведены за спину. Глаза, не читаемые, белые словно молоко, направлены на ходока. Кожа вся чёрная, от пят до макушки лысой головы.

"Чёрный" вывел руки из-за спины. В левое он сжимал нож с длинным изогнутым лезвием.

Юз узнал стоящего перед ним монстра. Огромный, белые глаза, ножи — всё как описывал Валевский.

Хромой оттолкнулся ногами, пытаясь рвануть в сторону, но лютый, не взирая на свои габариты, оказался проворнее. Изверг, мастер допросов и пыток, ухватил водяного одной рукой за плечо и дёрнул вверх, приподняв над полом, а потом с той же силой поставил на колени.

Он уложил Юза на спину. Одной ногой наступил на левую руку, а другой — надавил на грудную клетку, не позволяя подняться.

Дыхание заняло. Хрустнули рёбра и кости в ногах. Свободной рукой водяной нанёс удар по голени "чёрного". Потом ещё и ещё. Всё без толку. Лютый лишь ухмыльнулся, показав Хромому спрятанные за тёмными губами клыки.

— Чего тебе надо?! — закричал ходок. — Чего?!

Но Изверг был нем. Он сорвал с руки Хромого рукав кофты и отточенным движением сделал неглубокий надрез на коже.

Юз лишь скривился.

Лютый воткнул в рану короткие когти и потянул кожу вверх, отделяя её от мяса, сухожилий и костей.

И тогда Юз завопил.

"Чёрный" прошёл по руке сантиметров пять и отпустил, оставив болтаться окровавленный лоскут.

Юз дышал с трудом, давясь хрипами и стонами, и лишь одна мысль бороздила опустевшую голову:

"Почему я? Почему он взял именно меня?"

Изверг надавил на руку крепче, а ногу на груди чуть приподнял и спросил:

— Куда вы идёте и зачем?

Голос ровный, спокойный, правильнее даже сказать бархатный. В иное время и при других обстоятельствах Юз удивился бы такой дисгармонии: приятный голос и жуткий вид. Но сейчас он лишь набрал полные лёгкие воздуха и выдавил:

— На новое место. Мы... Мы переселяемся.

— Куда?

— Не надо больше. Прошу не надо, — умоляюще запричитал ходок. — Я всё скажу.

— Куда, я спрашиваю?

Нога вновь с силой опустилась на грудь, а рука лютого потянулась к раненой руке Юза.

— Стой! Не надо! Умоляю! Не надо! — вновь закричал Хромой. — На спасательную станцию "Лазурь"! Там будет новая община!

Изверг одним ударом ноги отшвырнул ходока и, бросив пренебрежительно: "Слабак", — замер.

Юз чувствовал, что умирает и не только чувствовал, но и желал смерти. Он сломался и выдал своих. "Чёрный" очень быстро нашёл к нему подход. Великой тайны в том, куда идут ходоки не было, но кто

знает, что ещё лютый захочет узнать, а может, решит просто помучить ради забавы.

Юз осторожно повёл глазами. Затуманенный болью разум соображал туго. Медленно, но до ходока дошло, что "чёрный" приволок его в комнатушку некогда бывшую деловым офисом. Здесь стоял угловой стол, пара стульев, диван с разорванной обивкой и высокий шкаф-стенка. Было ещё одно окно с закрашенным чёрной краской стеклом.

Вот оно! На каком этаже они находились Юз не знал, но практически нигде в городе на первых этажах стекла не сохранились, а значит они выше. Осталось надеется, что высоты хватит, чтобы убиться при падении.

Лютый стоял спиной к водяному. Хромой понимал, что возможно это его последний шанс. Он медленно приподнялся на колени... и тут Изверг заговорил:

— Они к спасательной станции "Лазурь" идут.

Валевский рассказывал, что лютые постоянно поддерживают друг с другом связь. Каким-то невероятным образом разговаривают друг с другом, будучи разделёнными приличным расстоянием. Вот только говорить так громко, как это делал сейчас Изверг, надобности не было.

"Страха ещё больше нагнать пытается, падла", – догадался Юз.

— Он не врёт... Я вижу, что не врёт, но могу ещё спросить.

Хромой похолодел, но не остановился, а продолжил тихонько ползти к окну. Отделяли его от спасения всего три шага.

— Могу ещё одного взять... Эх! — уныло вздохнул лютый. — Князь, ну хоть с этим можно поразвлечься? Чего мясу пропадать?

Юз ухватился руками за подоконник и подтянулся.

— Ладно, понял, остальных не трогаю.

Изверг закончил говорить, повернулся к водяному и успел заметить лёгкую улыбку на его лице.

Вложив в рывок последние силы, Юз вышиб стекло и вылетел наружу.

Падение длилось меньше секунды, но Хромой успел за этот короткий миг осознать свою ошибку и испугаться, но исправить сделанное было уже не в его силах.

Он пролетел всего два этажа и рухнул на отрешённых. Псевдо среагировали на человека мгновенно. Несколько рук стальной хваткой

уцепились за него, приравнивая шансы высвободится к нулю. Юз вновь закричал, а лютый угрюмо ухмыльнулся, расстроенный потерей "развлечения".

Глава 14. Чудо

Сыч и Кубик дрались, но это было их обычное состояние. Они катались по бетонному полу, с рёвом рвали друг на друге волосы и кусались. Вот более габаритный Кубик придавил своего противника. Ухватился ладонью-лапищей за голову Сыча и двинул того затылком о бетон. Раз, два... и всё. Словно и не ощущая мощных ударов, Сыч нанёс ответный. Он резко подогнул ногу в колене, и негодующий Кубик, ухватившись руками за промежность, завалился на бок. Негромко, но протяжно простонал:

— Рван-н-нина...

В углу заржала Дырка. Девке смешно, но это пока. Она знает, что будет после драки. С пылу с жару крысы обратят на неё своё внимание. А пока Дырка беспечно обнимает храпящего Пупа. Тучный крыса только сполз с неё и сразу уснул, даже штаны остались ниже колен.

Кубик злобно рычал и перекатывался с бока на бок. Сыч же помогал ему в этом, сильными ударами ног и грубым матом.

— Уроды, — раздражённо прошептал Чугун и подтянул ватное одеяло, укрывшись с головой.

Логово стаи Чугуна находилось в затхлом подвале в центре Старопесковска рядом с площадью имени Ленина.

От бетонного пола, хоть и был он устелен всевозможным тряпьём, тянуло холодом. Бадья с полыхающим внутри пламенем прогревала лишь воздух, превращая его из просто сырого в противно-плесенную сухую смесь. Но Чугун и его бойцы уже привыкли.

Победный трёп Сыча неожиданно превратился в боязливый скулёж. Даже не глядя на дерущихся, Чугун понял, что Кубик оклемался и теперь берёт своё, резво пиная противника.

Радостно завизжала Дырка.

"Пойти вдуть ей что ли?" — пришла мысль Чугуну и тут же умчалась прочь.

Чугун потянулся за бутылкой. Не высовываясь из-под одеяла сделал два больших глотка. Хорошее пойло у Шамана выменял. Жжёт внутри как огнём, да и хмель по башке бьёт не слабо...

— Хмель? Хмель! Падла, чего же ты сдох в той грёбанной "семёрке"? — в сотый раз за последних несколько часов выругался он.

Пуп следил за атакой крыс на торговый центр, он же и принёс Чугуну безрадостную новость: "Все сдохли".

А ведь какое дело можно было провернуть?! Чугун и с Шаманам уже договорился, и придумал, как Хмеля завалить, а тут такое! Ведь верил Чугун в то, что Хмель в "семёрку" пробьётся. Он хоть с башкой своей вовсе не дружил, но разработал хитрый план и крыс вокруг себя собрать умудрился.

Сыч тихо захрипел, забулькал. Душит его Кубик. Если дураков вовремя не развести, то кто-нибудь точно помрёт. Главное выбрать подходящий момент. Дать крысам порезвиться, но без серьёзных последствий.

Чугун выскочил из-под одеяла. Царапнув макушкой потолок — подвальное помещение было довольно низким — и в два шага оказался возле дерущихся.

Он не был крупным мужчиной, выдающейся силой никогда не блистал, но в драке с ним совладать было не просто. Крыса бил со знанием дела, быстро и точно в цель.

От удара ногой в висок Кубик расцепил руки на горле Сыча и в бессознательном состоянии завалился на спину. Его противник получил по груди стальной трубой — любимым оружием Чугуна — и улёгся рядом с товарищем, а сам Чугун вернулся под одеяло.

По крайней мере сегодня драки они больше не устроят. Через пару минут оклемаются и на пару займутся Дыркой.

Закрутило, забурлило в животе. Захотелось есть. В принципе есть хотелось всегда, но сейчас голод стал слишком невыносимым. Чугун вновь выполз из-под тёплого одеяла.

Он уложил в бадью ломанные доски, а то неровен час пламя погаснет. После этого подошёл к неказистому, облепленному рваными наклейками шкафу. Внутри лежали три жаренные рыбины. Уже увядшие, залежавшиеся, но такие вкусные.

Крыса взял одну. Хоть он и вожак стаи, но, если съесть всё самому, можно и без головы остаться. Чугун не без удовольствия прихватил бы и всю рыбу, только за ним пристально следила Дырка.

Он откусил кусок хребта и начал жевать вместе с костями.

"Пяльcя, дура, пяльcя. Вот уже Кубик шевелится. Скоро тебе не до меня будет".

Крыса оскалился, и лишь после этого Дырка отвернулась.

В голове замельтешило желание бросить этот город и уйти в лес. Крыса не знал, примут его лешие или нет. Многие люди покидали забитые псевдо улицы и исчезали в чащобе. Таких Чугун видел не раз, но вот возвращался ли кто назад, он никогда не слышал. Но там хоть живность бегает, жрачка есть. Ни то что в городе. Во многих квартирах даже мебели не осталось, всю переломали и пожгли.

Чугун вновь приложился к бутылке. Вот и пойла с каждым глотком всё меньше и меньше.

Кубик и Сыч уже вовсю щемили Дырку. Так и не проснувшегося Пупа — завидный у крысы был сон — затолкали в угол и теперь перебрасывали с рук на руки деваху, мерными движениями срывая с неё лохмотья, а та лишь повизгивала, строя из себя недотрогу.

Зародилась мысль примкнуть к Театральной. Может, Шаману и удастся замолвить за него словечко. Как никак и крыша всегда над головой и с едой таких проблем не будет.

Взгляд Чугуна остановился на обнажённой груди Дырки, и все проблемы тут же исчезли. Он сделал очередной глоток. После чего спрятал бутылку за пазуху и, двинувшись к девке, на ходу начал стягивать с себя штаны.

— Ща я тебе покажу настоящего мужика, — пообещал он.

Кубик и Сыч расступились, Чугун вожак, а значит, он должен быть первым. Придётся немного подождать.

Неожиданно за дверью, в узком петляющем к выходу проходе, загремела вязанка из консервных банок. Чугун гостей не ждал. А значит того, кто ломится в логово крыс, ждут большие неприятности. Он практически впрыгнул обратно в свои штаны и схватил трубу.

Кубик и Сыч, забыв о забавах с девахой, вооружились ножами и стали с обеих сторон двери, а Дырка начал тормошить Пупа.

Дверь негромко скрипнула и открылась.

— Покойничек! — удивлённо вскрикнул Чугун, завидев на пороге Хмеля.

— И я рад тебя видеть, Чугун, — как-то не искренне улыбнулся тот. — Скажи своим дятлам, пусть из-за углов вылезут, чтобы я не нервничал. А то, мало ли?

Чугун на мгновение опешил. Сейчас день, а Хмель пришёл не укрытый. Штаны, кроссовки, кофта с закатанными рукавами — и всё! Не мог же он на входе раздеться?

— А ты не сцы, покойничек. Не дёргайся, и это "мало ли" не произойдёт.

Хмель усмехнулся и прошёл вглубь комнаты, лишь искоса взглянув на притаившихся возле двери крыс.

Громко засопел Пуп, но как его не теребила Дырка, просыпаться крыса не собирался.

Нежданный гость под хмурый взгляд хозяина протопал к огню и занёс над ним руки.

— Слышь, есть чего пожрать?

— Нет ни хрена и всё благодаря тебя, — нервно сплюнул Чугун.

"Зарвался, падла, ещё пожрать спрашивает".

— А я тут при чём?

Кубик начал обходить гостя слева, следя за каждым его движением. Справа, не добившись ничего путного от Пупа, притихла Дырка, готовая в любой момент броситься на врага и вцепиться в горло зубами. А за спиной Хмеля нервно топтался Сыч.

— Так ведь ты подох, — выпалил Чугун. — В "семёрке". Со всеми своими бойцами. Пуп видел, как вас пастух хряк...

— А я гадаю, какого бесноватого ты меня покойничком обозвал. Так ты меня может грабануть хотел? — спросил Хмель и засмеялся. — А тут обломилось?

Чугун начал свирепеть, но первым вышел из себя Кубик.

— Чё ржёшь, тварь? Да я тебя...

Он сделал шаг вперёд, уже занёс руку с ножом для удара, и в этот же миг Хмель стремительно контратаковал. Он перехватил руку, вырвал оружие и провёл один единственный апперкот в челюсть. Кубик протаранил макушкой потолок — голова вжалась в плечи, подбородок упёрся в грудь — и рухнул на пол.

Ещё тело не успело опуститься на тряпьё, а Хмель был уже рядом с Чугуном и прижимал нож к его горлу.

— Я пришёл дело тебе предложить. Серьёзное дело, — заговорил Хмель. — Так будете слушать, или мне начинать вас резать?

Чугун поверил. Ни разу он не видел, чтобы Хмель двигался так стремительно, а говорил настолько уверенно и жёстко.

— Говори, — прошипел хозяин подвала.

Хмель отнял нож от горла и сел рядом с Чугуном. Дырка и Сыч, увидав его бешеный взгляд, отступили к стене и зашептались. До Хмеля долетели лишь обрывки фраз: "сука, бесноватый", "мочить козла", "нам крышка".

— Да ни хера он не бесноватый, — заговорил Чугун, поняв о чём те шепчутся. — Злой, придурок. А тряпки свои на входе оставил.

— Не бесноватый, — как-то лениво согласился Хмель. — Но к вам я пришёл только в той одежде что на мне сейчас.

Чугун поник и трусливо задрожал.

— Хана нам, — надрывно прошептал он, а левая рука в это время нащупала трубу.

Только пальцы сжали металл, его тихий боязливый шёпот перерос в беспощадный крик:

— Вали бесноватого!

Он целился в голову и, казалось, обязательно должен попасть, но Хмель ловко увернулся и играючи вырвал из рук трубу, а самого Чугуна отшвырнул прямо на мчащегося в атаку Сыча. Оба мужчины распластались на полу. Дырку Хмель встретил "чугуновской" трубой в живот. Девчушка ойкнула и медленно сложилась пополам.

Чугун попытался подняться, но разъярённый вопль заставил его вжаться в пол.

— Лежать! Глаза вырву, гниды!

Сопротивляться больше желания ни у кого не появилось, поэтому Хмель и сам опустился на пол.

— Вот теперь, могу говорить и не одна крыса меня не перебьёт, — начал он. — Чугун, ты думаешь, что я пустой из "семёрки" выбрался? Разорви меня пастух, но это не так. Я нашёл кое-что очень ценное. Я нашёл цель и средства для её достижения.

— Какую на хрен цель? — осклабился Чугун.

— Мы подыхаем поодиночке. И не было той силы, которая смогла бы собрать всех крыс вместе и повести вперёд. Задавить общины, перебить всех псевдо. Да, мать вашу, вернуть город людям! Не было, но теперь есть.

Хмель не спеша приблизился к распластавшемуся на бетоне Чугуну и приподнял ему голову. Их глаза встретились. В одних страх, а в других уверенность.

— Я смогу это сделать. Мне дали силу, мне позволили ходить при свете. Меня не трогают псевдо.

— Так зайди в толпу отрешённых, урод, — не сдержалась Дырка. — Потрепись с родичами.

Хмель ехидно заржал и отпустил Чугуна.

— Хорошая идея, шалава. Сейчас мы с тобой это дело и провернём.

Дырка испуганно поползла в угол комнаты, хотя внутренний голос подсказывал: "Деваться тебе некуда"

Пуп громко засопел и перевернулся со спины на бок. Он левой рукой почесал вывалившееся из-под рваной майки брюхо и лишь тогда открыл глаза. Какого было его удивление, когда мозг медленно и заспанно воспринял происходящие вокруг. Чугун, Кубик и Сыч валяются на полу, а Дырка истерически визжа отбивается от наседавшего на неё "покойного" Хмеля.

Если Кубик представлял собой накаченную его же силами гору мышц, то Пуп был одарён силой и крупными габаритами природой. Он медленно поднялся, — среднего роста и такой же вширь крыса походил на неповоротливого бегемота — подтянул штаны и рванул на ничего не подозревавшего Хмеля. Такой способ атаки сам Пуп называл "пресс-пуп", и одолел он им не одного противника. Бывало даже через толпы отрешённых так пробивался, разбрасывая псевдо словно куклы.

Но Хмель оказался непростым противником. То ли направленный внутренним чутьём опасности, то ли уловив что-то во взгляде Дырки, он лёгким движение ушёл в сторону от прущего Пупа и нанёс мощнейший удар тому в голову. Сознание вылетело из Пупа мгновенно, но тело не остановилось. Всего в полуметре от девахи пролетел крыса и со всего маха протаранил стену. Даже не пошатнувшись, Пуп на секунду замер, а потом словно слепленный из одного лишь жира, стёк на пол.

Дырка завертела головой, то останавливая взгляд на Пупе, то на победившем его крысе.

Хмель сплюнул и подмигнул её.

— Ладно, дура, живи пока, — бросил небрежно он и ухватил Пупа за ногу.

К удивлению Дырки массивную тушу Хмель поволок с лёгкостью.

Уже возле двери он окликнул Чугуна.

— Вставай, вожак грёбанный, надевай свой плащ и топай за мной. Я тебе чудо покажу.

Чугуну не хотелось никуда идти, тем более на свет за странным... Нет, правильнее будет сказать — за диковатым Хмелем. Но всё же чутьё, без которого в нынешние времена долго не протянуть, погнало крысу вперёд. Внутренний голос, дрожащий и напуганный, подсказывал: "Хмель не просто стал другим, но и всё вокруг скоро изменится и нужно, жизненно необходимо двигаться за переменами. Иначе сдохнешь".

Чугун неприкаянно поднялся с пола. Накинул валявшийся в углу брезентовый плащ, а на голову натянул балаклаву и неуверенно двинулся следом за Хмелем.

Пуп очухался, когда до выхода оставалось всего метра два. Подвал, бетонный потолок, холодный пол. Кто-то небрежно тянет за ногу. Крыса приподнял голову. Впереди дверь — пока закрытая. За ней — солнечный свет и псевдо.

Ударом ноги Пуп отбросил Хмеля вперёд. Сам перевернулся на живот, встал на четвереньки, выпрямился… и вновь оказался на полу с разбитой головой.

Чугун ударил торцом трубы прямо в висок и этого хватило, чтобы отправить крысы в забытьё.

Хмель опешил, не ожидая такого развития событий, а Чугун пробубнил:

— Чё стал? Двигай за своим чудом.

Никто из стаи не рискнул проследовать за ними. Дырка, Кубик и Сыч лишь опасливо выглядывали из комнаты.

Хмель открыл настежь дверь и выволок Пупа на улицу. Сквозь тёмные стёкла очков Чугун видел, как крыса приостановился, прикрыл лицо рукой, а потом продолжил свой путь через укрытый полуденной тенью двор в сторону площади, на которой топталась толпа отрешённых.

Чугун лишь сделал несколько неспешных шагов от двери и остановился. Дальнейшие события не могли уложиться в его голове.

С невероятной лёгкостью Хмель поднял Пупа на плечи и слился с толпой отрешённых. Чугун сразу же представил, как псевдо бросаются на безумца, затаскивают обоих в толпу и намертво сковывают. Но

твари не трогали Хмеля! Они тянулись к Пупу. Пытались ухватиться за руку или за ногу, но Хмель небрежно расталкивал их.

В окружении десятков отрешённых крыса остановился. Он сбросил на асфальт грузное тело и, не глядя на то, как псевдо накинулись на Пупа, двинулся назад к Чугуну.

— Как? Что с тобой случилось? — осторожно проговорил Чугун.

— Меня избрали, — с издёвкой ответил Хмель и толкнул его к двери.

В толпе отрешённых заверещал Пуп. Уж лучше бы он и остался в беспамятстве.

Хмель запер дверь и вновь заговорил:

— Хватит ныкаться по вонючим дырам. Я хочу собрать всех крыс вместе. Город должен быть нашим. Он не для псевдо и не для общин...

— Ты сможешь сделать, чтобы и я на свет выходил? — не сдержался Чугун.

Хмель положил ему руку на плечо.

— Это нужно заслужить. Нужно стать избранным, и тогда ты получишь гораздо больше.

Глаза Чугуна засветились, алчно, дико и преданно, словно верный пёс завилял хвостом перед любимым хозяином.

— Я всё сделаю! Всё!

— Нам нужны ещё крысы. Чья ближайшая стая?

— Стая Капы, — не задумываясь ответил Чугун. — Этот старый хмырь засел через две улицы от нас. У него в стае семь крыс.

— Вот к нему мы и наведаемся.

Когда Хмель вернулся в комнату, поникшие Дырка, Сыч и Кубик расступились, пропуская его в помещение. Они признали нового вожака. Как бы не было противно, но выхода у Чугуна не оставалось, кроме как стать рядом с ними.

Хмель улыбался. Ему нравилось начало его нового пути.

***

Хмель действовал быстро, продуманно и жёстко, и Лихо это одобряла. Вот только что он будет делать дальше? Маленькой стайке Чугуна ему с лёгкость удалось внушить своё превосходство, но когда бойцов станет больше, у Хмеля начнутся настоящие проблемы.

Нужны будут доказательства, что Хмель не свихнувшийся одиночка, а за ним стоит кто-то могущественный. Вот тогда-то она и

появится. Жестокая и стремительная лютая. Паре самых сомневающихся крыс пустит кишки. Одного, того кто докажет свою верность, она одарит меткой.

Лютая невзначай ощупала нагрудный карман. Метки осталось всего две, так что с выбором нужно быть внимательной.

Когда стая Хмеля станет не просто шныряющей по городу бандой, а приобретёт силу, и её власть над ними укрепится, можно будет сдать им один из запасников Аркса.

— Лихо, как твоя собачонка? — прервал её размышления Упырь.

Трое лютых находились на крыше девятиэтажного здания всего в паре кварталов от Театральной. Упырь и Гуль, стоя на краю, разглядывали общину. Выглядели они словно близнецы. Оба одного роста, одинаково широки в плечах, даже шрамы на чёрных лицах идентичны, будто нарочно себя резали. Лихо же сидела чуть поодаль и, закрыв глаза, наблюдала за действия Хмеля. Он приказал крысам собирать пожитки и готовиться к выходу, а сам поволок Дырку в угол на "чугуновское" одеяло. Дальше Лихо смотреть не стала.

— Не собачонка, а крысёнок.

Лихо подошла к краю крыши и взглянула вниз.

— И не тебе о нём беспокоиться, — огрызнулась она. — Думай о предстоящей операции.

Упырь лёгким движением извлёк из ножен на спине длинный меч и аккуратно провёл лезвием по руке.

— Что тут думать? В Театральной городовые плотно живут, в отличии от Тихих вод. Мечом так работать будет славно, так что прикрытие мы тебе обеспечим.

— Взрывчатку я взял, — вот голос у Гуля был совсем другой, не низкий как у Упыря, а грубый с хрипотцой. — Уложу здание красиво.

— Главное найти планшет, — напомнила Лихо. — Потом можете резвиться на полную. Резать, стрелять и взрывать. Но всех не убивать. Надо ведь чтобы кто-нибудь новость о нашем появлении по другим общинам разнёс.

Лихо была правой рукой Князя, поэтому спорить с ней ни Упырь, ни Гуль не стали. Оба молча кивнули.

— Рассказывайте, что вы тут усмотрели? — спросила лютая, глядя на притихшее здание театра.

Упырь ловко взмахнул мечом и пожал плечами.

— Ничего нового. Будем действовать, как и задумали. Поводырь идёт со стороны завала, через крышу. Когда доберётся — сообщит, и мы атакуем. С левого фланга, через окна второго этажа. Я думаю, все театральщики к нам подтянутся. Тебе же останется только с противоположенного угла попасть в "раздаточную" и добраться до Шамана. Старик не боец, так что он тихо забьётся в своей мастерской.

Лихо злобно сощурилась.

— Хотелось бы мне ещё и ходоков из "семёрки" встретить. Глотки им вырвать.

Гуль хохотнул.

Глава 15. Когда приходят "чёрные"

Раньше Тимоха был диким мальчуганом, который опасливо рыскал по городу в поисках пищи, прятался от псевдо и людей. Тогда всё было просто: нашёл еду, успел сбежать – ты победитель. Потом ему повстречались ходоки и забрали его в общину. Жизнь успокоилась и упростилась. Если с пищей ещё бывали проблемы, то убежище и безопасная днёвка всегда были рядом.

Но рассказ Буквы всё перевернул вверх дном.

Вьюн знал, что Валевский до Шабаша был военным. Слышал от пережитков, что глава служил на каком–то секретном объекте. Но не столь важно было, где он служил, важно то, что службу он так и не оставил, как оказалось.

Люди, на которых "трудился" Сергей Николаевич, знали о грядущем. А может и сами его спровоцировали? На этот вопрос ответа у Януса не было. Лишь догадки. Но наверняка было известно, что в Старопесковске они создали убежище, названное Аркс, в котором и пережидали конец человечества, а вот Валевский и ещё пара его сослуживцев получили задание, следить за происходящим в городе. Через год от тройки наблюдателей остался лишь Сергей Николаевич. Согласно первичному приказу срок наблюдения истёк, и он должен был вернуться в убежище. Но год проведённый в городе среди разрухи и смерти изменил Валевского. То ли проснулась жалость к людям, то ли он решил, что хозяева Аркса поступили неправильно, сохранив в тайне информацию о надвигавшейся на мир катастрофе, но он остался. Передал в убежище последний свой отсчёт, а сам вернулся помогать выжившим.

– А Аркс большой? – по-детски наивно спросил Букву Вьюн.

– Я там не был, но думаю немаленький, – ответил ходок.

– А сколько там людей?

Буква пожал плечами.

– Наверно сотни, а может и тысячи.

– И еды там много? И... и света?

– Много еды и света, только не солнечного, а искусственного.

– А... – На следующем вопросе Тимоха замялся. – А почему Аркс один? Почему не построили много убежищ и не спрятали всех людей?

И вновь Буква пожал плечами.

– Не успели, наверно. Тем кто остался, просто не повезло. А может он и не один. Может и в других городах есть.

– Значит, – разочарованно сказал мальчик, – если даже мы попадём внутрь, то места нам там не окажется. Придётся кого-то выкинуть наружу.

Янус грустно улыбнулся.

– Дело не в этом. Там много припасов, вот что главное. Семена растений, очистительные системы для воды, оружие, лекарства, консервированная еда...

– А что такое конс...сервиная еда?

– Консервированная, – поправил Янус и объяснил: – Мясо в железных банках. Вкусное и хранится долго.

– А я хочу сгущёнки наесться.

Вот тут и Буква удивился.

– А ты её пробовал?

Тимоха кивнул.

– Я тогда маленьким был. Еле ходил ещё. Нашёл открытую банку с остатками на дне. Крысы выкинули. Всего пара капель, на мизинец намазать. Зато как вкусно было! Я потом банку пустую постоянно с собой носил, пока не попал в Тихие воды. Там пережитки мне и рассказали, что это я такое попробовал.

Янус потеребил Тимоху за ухо.

– Попадём в бункер, будет тебе сгущёнка.

А потом он рассказал о лютых.

Их шестеро. Глеб Князев – расчётливый стратег. Он главный. Лихо – единственная женщина в отряде, быстрая и ловкая. Упырь и Гуль – принято считать, что они братья близнецы, в их задачи входит грубая лобовая атака. Самый жестокий среди лютых – это Изверг. Знает физиологию человеческого тела во всех её тонкостях, оттого прослыл мастером пыток и допросов. Есть ещё Поводырь – не самый сильный боец, не столь хитёр как Князь или Лихо, но в его тело встроена система, позволяющая управлять изгоями.

– Как это "управлять изгоями"? – недоверчиво спросил Вьюн.

– Я рассказываю всё со слов Валевского, а ему механизм не известен, — ответил Буква. — Всё-таки он был солдатом, а не учёным. Можно сказать лишь то, что устройство управления находится на спине Поводыря. Большой такой горб.

– А он всеми изгоями может управлять? – не унимался Тимоха.

– В радиусе ста пятидесяти метров от себя.

На лице мальчика появилось недоумение, и ходок вновь взял слово.

– Радиус – это расстояние от центра окружности до края. Все изгои, находящиеся ближе ста пятидесяти шагов от Поводыря, сразу же становятся ему подвластны.

— Ага, понятно, – кивнул Вьюн. – Лютые они вообще люди?

— Люди… были. Они солдаты прошедшие контролируемые изменения. Как бесноватые, только дальше в псевдо не превращаются. Не спрашивай только почему. Мне это неизвестно.

— А почему лютые сейчас появились? Раньше я о них не слышал.

И вновь Янус вдался в разъяснения. Он обещал мальчику рассказать всю правду, так что пришлось говорить.

— У каждого разведчика, остановленного Арксом в городе, был планшетный компьютер с электронным ключом, позволяющим попасть в убежище.

Вьюна перекосило при словах "планшетный компьютер" и "электронный ключ". Он понимал, что это какие–то старые и сложные механизмы, но перебивать Букву и просить объяснения не стал. А тот говорил не останавливаясь.

— Один из ключей вначале Шабаша вернулся в Аркс, подобранный теми же лютыми у тела погибшего наблюдателя. Ещё один находился у Валевского, но он уже шесть лет как вышел из строя. Как бы не был долговечен и крепок собранный для военных планшет, выдержать он способен далеко не всё. А последний ключ пропал вместе со своим владельцем. И вот недавно его отыскали крысы в "семёрке", а следом за ключом явились и лютые.

– Постой, Янус, – перебил Вьюн ходока. – Как же лютые узнали, что этот планшет найден?

– Высокие технологии, напарник. Ты знаешь, что такое космический спутник?

Мальчик замотал головой. Ну да, где же ему такое знать? Ходок объяснил и подытожил — крысы умудрились включить планшет и тот послал сигнал на спутник, а потом информация дошла до Аркса.

– Янус, вы с Сергеем Николаевичем говорили, что у вас был какой–то план, но из–за появления лютых его пришлось изменить. Вы хотели захватить убежище?

— В Арксе скрывается так называемая "двенадцатка" — учёные и богатеи. Они хотели наблюдать, что свет сделает с людьми.

— Зачем им это?

– Любопытство. Чем тоньше лёд, тем больше всем хочется убедиться, выдержит ли он,* — ответил Буква. — Так вот, через два года они собираются провести наблюдения. Лютые должны были выйти первыми, чтобы обеспечить безопасность "двенадцатки". Валевский же хотел новый посёлок основать возле крепости — это особняк под которым находится Аркс — и перехватить лютых при выходе.

— Но те появились раньше, — сам продолжил мысль Януса Вьюн. — И просто так к крепости никого не подпустят.

— Совершенно верно, — согласился Буква.

Когда добрались до Театральной Янусу уже начало казаться, что голова лопнет от вопросов, но возле общины Тимоха, наконец, замолчал. Лютые, Аркс, ключ, крепость – всё это сильно взволновало его. После досмотра и опроса театральщиками Буква убежал к Шаману, а мальчик остался один блуждать по коридорам здания. Они договорились встретится в фойе, но пока Янус переговорит с Шаманом, у Тимохи есть время осмотреться вокруг. Вот только никак не получалось сосредоточиться.

Его останавливали ходоки и домушники, спрашивали, кто он и что здесь делает. Мальчик неосознанно отвечал и шёл дальше. Вышел по коридорам к широкой винтовой лестнице, спустился вниз и там улёгся прямо на полу под лестницей, укрывшись от посторонних глаз.

Вьюн попытался представить, как выглядят жители Аркса. Чистые, опрятные, в полностью новых или до бела выстиранных одеждах. А на головах неповторимые причёски. Ему вспомнилось, как в Тихих водах Юле заплетали косички. У девочки были волосы реденькие, но длинные, спадали до самых лопаток. Маргарита Антоновна умудрялась из трёх её волосинок сплести широкую и

невероятно мягкую косичку. В такие моменты Юлу переполняла радость, и девочка ещё долго ходила окрылённая своей красотой. Тимоха видел, как она изменялась лишь из–за причёски. Люди в бункере должны быть и вовсе неподражаемыми, красивыми и добрыми. Добрыми? Но могли ли эти "добрые" люди послать в город лютых? Или же бросить на погибель огромное количество своих собратьев? Так что получается? В Арксе прячутся те, кто даже страшнее псевдо?

Человеческий разум обладает невероятной фантазией, способной представить самые удивительные и неповторимые картины. Если же это ещё и разум ребёнка, то идеи становятся более сказочными и стократ нереальными.

Вьюн воображал себе существ в белоснежных одеждах, с перекошенными злобой и ненавистью лицами. Многоруких, многоногих, имеющих по несколько глаз, ртов и ушей псевдо. Следом разум рисовал обычных внешне людей, но жестоких и властолюбивых.

Фантазия кипела, словно перегретый чайник, брызгая в стороны невероятными идеями, но в один миг разум умолк.

Тимоха опасливо забегал глазами по залу. Что–то изменилось вокруг.

Всё так же не спеша сновали театральщики. О чём–то разговаривали, что–то куда–то несли, ругались и смеялись.

Висел прежний затхлый воздух с примесями запаха человеческого пота и всеобъемлющей сырости. Слегка повонивало испражнениями.

Настораживали звуки, наконец понял Тимоха. Какое–то неясно мельтешение доносилось с верхних этажей. Тихое, но тревожное.

Вьюн сел. Задрал голову, словно так станет лучше. Ничего не расслышав нового, поднялся на ноги и начал медленно подниматься по лестнице.

Всё изменилось в долю секунду. Только что неясный звук был чуть живым, а тут уже верхние этажи завыли многоголосым монстром.

Забегали театральщики, перекликаясь и отдавая команды. Кто–то вооружённый мчался наверх, иные скрывались в дверях первого этажа.

Вьюн рванул было по лестнице на несколько пролётов выше, но вовремя остановился. Из уходящего влево коридора второго этажа выскочили изгои! Их было пятеро, но по доносившемуся сверху вою Тимоха понимал, что псевдо гораздо больше.

– Свали пацан!

Чья–то рука оттолкнула его назад. Тимохе с трудом удалось устоять на ногах.

– Зажимайте их на лестнице! – закричал театральщик и, размахивая битой, ринулся на псевдо.

– Выдавливайте в коридор! – вторил ему другой.

– Двери! Двери на засовы, чтобы дальше не прошли.

Уже десяток бойцов вступили в бой с изгоями.

Тимоха выхватил нож и ринулся обратно под лестницу. Сейчас помощник с него никакой. Только помехой будет вертеться под ногами.

Вьюн притих, но взгляд его беспрестанно был направлен вверх. Он улавливал каждое движение псевдо и театральщиков.

Один изгой повалился, и на голову ему опустилась бита, вогнув череп внутрь. Следующий напоролся на копьё и, потеряв скорость и прыть, был заколот ещё тремя пиками. Но на место каждого погибшего из коридора выскакивал новый псевдо.

– Туман берегись! – прозвучал крик прямо над Вьюном.

Грузное тело театральщика проломило лестничные перила и грохнулось в паре метров от Вьюна. Его бита отскочила от пола и влетела мальчику в ноги, больно саданув по коленям.

Следом на театральщика с лестницы сиганул изгой. Руки со сросшимися пальцами потянулись к горлу ходока, но противник твари попался неслабый. Туман — так его назвал другой театральщик — нанёс удар в голову, одновременно пытаясь сбросить с себя изгоя. Монстр, пуская по обвисшим щекам слюни, гнилыми зубами ухватился за запястье. Ходок ткнул псевдо пальцами в глаза, но ослепший изгой хватку только усилил.

Вьюн перехватил удобней нож.

***

Янус уже бывал в мастерской Шамана, но лишь единожды. Несколько лет назад сопровождал Валевского на переговоры по установке ветряков в Тихих водах. С самим стариком он, конечно, встречался и потом, но это происходило в других помещениях.

Буква хорошо помнил мастерскую. Запах, расположение стеллажей, разбросанные по полу железки, широкий хозяйский стол и, самое главное, чувство, которое он ощутил, попав туда. Щемящее чувство потери – вот что родилось внутри Януса. Сколько знаний и

достижений человечества сохранялись лишь в этих стенах и лишь благодаря самому Шаману?

Вот и сейчас, поднимаясь по лестнице на третий этаж, Буква ожидал, что его вновь захлестнут эти же ощущения. Шёл молча, не глядя по сторонам. Он чувствовал на себе тяжёлые взгляды, но это естественно. И не только из–за его специфической внешности, а просто потому, что он был посторонним. Ведь знали, что пришёл из Тихих вод, знали, что на побегушках у Валевского, но всё равно смотрели с опаской. Буква даже шляпу снял, чтобы все видели кто он, а руки держал на виду. Когда же водяной остановился возле двери в мастерскую, прямо за его спиной возникла пара театральщиков.

Одного Янус узнал и кивком поздоровался. Это был Гулька, личный охранник Шамана. А вот второй был ему не знаком. Буква протянул тому руку.

– Янус Буква.

– Димка Чиж, – с лёгкой улыбкой ответил тот.

– Под конвоем поведёте к старику?

– Это его условие, – серьёзно ответил Гулька. – Постовые сразу сообщили, что ты идёшь. Можешь гордиться, что Шаман согласился тебя в своих пенатах принять, а не в "раздаточной".

Буква взялся за ручку и собрался уже открыть дверь, но неожиданно повернулся к театральщикам.

– Он сильно занят?

Шаману не нравилось, когда его отвлекали от важных дел, и если Буква пришёл не вовремя, то строить разговор придётся с раболепством, иначе пошлёт старик далеко.

Судя по улыбке, Гулька понял подтекст вопроса.

– Расслабься. Старик сегодня в настроение.

Шаман сидел за столом и читал книгу. Свет в мастерской слегка мерцал, но ему это не мешало. Когда дверь открылась, и в помещение вошёл Янус в сопровождении пары театральщиков, Шаман приподнял голову и махнул рукой, указав гостю на другой стул.

Буква расслабился. Гулька сказал правду, Шаман был в хорошем расположении духа. Будь по—другому, старик бы уже пилил их злобным взглядом и бубнил бы себе под нос: "Ходят, работать не дают. Сожри их гончие! Да сколько можно–то от дел отвлекать".

Но старик выглядел и вёл себя миролюбиво, и только когда Буква уселся на стул напротив него, оторвался от книги, а книга, кстати, была технической направленности, как успел понять ходок по схемам на открытой странице.

– Здравствуй, Янус, – заговорил старик. – С чем пожаловал?

– Здравствуй, Шаман. Сразу быка за рога? Давно не виделись, а ты даже не спросишь, что нового в Тихих водах?

Старик небрежно отмахнулся.

– И так всё знаю. Ни для кого не тайна, что вы там переселение затеяли.

– Разделение, – поправил Буква.

– Да, да, – закивал театральщик. – Только вот зря.

– Это почему же зря?

– Знаешь, почему люди до сих пор выжили? Из–за своего стадного инстинкта. Мы не одиночки. Для выживания и последующего роста людям нужно объединяться, а не разбегаться в разные стороны.

Янус не впервые слышал такой аргумент против разделения. Были и в его общине те, кто так же утверждал, вот только никто из оппонентов Валевского не смог предложить действенный способ борьбы с растущей толпой псевдо за изгородью.

– Ну да ладно, – отмахнулся старик. – Это ваше дело. Давай уже, говори, чего пришёл.

Не терпелось Шаману вновь вернуться к книге.

— Вопрос щепетильный, – начал Янус, – нам бы тет–а–тет переговорить, – и покосился на пару застывших у двери театральщиков.

Шаман знал Букву, но нынче случается всякое. А вдруг гость порог переступил и стал бесноватым. Ведь первое время вычислить в человеке новоиспечённого псевдо сложно.

– Ладно, – согласился Шаман. – Гулька, Чиж, подождите за дверь.

– Ты уверен? – переспросил Гулька.

Вычислить бесноватых сложно, но всё же можно. Нервные вздрагивания, неожиданный ступор, повторы в разговоре – ничего из этого у Буквы не наблюдалось.

– Идете, – бросил Шаман и, когда Гулька и Чиж скрылись за дверью, вновь обратился к Янусу: – Заинтриговал, рассказывай.

– К тебе в последние дни крысы не наведывались? Не приносили ничего интересного?

— Было, приходили, – кивнул старик. – Но что значит — "интересного"?

Янус замялся. Весь путь в Театральную он разговаривал с Вьюном об Арксе, о лютых, о Валевском, но думал совсем о другом. Шаман не дурак, если планшет у него, то выклянчить его просто так не получится. Старика обязательно заинтересует, зачем водяным он нужен. И никакой более-менее логичной версии Букве в голову не пришло, кроме как сказать правду. Ну, почти правду.

– Меня интересует планшетный компьютер.

Шаман тут же поднялся со своего места и подошёл к холодильнику.

– Кстати, а учеников своих ты куда дел? – немного отвлёкся Янус.

Шаман хоть и рылся усердно в холодильнике, но ответил:

– Отдыхаю я от этих лыморей. Послал разобрать несколько двигателей, завалявшихся в подвале.

– Отдашь одного в новую общину? Там много работы предстоит.

– Кузя можешь хоть сейчас забирать, толку от него всё равно мало, а вот Ветра не отдам. О! Нашёл.

Шаман захлопнул дверцу холодильника и двинулся назад к столу.

– Ветра не отдашь? – не поверил услышанному Янус. – Так ты же его постоянно на этой своей динамо–машине эксплуатировал. Бездарь он.

— Сам ты бездарь, – хмыкнул Шаман. – Сёмка смекалистый и умный, только на одном деле сосредотачиваться не научен, для того и велосипед.

Шаман протянул Янусу планшет.

– Этот?

Буква бросил короткий взгляд. Да, это именно то, что ему и нужно.

– Работает? – поинтересовался он.

Шаман кивнул.

– Непростой планшет. Корпусом можно гвозди забивать, а благодаря солнечным панелям батарея до сих пор не разрядилась. И, кстати, его не крысы принесли, а наши ходоки в "семёрке" нашли.

– Это не меняет того факта, что он мне нужен.

– Тогда главный вопрос, точнее два: зачем он тебе и как ты вообще про него узнал?

– Валевский был знаком с владельцем планшета ещё до Шабаша, – без утайки ответил Буква. – А после видел его уже отрешённым возле торгового центра.

– Ага, – засомневался Шаман. – И тот планшетом размахивал.

– Не размахивал, но при человеческой жизни никогда с ним не расставался. То что ваши были в "семёрке" мы не знали, а вот крысы своим штурмом оповестили об этом всю округу. Вот и решил Валевский, проверить не всплыл ли планшет.

Слишком неправдоподобно всё звучало, Буква и сам это понимал, но иного пути не видел.

– Ладно, предположим, верю. Но ты так и не ответил на мой второй вопрос. Зачем он вам?

– Его владелец был не беден, но в то же время дико боязлив. – Буква на секунду замолчал, словно что–то новое обдумывал, и потом продолжил: – А может и не боязлив. Просто видел дальше остальных. На окраине города он выстроил себе убежище на случай какой–либо катастрофы или войны...

– Была в своё время такая мания, – кивнул Шаман.

– Валевский помогал ему с комплектацией убежища. Оружие, медикаменты, запасы еды, кое–какая техника – там много всего. Вот только воспользоваться бункером хозяин не смог, и других туда не допустил. Там двери такие что во век не вскроешь.

Глаза Шамана заблестели. Услышанная информация его заинтересовала.

– А планшет?

– Он как электронный ключ дверку отпирает.

Старик опёрся локтями в стол и прикрыл лицо руками.

– Предположим, я тебе верю, – наконец заговорил Шаман. – Но ты и Валевский мне зачем? Планшет-то у меня.

Янус ждал этого вопроса, оттого и ответил быстро:

– Там только ключ, а данных о расположении самого убежища нет. Или мы вместе работаем, или все остаёмся ни с чем.

– Выбор прост, – себе под нос пробурчал старик и начал расхаживать по мастерской.

Старик сомневался, но всё же предложение водяного звучало очень заманчиво. Кто знает с какой маниакальностью обустраивался бункер? Но если им заинтересовался Валевский, а он же и занимался его комплектацией, значит там есть чем поживиться.

– Так, – наконец начал он. – Планшет я тебе отдам...

– Молчи.

– Но вместе с тобой пойдут...

– Молчи!

– Сёмка и Димка Чиж, думается он согласится...

– Шаман, заткнись!

– Что!

Старик от злости покраснел и уставился на Букву, но не произнёс больше не слова.

В здании стало слишком шумно. Звуки быстрых шагов и громкие голоса неслись из–за двери. Через секунду их сменили крики и вой.

– Изгои, – вскрикнул Буква и рванул к выходу.

Дверь открылась раньше, чем он до неё добрался и в мастерскую ввалились Гулька и Чиж и тут же захлопнули дверь и припёрли её мощной балкой, мирно стоящей у стены.

– Изгои проникли в здание, – сообщил Димка.

Старик нервно замельтешил.

– Как изгои? Много? Они же одиночки?

Гулька отвёл старика подальше от двери и усадил на стул.

– Ты, Шаман, не бойся. В обиду не дадим. Как же мы без тебя.

Пока Гулька успокаивал Шамана, Чиж и Буква расположились возле двери.

– По шагам уже с десяток псевдо прошли. Двери в комнаты вышибают, – зашептал Димка. – Какого их так много?

"Не в этом проблема. Почему они к нам не ломятся? Вот что странно", – подумал Янус, но в слух ничего не сказал.

Взгляд упал на планшет. Потом он обернулся к Шаману и Гульки... и нашёл ответ на свой вопрос. За спиной Гульки стояла Лихо.

***

Псевдо наседал всей своей мощью, ещё рывок и прогнившие зубы изгоя разорвут Туману глотку. А это будет неприятно.

Мутный дёрнулся всем телом пытаясь сбросить тварь.

Неожиданно хватка ослабла, и изгой мешком грохнулся на театральщика. Из затылка твари торчал нож. Пацанёнок! Прятавшийся под лестницей пацанёнок пришёл театральщику на помощь.

Туман оттолкнул мёртвого псевдо и вскочил на ноги, не забыв поднять и своё оружие.

Изгоев было слишком много. Они ломились с верхних этажей, оттесняя театральщиков на первый.

Туман оттолкнул парнишку себе за спину и битой за два удара усмирил слетевшего с лестницы псевдо.

Театральщики начали отступать к двери в столовую, а вот изгои всё шли и шли. Почему одиночки собрались вместе? Почему напали на Театральную? Как вообще они попали в здание? Все эти вопросы крутились в их головах, но думать и рассуждать времени не было, нужно было бороться за жизнь.

Вот упал врачеватель Кудин. Пара изгоев ухватили его за ноги и потянули в толпу. Кузь попытался помочь. Рубанул тесаком одного и упал. Раненый псевдо вгрызся ему в голень. Тут же на ученика Шамана накинулись другие твари. У стены, прямо возле выхода, псевдо рвали на части белобрысую девчушку. Туман не смог её узнать, то ли это вечно строившая ему глазки Вика, то ли шустра и непоседливая Лиса, слишком страшно было изуродовано её лицо.

Дверь в столовую открылась раньше, чем до неё добрались театральщики – и это было страшно, ведь там прятались дети.

Выбежало в фойе всего пятеро малышей, а было тринадцать! Следом за детворой выскочила Сонная Ив и размашистым ударом топора остановила напиравшего на них псевдо.

"Неужели и туда изгои пробрались?" – только и успел подумать Туман, как из столовой вылетел спиной назад Рыжий Тик, а следом метнулся "чёрный".

Туман сразу узнал в нападавшем сородича тварюги из "семёрки".

Театральщики сомкнулись вокруг детей, прижав их к выходу, а Мутный, расталкивая и с ещё большим рвением сшибая изгоев, двинулся на помощь к другу.

"Чёрный", сжимая в руках два меча, двигался медленно, знал, что бежать театральщикам некуда.

Рыжий с трудом поднялся на ноги и тут же упал на одно колено. Его спину пересекал глубокий разрез, а волосы на разбитой голове

слиплись от крови, превратившись в бурую массу.

Туман бил, расталкивал, пинал, но продвигался слишком медленно, а вот Ив была ближе. Девушка просто смела стоявшего на пути псевдо и прыгнула на "чёрного", чуть не напоровшись на небрежно выставленный им меч. Спас Сонную Рыжий. Собрав последние силы, он одним рывком настиг Ив и оттолкнул в сторону.

Меч "чёрного" вошёл Тику в грудь. Прошил навылет. Не успел мёртвый театральщик упасть на пол, как лютый ещё одним ударом срубил ему голову.

– Убью! – неистово зарычал Туман.

Он был рядом, но помочь Рыжему так и не смог. Переполненный яростью Мутный хотел кинуться на "чёрного", но сделал совсем иное. Он забросил на плечо стонущую Ив и ринулся назад к остальным театральщикам.

– Дверь! Вышибай дверь! – заорал Туман.

Снаружи рассвет. Солнце как раз должно выглянуть из-за горизонта, но здесь оставаться нельзя. Здесь их точно ждёт верная смерть.

Сёмка Ветер кувалдой выбил металлические клинья, крепившие массивную балку к полу, оттолкнул её и распахнул настежь дверь. Сразу прищурился, ожидая беспощадных потоков света. Но хоть в этом судьба оказалась к театральщикам благосклонна. Небо было затянуто непробиваемыми грозовыми тучами и лил сильный дождь.

Театральщики высыпались на улицу и рванули через дорогу к ближайшей пятиэтажке. Может там, в узком подвале, со старыми, но мощными дверьми и удастся укрыться.

Туман бежал последним. На полпути он обернулся. Изгои топтались возле входа, а "чёрный" спрятал меч в ножны на спине и быстрым шагом ушёл влево.

"Какого..!" – воскликнул в душе Мутный.

Стены первого этажа театра на мгновение вздулись и лопнули. Убегающих театральщиков практически одновременно накрыли оглушающий грохот и жаркая волна из пыли, бетона, кирпича и плитки.

Ив слетела с плеча Тумана и прокатилась пару метров вперёд, а самого Мутного швырнуло в грязь.

Театральщик встал на четвереньки и затряс головой. Перед ним на земле корчилась Ив, а возле пятиэтажки, к которой они бежали, стоял леший. На половину обрушившееся здание театра полыхало ярко, и поэтому Мутному хорошо были видны рисунки на лице мужчины. Леший встретился с ним взглядом и тут же скрылся за углом дома.

***

Через окно! Лихо прошла через окно!

– Сзади! – закричал Буква, срывая с плеча арбалет.

Стрела ушла с опозданием в долю секунды. Лихо резанула кинжалом Гульку по шее, а сама рванула по дуге к Янусу, пропуская мчащуюся в неё стрелу.

Гулька обхватил руками шею и, ловя ртом воздух, осел на пол.

Ударом ноги лютая повалила Букву, вторым – вышибла из рук арбалет, а потом кинулась на Димку. Он замахнулся топором, норовя снести ей голову, но на этот раз застигнуть врасплох лютую не удалось. Кинжал вспорол парню руку, ладонь раскрылась и топор звонко упал на пол. "Чёрная" воткнула оружие в плечо Чижа и надавила сверху вниз, заставив театральщика опуститься на колени.

Лихо хотелось сказать своей желанной жертве пару язвительных слов, помучить её, но нужно было торопиться, ведь главное – выполнить задание.

"Ничего. Я потом найду остальных и тогда спешить не буду", – решила для себя Лихо и вторым кинжалом нацелилась театральщику в шею.

Но Буква ударить не позволил. Он рывком добрался до арбалета и всадил стрелу в поднятую руку "чёрной". Лютая выдернула кинжал из плеча театральщика и чуть отступила. Но даже торчащая в ладони стрела не могла её остановить. Лихо ногой саданула Чижа в голову и тот повалился без сознания.

Водяной вскочил на ноги и ринулся к столу. Планшет всё так же лежал на прежнем месте. Через секунду он оказался в руках Януса, а спустя ещё одну – Янус был возле окна. Третий этаж, на улице рассвет и лишь плотная занавеска отделяет людей от солнечного света, – но иного пути нет.

Буква натянул на лицо замотанный на шее шарф и, получив от Лихо боковой удар, выронил планшет и отлетел к холодильнику.

– Вот и всё, – проговорила лютая, поднимая планшет.

В этот момент в бой вступил тот, про кого все давно и забыли. Из–за стеллажа всего в паре метров от Лихо вышел Шаман с охотничьим ружьём на перевес.

Двустволка жахнула, отбросив старика назад. Крупная дробь кучно ушла в грудь лютой. Даже со всей своей прытью уйти от выстрела она не могла. Дробь разворотила зажатый в руке планшет и вышвырнула лютую в окно.

Шаман перезарядил двустволку.

За спиной застонал Чиж.

– Буква, – позвал старик, не сводя глаз с окна. – Буква!

– Встаю я. Всё нормально, – процедил сквозь зубы Янус.

Раздался мощный взрыв, здание закачалось, а стены натужно заскрипели, по наружной пошла трещина от потолка до пола.

– Сколько труда! Сколько усилий! – запричитал Шаман, глядя на то, как падаю стеллажи, обрушиваются подвешенные на стенах полки.

Буква подхватил старика под руки и поволок к выходу.

– Бежим, Шаман!

Чиж был уже на ногах. Хоть и шатало его никак не меньше чем само здание, он умудрился открыть дверь и вывалиться в коридор.

Мёртвые псевдо, мёртвые люди... Коридор устелен трупами.

Но были и живые. Четверо запачканных кровью театральщиков подхватили Димку и быстро потянули прочь от мастерской. Буква, придерживая под руки Шамана, направился следом.

Димка отбивался и кричал:

– Отпустите! Ив! Мне нужно найти Ив!

А его не отпускали.

Буква и Шаман успели пройти всего метра три, как часть здания за их спинами рухнула. Вот был коридор и двери, а за ними комнаты и мастерская, а вот ничего этого не стало, лишь невероятный грохот, непроглядная пылевая мгла и сбивающая с ног волна.

Януса и Шамана бросило на пол, так же уложило и бегущую впереди пятёрку людей. Но они боролись не за какой–то эфемерный приз, а за свои жизни и поэтому уже через секунду все были на ногах и двигались к дальней комнате. Лишь там ещё оставалась возможность выбраться через окно по верёвочной лестнице.

Трястись здание перестало, но оно всё так же жутко скрипело и стонало, словно знало, о надвигающейся неминуемой смерти.

*Генри Уилер Шоу

Глава 16. Почти человек

Хмурая Тучка устала. Из нестираной одежды осталась лишь пара мужских штанов, но ей уже претило даже смотреть на них. Добрую половину ночи девушка замачивала, тёрла, выкручивала одежду, выливала грязную воду и шла к реке за чистой. Руки ныли, мышцы в ногах гудели, а поясница болела от постоянных и монотонных движений.

Но, увы, нужно было закончить работу. Вот за рекой над лесом начал сиять горизонт. Вскоре ночь сменится днём, и тогда уж можно будет отдохнуть. Укрыться под тёплым одеялом на мягкой кровати и нежиться до заката, ведь днём никаких работ не ожидается.

При мыслях о скором отдыхе у Тучки запела душа. Она бросила в таз штаны и с усердием начала тереть их о бугристую доску.

Ночью ходоки ушли на место для новой общины. Тучку с собой они не звали, а она и не жалела. Хоть Хмурая и была не по-девичьи физически сильной, но вместе с тем природа одарила её неповоротливостью и медлительностью. Не высокая, скорее даже маленькая, с широкими плечами и с ещё более распёртыми в стороны бёдрами, а если взглянуть на её лицо: вечно прищуренные глаза, маленькие плотно сжатые губы, крупный нос — можно было легко окрестить девушку злобной ведьмой, но это было совсем не так. Если внешностью Тучка не блистала, — она и сама это хорошо понимала — то за покладистый и добрый характер её все любили.

Хмурая закончила стирать штаны. Развесила их на протянутой между шестами верёвкой, с лёгкостью перевернула таз с водой, вылив содержимое на землю, и двинулась к реке.

Осталось сполоснуть посудину, и можно в доме укрыться.

Вода в реке была тёплая и освежающая. Тучка вымыла таз и бросила его на берег. Вокруг никого видно не было, а значит, можно и самой искупаться.

Тучка сбросила кофту с майкой, стянула юбку и вошла в воду. Сначала по пояс, а потом, привыкнув к воде, встала на колени. Плавать она не умела, потому дальше заходить не рискнула. Дно реки обрывистое и уже на следующем шаге можно с головой уйти в омут.

Тучка набрала полные лёгкие воздуха и нырнула. Исчезла всего на секунду, а потом голова вновь появилась над водой, и девчушка улыбаясь затрясла ею.

— Хорошо-то как, — с наслаждением прошептала Тучка и, гоня волны, зашагала к берегу.

За спиной с шумом всколыхнулась речная гладь. Не ощущая опасности, девушка обернулась... и испугано взвизгнула.

Она сразу узнала вынырнувшего из-под воды Юза, но его испещрённое порезами лицо было настолько страшным, что Хмурую сковал страх.

"Бесноватый," — успела сообразить девушка.

Хромой Юз схватил её за шею, чуть приподнял и швырнул в воду.

— Толстая корова, — прошипел он.

Вода заполнила рот и нос девушки, но дальше ей ходу не было. Юз с невероятной силой сдавил горло. Хмурая трепыхалась, била бесноватого кулаками, отталкивала, но все попытки высвободиться были тщетными. Хромой вдавил голову Тучки в илистое дно, чуть крепче сжал хватку и ощутил, как хрустнули позвонки, а шея просто смялась. Тучка обмякла и больше не сопротивлялась.

"Умерла", — понял Юз, разжал пальцы и тут же забыл про убитую девушку.

Слева и справа по-над изгородью дымились затушенные костры, но ещё не укрывшиеся от солнца водяные в сторону Хромого не смотрели. Они торопились в дом. За все годы существования общины многие из людей, став бесноватыми, пытались вернуться в общину, но все они шли прямой дорогой, ломились в ворота или лезли через забор, а вот по реке в Тихие воды псевдо никогда не проникали. Но всё случается в первый раз.

Хромой вышел на берег и побрёл к дому. Над ним довлело непреодолимое желание поскорее попасть в свою уютную комнатушку, улечься на тёплый матрас и заснуть сном без сновидений и мыслей. Хотелось, чтобы прекратилось бурное мельтешение в голове.

А мозг кипел от мимолётных, но невероятно ярких картин.

То ему привиделась толпа безмолвных отрешённых — и он был одним из них. Рядом возвышался пастух. Великан был без движений, ведь всё вокруг спокойно, а подопечные ждут восхода.

Потом перед Юзом предстали Тихие воды, стоящие "на кострах" ходоки и он сам. Всё это Хромой увидел со стороны, глазами гончего — и вместе с видением пришла злость на водяных... и жалость к ним же. Казалось, есть некая истина, непоколебимая и вечная, известная ему, а вот люди её не принимают, бегут от правды, прячутся.

Следом на бесноватого навалилась тьма. Не пустая и бездонная, а живая и осязаемая. Она не просто окружила бесноватого. Он стал её частью. Всевидящий, всезнающий, чувствующий каждый гран боли или радости каждого псевдо. И тут же видение ушло, оставив после себя лишь боль и глубокое разочарование.

На пороге всего в метре от Юза появился человек.

Почему ЭТО ушло? Почему сменилось каким-то глупым человечком внутри и таким же пустым напротив. Юз злобно зарычал и прыгнул на водяного. "Сергей Николаевич", — всплыло невзначай имя жертвы в воспалённом разуме. Но это сейчас несущественно. Вернуть всеобъемлющую тьму — вот что важно. Нужно убить человечка! Зачем он мешает?!

Юз завалил старика на спину. Одной рукой сдавил горло, а другой — кулаком начал дубасить Валевского по лицу, но после второго удара остановился, удивлённо вытаращив на него глаза.

— Сергей Николаевич? — Хромой убрал руку с горла старика и испуганно вскочил на ноги. — Как? Что происходит?

Глаза Юза нервно забегали по округе, при взгляде на реку остановились, словно он вспомнил что-то очень неприятное, и Хромой повернулся к старику.

— Всё хорошо, Юз, всё хорошо, — сказал тот.

Валевский сел и зашёлся в кашле.

— Я, — медленно заговорил Хромой, — я стал бесноватым?

— Да, — коротко ответил Сергей Николаевич.

Глава поднялся и провёл рукой себе по горлу.

"Ещё бы секунда, и я труп", — угрюмо констатировал он.

Болели челюсть и левый глаз. Всего два удара, но какие! Аж в голове зазвенело!

Валевский обнял Юза за плечи и, бросив взгляд по сторонам, двинулся в дом.

— Идём, нужно укрыться, пока нас не заметили.

Идея в голове старика зародилась мгновенно. Это же хороший шанс разобраться с Глебом. Ему никогда не удавалось одолеть Князя, даже в молодости во время тренировочных боёв, а сейчас его, замшелого старика, предводитель лютых поломает на счёт раз.

Они прошли до комнаты главы незамеченными. Уже когда были возле двери, чуть дальше по коридору появилась шумная четвёрка ходоков. Сергей Николаевич успел втолкнуть Юза в свою комнатушку, а сам поприветствовал водяных кивком головы и с усталой гримасой скрылся за дверью.

Хромой лежал на полу и тяжело дышал. Как упал, так и не поднимался.

Валевский быстро закрыл ставни на окне и вернулся к бесноватому.

— Давай, ляг на кровать. Нечего на полу валяться.

Он помог Юзу. Сам чуть не повалился рядом. Слишком уж ходок был тяжёлым.

— Старый, что со мной? — заговорил Хромой. — Ты говоришь, что я бесноватый, но никакого желания убивать и, тем более, нежиться на солнце у меня нет. Зато тело... — Юз застонал. — Всё болит, словно пастух затоптал.

Валевский сел на стул. В горле пересохло. Он сделал два больших глотка из чугунной кружки и только после этого ответил:

— Ты был бесноватым, поэтому боли не чувствовал, а сейчас болит потому, что стал человеком. Ну, почти человеком.

— Что значит "почти человеком"?

Юз попытался привстать, но лишь чуть опёрся руками, как сразу же повалился на спину.

— Да лежи ты, остолоп. Ещё, не дай бог, кто услышит.

Голос Валевского был тихим, но ни одной нотки печали или беспокойства в нём не было. Скорее казалось, что старик о чём-то усердно думает и весь разговор с Юзом его лишь отвлекает.

Валевский извлёк из кармана небольшую металлическую коробочку и надавил на её угол пальцем. Торцевая часть открылась. В коробочке находились два наполненных тёмно-зелёной жидкостью шприца. Было место и для третьего.

— Я успел ввести тебе терезин, пока ты меня душил. Всегда с собой ношу. Он подавляет бесовскую сущность.

Лицо Юза злобно перекосилось. Он резко рванул с кровати на Валевского, но ноги сами собой сплелись, словно жили своей жизнью, и ходок повалился у ног старика.

— Что же ты делаешь?

Валевский попытался поднять его, но Хромой начал отбиваться. Пришлось отступить.

— Сука, ты, старый, — оскалился Юз. — У тебя есть лекарство... Лекарство!

Сергей Николаевич рухнул на Хромого и зажал рот.

— Хватит орать, — прорычал он и, терпя удары водяного, затараторил: — Это не лекарство. Это лишь временный блокиратор. Максимум через сорок восемь часов ты снова станешь бесноватым. Лекарства никакого нет.

Юз продолжал брыкаться. Всю жизнь он видел, как гибнут его друзья. Как добрые люди превращаются в злобных псевдо, а оказалось, что рядом всегда было средство способное помочь.

— Их было всего три... Три дозы. Ты понимаешь? Я никому помочь не мог. И тебе не могу. Это вообще не помощь, а продление мучений.

Хромой неожиданно притих. Валевский убрал руку со рта и с подавленным видом сел рядом.

— Ты думаешь, я никогда не корил себя за то, что не использовал терезин для других? Думаешь, я эгоистичный ублюдок, который хранил его только для себя, надеясь хоть немного продлить свою никчёмную жизнь?

— Да, я думаю именно так, — выдавил Юз.

— Я десятки раз намеревался его использовать, но всегда останавливался. Сделаю укол, а что потом? Как ты себя сейчас чувствуешь, понимая, что время тикает и ничего изменить нельзя? Как только действие терезина прекратится, ты вновь свихнёшься и рванёшь к свету. Не проще один раз окончательно умереть?

— Зачем тогда уколол? Себя спасал?

Юз заполз назад на кровать, лёг на бок, отвернувшись к стене, и добавил:

— Я тебе зачем? Ведь не просто так ты своё заветное лекарство использовал.

— Ты бы меня удушил. По-другому отбиться не получилось бы.

Юз усмехнулся и тут же обхватил руками грудь.

— Но потом я понял, что это шанс на спасение.

— На спасение?

Юз повернулся лицом к старику. Думал, увидит насмешку, но вместо этого Валевский выглядел растерянным.

— Ну и как ты меня спасать собрался?

— Никак, — замотал головой Сергей Николаевич. — Я уже сказал, тебе помочь не в моих силах. Мне жаль.

— Жаль ему. Как же?

— Но я хочу, чтобы ты помог остальным. Я хочу, чтобы ты убил Глеба Князева. Он хоть и психопат, но боец очень сильный. Боюсь, что обычному человеку с ним не справиться. Да и встречи он назначает всегда днём, а ловушку толковую тогда не организуешь.

— Стой, — перебил старика Юз. — Да я почти покойник. Сам сказал, что в здравом уме мне осталось всего да ничего. Я встать не могу, хмырь ты старый!

— Не ори, — гаркнул Валевский. — Да, я эгоист, твою к отрешённым, но только когда это нужно. А сейчас как раз такой случай. Не хочешь меня слушать? Хорошо. Нож тебе в сердце и всё.

Юза затрясло. Вот он — конец. Смерть — не факт, а вот забвение — это точно. И что остаётся? Может и вправду — нож в сердце. А лучше пусть голову снесут, проткнутое сердце бесноватого может и не остановить.

"Почему я? Почему именно я?"

Хромой не сразу сообразил, что плачет, а понял, когда лицо стало слишком мокрым. Он впился в старика таким взглядом, что тому стало страшно.

— Мне плевать на Глеба. Это со мной сделал Изверг. Мне нужен Изверг, но только, что я могу сделать в таком состоянии?

Валевский замотал головой.

— Князь главный. Это всё из-за него. А что Изверг? Изверг лишь орудие. Да и Глеб всегда держит его рядом. Понимаешь?

Старик наконец поднялся с пола и накинул на Хромого одеяло.

— Что касаемо твоего состояния, я вот что скажу. Ты когда был бесноватым, не ощущал ранений. Терезин правит только разум, а не тело. За пару часов все твои раны заживут, и ты будешь полон сил и сил не человеческих, а псевдо.

В этот момент в двери настойчиво постучались.

— Чёрт, — шёпотом ругнулся Валевский и накрыл одеялом Юза. — Лежи тихо.

За дверью стояла Маргарита Сергеевна. По её взволнованному лицу и красным от слёз глазам старик понял, случилось что-то недоброе.

— Тучка пропала, — не дав сказать главе и слова, сразу же выпалила женщина. — Я весь дом обошла, нигде её нет. А солнце уже взошло.

Вновь пробились слёзы на её глазах, и потекли крупными каплями по щекам. Маргарита Сергеевна любила Тучку как родную дочь. С годовалого возраста, когда мать девочки умерла от гриппа, повариха воспитывала и лелеяла её.

Валевский слегка прикрыл дверь, поэтому повариха не могла видеть, как, услышав о пропажи Тучки, Юз прикрыл лицо руками и отвернулся к стене.

— Маргарита, рано убиваться, — попытался утешить женщину глава. — Подними Бегезу, Юхту и Чопру, пусть дом хорошо прочешут. Начнут с первого этажа и идут вверх. Да и малышню подключите. Они шустрые. А я сейчас переоденусь и ходоков во двор отправлю. Не бойся, — старик поцеловал Маргариту Сергеевну в лоб и аккуратно подтолкнул в спину, — всё будет хорошо.

Валевский прикрыл дверь и быстро обернулся к кровати.

— Ты Тучку видел? — спросил он, всё ещё надеясь, что его подозрения останутся лишь подозрениями.

— Да, — простонал Юз, от стенки так и не оторвавшись. — Удушил я её, когда в общину пробирался.

Он перевернулся и медленно сел.

— И после этого ты всё равно готов мне довериться?

Глава 17. Мамонты

Глеб Князев хорошо помнил своего отца. Низенький, с тяжёлым слегка жутковатым взглядом Юрий Андреевич души не чаял в женщинах. Жениться он так и не женился, но подруг для постельных утех, насколько знал Глеб, у отца было немало, но только одна, высокая стройная блондинка Ксения, умудрилась родить ему ребёнка. Родила — и как в воду канула. Князь так и не узнал, куда мать девалась, но, как говорится, Земля слухами полнится. Рассказывали, что Ксения попыталась Юрия Андреевича затащить под венец, только ему этого никак не хотелось, но и сына потерять тоже не было желания. Он заплатил Ксении шестизначные отступные и отправил то ли на Кипр, то ли в Америку, а напоследок предостерёг: вернёшься, хоть краем глаза на сына глянешь — живьём закопаю.

И стал Старопесковский меценат растить маленького Глебушку в одиночку, а для общественности мамку его представил хитрой распутницей, которая обманом, доверием и любовью выманила у него круглую сумму денег и сбежала.

Отец был хитрым и расчётливым, иногда даже жестоким. Глеба воспитывал в строгости. Любое неповиновение со стороны мальчика, и Князев-старший сразу хватался за ремень. Синяки и ссадины не сходили с тела ребёнка, ведь уже с самого детства Глеб всем показывал свою непокорность.

Мальчик занимался рукопашным боем с личным тренером, ходил по лесам в долгие походы с одним ножом и коробком спичек. В восемнадцать отец собственноручно отвёл его в военный комиссариат и настоял, чтобы Глеба отправили куда подальше от родного города, в отряд с жёсткой дисциплиной и грозным командиром. Отказывать Князеву-старшему в Старопесковске было не принято.

После армии были у Глеба бои без правил, постоянные тренировки по стрельбе из всевозможного оружия, уроки выживания в экстремальных ситуациях и множество различных медицинских исследований его собственного тела.

Конечно, Князь не безмолвно всё это сносил. Но Юрий Андреевич в ответ на сыплющееся вопросы лишь кротко улыбался и говорил, что

в своё время расскажет, к чему его готовят.

Когда Глебу стукнуло двадцать два года, Князев отвёл сына в Аркс, показал Сад и поведал о надвигающихся на человечество бедах.

Прошло много лет со дня смерти Князева-старшего, но Глеб не забывал, что отец всегда считал себя хозяином Старопесковска. А значит теперь город принадлежит ему. По наследству, по праву крови. Не крысам или общинам, не псевдо, и тем более не Арксу или Саду, а именно ему — Князеву Глебу Юрьевичу.

Без людей город был ему не нужен, но как оказалось после выхода из Аркса Старопесковск не пустовал, а значит, пора вступать в наследственные права.

Князь разместился в однокомнатной квартире неподалёку от Тихих вод. Место было хорошее. Псевдо вокруг немного. Обзор с третьего этажа отличный, ни одному недругу прокрасться незаметно к дому возможности не было. Тем более Глеб наставил где только можно скрытых камер видеонаблюдения, датчиков движения и даже заминировал первый этаж здания.

Так что, чувствуя себя в полной безопасности, он отдыхал в кресле у распахнутого окна и думал.

Страх — вот главное средство управления людьми, а страха его лютые нагнали много, разнеся в пух и прах Театральную. Теперь испуганные выжившие разбредутся по другим общинам, рассказывая о новой силе в городе. Потом подопечный Лихо соберёт большой отряд крыс. Их руками можно будет объединить вместе обе оставшиеся общины.

Всё вроде бы шло по намеченному плану, но вот поведение Увальня вызывало опасение. Слишком он рьяно бросил своего любимца Букву за планшетом. Лихо видела, что планшет был уничтожен. Только сам Буква куда-то пропал. Выбрался из театра, потоптался среди выживших, а потом уродец исчез вместе с несколькими театральщиками. Кто-то двинулся в Тихие воды, кто-то в Южную, а вот группу, ушедшую с Буквой, лютые упустили.

Мелькнувший на улице силуэт прервал мысли Князя. Человек не скрывался. Он остановился возле остова легковушки, прямо напротив окна квартиры Глеба, и сел на капот.

Князь слегка удивился, узнав гостя. Только что о нём думал, а он уже тут как тут. К новому хозяину Старопесковска пожаловал глава

общины Тихие воды Валевский Сергей Николаевич. Остановился на условленном для встречи месте и ждёт.

Подозрительно, конечно. С чего бы это старик увидеться захотел? Но Глеб всегда был самоуверенным, поэтому без особой опаски покинул квартиру и двинулся к Валевскому. Конечно, он понимал, что главу водяных гнетёт желание избавится от лютых и лично от самого Князя, и такая встреча может оказаться ловушкой. Но только найдётся ли в его городе — а то что город уже его, Глеб не сомневался — сила способная остановить лютых?

Князь выбрался во двор через пожарный выход и направился к старику не напрямую через арку, а минуя соседние дома. Всё же выдавать своё убежище он не собирался. Через пару кварталов Глеб шустро перебежал улицу. Он любил эффектные и неожиданные появления. И как раз сейчас удалось застать Валевского врасплох. По-над стенами Глеб добрался до места встречи незамеченным, безмолвно стал в метре от Сергея Николаевича и лишь тогда заговорил:

— Здравствуй, Увалень.

Водяной от прорезавшего ночную тишину резкого голоса отскочил и попятился, не сразу сообразив, кто стоит в потёмках.

— Здравствуй, Глеб, — пришёл в себя он.

— И что же тебя ко мне привело?

— Договориться хочу.

Валевский уже успокоился и вернулся на своё прежнее место.

— Ты всегда любил власть. Я это понимаю. Но, поголовно истребляя выживших, ты нарушаешь естественный ход изменений, а это не останется без последствий.

— Ты сейчас говоришь от своего лица или как посланник Смотрителя?

— А какая разница, если сказанное носит характер истины? — не задумываясь ответил Валевский. — Последствия коснуться всех. Сейчас Сад находится в равновесии, а если ты не прекратишь...

Князь отмахнулся.

— Плевать. Всем на всех плевать. Каждый день люди превращаются в псевдо или умирают. Шалыгин лишь пешка Сада. Сам Сад изменяет мир по своему усмотрению, и чихал он на наши желания и жизни. А "двенадцатка" лишь хочет утолить своё любопытство.

Пусть всё вокруг сгорит дотла, главное для них запечатлеть происходящее в своих загнивающих умах.

Всё же если вдуматься, то Князев считал Валевского если не другом, то человеком близким по духу и мысли. Ведь как и Увалень Князь хотел, чтобы человечество выжило. Только средства достижения целей у них разнились, да и Валевский в отличии от лютого не видел себя обязательным и исключительным вождём человечества. Но, не взирая на различия, Глеб решил сделать ему предложение.

— Серёжа, оставь Смотрителя, забудь про "двенадцатку". Присоединяйся ко мне. Для Сада люди лишь ресурс, возможно вместе мы сможем это изменить.

— Зачем тебе немощный старик? — ехидно улыбнулся Валевский.

— Ведь мы не были врагами. И сейчас ими не являемся. Приближается новый этап, и когда он начнётся удержать человечество от полного уничтожения возможно будет только совместными усилиями.

Слова эти были пустые, хоть и звучали красиво. Главное для Князя было добраться до Смотрителя, как до главной угрозы, а Валевский всегда был к нему ближе.

— Мы с тобой, Глеб, — мамонты. Давно вымерший вид, хоть ты этого не понимаешь, — после недолгого молчания заговорил водяной. — Но я остаюсь верен себе, вижу реалии и принимаю их. Знаешь, почему я не вернулся в Аркс? Не потому что проснулась совесть перед человечеством. Я выполнял задание Смотрителя, задание Сада, и до сих пор выполняю.

Князь удивлённо нахмурился.

— Я всегда был ближе к истине, — продолжал Увалень, — и знал больше чем ты. И поэтому могу со всей уверенностью сказать, что нам никак не сохранить человечество. Оно приближается к апогею своего существования. И своими действиями ты лишь продлеваешь агонию. Мне даже немного жаль тебя.

Неожиданно в руке водяного появился нож. Хоть Валевский был не молодой, но сноровку растерял не полностью. Нанёс удар метко, прямо в сердце, но слишком медленно. Князь перехватил руку, вывернул и вонзил нож в живот старика, а сам стремительно перескочил на другую сторону легковушки. Не верилось, что

Валевский по-старческой глупости решил в одиночку попытаться его убить.

Чутьё не подвело. Только Князь оказался в укрытии, а Валевский с булькающим стоном грохнулся на асфальт, как от крыши автомобиля звонко отрикошетила арбалетная стрела.

Князь высунулся из-за машины и тут же нырнул назад. Очередная стрела просвистела над головой. Откуда стреляют, понять было сложно. Стрелок умело пользовался темнотой и вёл себя невероятно тихо. Значит сидеть на одном месте нельзя, надо двигаться. Укрыться в одном из домов. Там противник с арбалетом особо не разгуляется.

Следующий снаряд пролетел под машиной! Вонзился в голень левой ноги. Князь завалился на бок, но тут же, превозмогая боль, вскочил и рванул в закоулок. Такой выстрел можно было произвести только из достаточно близкого расстояния, а значит нужно отступить. С пробитой голенью особо не побегаешь. Князь практически ввалился за угол и, вжавшись в стену, на миг замер, а потом осторожно взглянул на машину, возле которой распластался Валевский. Вот и стрелок. Присел возле старика и затряс его за плечи. Позвал по имени. Раз, другой — а Валевский молчит и не шевелится.

Князь расслышал голос стрелка... и удивился. Врагов своих нужно знать. Оттого он при первом же посещении Тихих вод изучил всех приближённых главы.

Перед Валевским склонился Хромой Юз, якобы убитый Извергом.

Князь сжал зубы и обломил торчащую из ноги стрелу. Можно было бы протолкнуть её насквозь и вынуть с другой стороны целиком, только рану сейчас закрыть нечем. Неровен час всю кровушку потерять.

Не любил Князь огнестрельного оружия. Куда интереснее нож использовать или руками. Стоишь в плотную к жертве. Видишь в её глазах страх и мольбу и понимаешь — ты хозяин. Сейчас же он сам себя корил за такую неосмотрительность.

С пробитой ногой вступать в рукопашный бой опасно. Может случиться так, что даже приблизиться к врагу не удастся, а был бы пистолет, проблема решилась бы в миг. Один меткий выстрел — и дело сделано.

Юз по дуге двинулся к месту, где прятался Князь. Глеб начал отступать. Всё же он оказался в более удачном положении. В отличии

от Хромого, он противника видел.

Князь не спеша обходил дом, укрываясь то за деревьями, то за машинами. Добраться бы до своего дома, а там и оружие есть. В крайнем случае можно всё здание подорвать и похоронить Хромого под булыжниками.

Держать водяного в поле зрения не составляло труда. Тот не таился. Шёл спокойно, словно знал, что Глеб не вооружён ничем дальнобойным. Казалось, будто он предугадывал каждое движение Князя. Стоило тому затаиться за дверью подъезда прямо на пути Хромого, как Юз сразу же менял траекторию и подходил к ловушке с выгодной для него позиции.

Лишь спустя несколько таких неудавшихся попыток перехвата Князя озарила неприятная догадка. Юз стал бесноватым. Вот почему Изверг был уверен в его гибели. Только сейчас он находился под действием терезина, оттого отлично видел в темноте и небось даже слышал дыхание Князя.

Вызывать на подмогу кого-нибудь из лютых смысла нет. Все они слишком далеко, разбросаны по всему городу. Да и не имел права Князь показать перед ними такую слабость. С одним противником он должен сам справиться.

Всё, надо заканчивать игры в кошки мышки, решил Глеб. Без попыток перехвата двигаться в своё убежище, а там никакой терезин Хромому не поможет. А Юз словно услышал мысли своей жертвы. Резко рванул в сторону и исчез из виду.

— Этого ещё не хватало, — прошептал Князь, за что и поплатился.

Очередная стрела сорвала кору с дерева, за которым он укрывался, прошила одежду и по касательной распорола плечо.

Деревья во дворе росли густо. Что играло ему на руку. Больше нельзя было совершать никаких ошибок. Наплевав на боль в ноге, Князь зигзагом от укрытия к укрытию помчался прочь. За спиной послышалось тяжёлое дыхание, но он не стал оборачиваться.

Глеб вылетел со двора на улицу и, не сбавляя темпа, помчался через дорогу. Следующая стрела прилетела откуда-то сбоку. И тут Князю повезло. Целился Юз в ноги, и снаряд при очередном шаге как раз между ними и проскочил.

Князь влетел в коридор, подскочил к ряду почтовых ящиков и одним шустрым движением достал из крайнего пистолет.

Как почувствовал в руке кусок смертельного метала, так сразу приободрился и вновь обрёл уверенность в себе. Не может один водяной, хоть и бесноватый, остановить командира лютых!

Многих сильных людей ломала и подставляла спесь, так же случилось и с Князем. Пистолет он успел из ящика достать, но на этом его везение закончилось.

Юз ураганом влетел в дом и смёл Глеба как пушинку. Лютый спиной вышиб дверь ближайшей квартиры, но пистолет из руки не выпустил. Не поднимая головы, Князь пальнул дважды в коридор. Юз укрылся за стеной.

Держа дверной проём на прицеле, Глеб медленно поднялся. Давно его так болезненно не били. Неужто форму начал терять? Надо чаще с остальными лютыми "в поле" выходить. Главное — пережить сегодня.

Глеб попятился вглубь комнаты. Здесь он был в выигрышном положении. В этом доме он знал все входы и выходы, каждую скрипучую половицу.

Юз притих где-то за углом.

"Ничего, ничего. Доберусь я до тебя!" — подумал лютый, перебираясь через пролом в стене в соседнюю квартиру.

За спиной хрустнуло стекло. Хрустнуло тихо, но Князю показалось будто бомба взорвалась.

Окно из комнаты выходило во двор. Вот им водяной и воспользовался, чтобы зайти с тыла.

Обернуться и выстрелить Глеб не успел, а нырнул влево за старый диван. В прыжке вывернул руку с пистолетом и слепо пальнул на звук. После двух выстрелов приземлился на спину. Время терять ни в коем случае нельзя, в этом бою всё решает скорость. Князь вскочил на колени и словил Юза в прицел. Не хватило доли секунды, чтобы спустить курок.

Хромой нанёс один удар кулаком в голову и лютый потерял сознание.

Князь всегда причислял себя в ряды лучших бойцов, лучших стратегов и лучший командиров. В то же время он понимал, что может найтись кто-то сильнее чем он сам. Но то что этот более сильный

противник встретится так скоро, не могло привидеться и в самом страшном сне.

Он очнулся с дикой болью в голове — настолько мощным был удар — и крепко-накрепко привязанным к стулу. Князь сидел в своей комнате на том же месте, откуда увидел пришедшего на встречу Валевского.

Юз, разложив на полу найденное в квартире оружие, — автомат, пара пистолетов, нож и пять гранат — разместился возле закрытой двери, так чтобы видеть картинку на мониторах с камер, но не попасть в обзор через окно.

— Очухался? — спросил водяной, когда Князь дёрнулся, проверяя путы на крепость. — Хорошо ты тут устроился.

— Зачем ты меня в живых оставил? — спросил Глеб.

— Ты мне в принципе не нужен, — без утайки ответил Хромой. — Это Валевский тебя убить хотел, а не я. Мне Изверг нужен.

— Изверг? — Глеб чуть усмехнулся, и голова ответила на веселье болью. — Он ведь убьёт тебя.

— Уже, но как видишь я здесь. И ты, — Юз небрежно махнул в сторону Глеба ножом, — тоже не смог. Так что если хочешь жить, включай свою эту телепатическую связь или как там она называется и вызывай сюда Изверга. Но только его одного. Иначе...

Юз достал из кармана маленький радиовзрыватель и демонстративно помахал им. Князь негромко чертыхнулся.

— Ты пока в отключке был, я дом обследовал, а он оказывается нашпигован взрывчаткой. Так что если Изверг будет не один, все здесь и останемся.

По глазам было видно — водяной не врёт. Без толики сомнений щёлкнет переключателем и свалит дом вместе с собой и теми, кто будет внутри. Но был у Князя ещё один предмет для торга.

— Есть другой выход, — заговорил он. — Тебе Валевский терезин дал? Сколько доз? Две? Три? В любом случае мало. Больших запасов у него быть не может. А вот у меня есть. И не только сам терезин. Мне открыт доступ в лабораторию, где его можно синтезировать. Освободи меня и войди в ряды лютых. Нам такие бойцы нужны.

— Я всю свою не столь уж длинную жизнь прожил в этом мире и знаешь, что я понял? Главное для выживания — это не то насколько ты силён или быстр, или как метко умеешь стрелять. Главное — видеть

людей. Уметь уловить тот момент, когда человек перестаёт быть человеком, а становится бесноватым. Уметь отличить человека от монстра. Так ты, Князь, не человек. Ты — монстр. И как только я тебя развяжу, ты сразу меня попытаешься грохнуть.

Юз поднял пистолет.

— Зови или я прострелю тебе коленную чашечку.

Глеб отвернулся и произнёс в пустоту:

— Изверг, ты мне нужен.

Глава 18. Новые порядки

Оборвышей — по-другому их и не назовёшь — собралось десятка три. Мало что одежды на них были рваные, так ещё и сами выглядели словно через мясорубку прошли. У кого руки нет, у кого — ноги. Слева от Хмеля на асфальте расселся одноглазый. За ним топталась женщина с обожжённой головой. Чуть дальше безухий мальчуган затеял драку с разукрашенным шрамами стариком.

Три десятка уродцев, но уродцев готовых служить. Главное, чтобы они боялись, а Лихо могла заставить испытывать страх.

Элита среди крыс — от такой мысли лютая позволила себе улыбнуться — собралась среди ночи на улицы.

Они приволоклись сюда не по собственной воле, к этому приложил руку Хмель. Он средь бела дня вваливался в логово стаи, вытаскивал к отрешённым самого сильного, а остальным назначал "свидание". Так за пару часов Хмель стянул вместе семь стай. Теперь было главное удержать их вместе. И как это сделать, он знал. Сначала пообещать побольше свободы и власти, а потом продемонстрировать, что будет с теми, кто откажется служить новым хозяевам. В последнем ему поможет лютая.

Хмель взобрался на крышу застывшего навечно автобуса. Как никак надо возвышаться над остальными. А вот Лихо затаилась за автобусом.

Хмель сделал пару глотков самогонки, поставил бутылку у ног и крикнул:

— Заткнулись все!

В тот же миг голоса на улице смолкли, и десятки голов повернулись в его сторону. Даже дравшиеся мгновение назад крысы смиренно разошлись.

— Вы все умрёте! — начал Хмель. — Сдохните в дерьме, в тёмных подвалах или же в лапах псевдо! Посмотрите на себя, посмотрите на тех кто рядом с вами. Рвань поганая! А ведь когда-то было по-другому. Была одежда, жратва, оружие...

— Ага, было, — прилетел хриплый голос из толпы. — И бабы были красивейшие.

Кто-то заржал, а говоривший получил удара в пах от Дырки и застонал.

— Когда-то было, — подтвердил сказанное Хмель. — Нас боялись! Один возглас: "Крысы!" — приводил в трепет ходоков. Общины с нами считались! Приносили дань, только бы мы разрешили пошариться им по домам в подвластных нам районах города.

Хмель, конечно, преувеличивал значимость крыс, говоря, что общины их боялись, но вранье возымело благоприятное действие. Многие крысы неуверенно закивали головами, признавая его правоту.

— А что сейчас?! Плевали они на нас!

— Нас слишком мало! — крикнул одноглазый.

— Нет, — не согласился Хмель. — Всё потому что мы слишком разрозненны. Всё потому что мы наплевали сами на себя. Но больше такому не бывать!

Хмель спрыгнул с крыши автобуса и обнял Дырку за плечи.

— Крысами будут зваться лишь те, кто будет рядом со мной. Кто будет верно служить мне!

Толпа зароптала. Хмеля поминали самыми недобрыми словами, смеялись над ним, но в то же время нападать никто не торопился. Все помнили, как тот средь бела дня разделывался с крысами.

— Вы чё гудите? — заговорил Чугун.

Он вышел из толпы, растолкав попутно пару-тройку крыс, и стал рядом со своим вожаком.

— Вам дают шанс выбраться из того дерьма, в котором вы барахтаетесь. Подняться, мать вашу, выше чем когда-либо. Ну и пусть, что в ином случае вас завалят. Так или иначе загнётесь.

— Да не гони, Чугун! — прогремел мощный бас и все смолки.

Толпа расступилась, позволяя увидеть и Хмелю, и Лихо говорящего. Хотя его и так сложно было не заметить. Подал голос Горун — гигант, более двух метров ростом. Среди крыс ходила легенда, что Горун в одном бою голыми руками разделался с тремя гончими, разорвал их на куски. Многие в это не верили, но спорить с ним желающие находились редко.

— Это лишь трёп. Поднимемся? Ага, щас. Где взять жрачку? Даже одежды нормальной не осталось. Город пуст! А может тебя лешие заслали? В лес свалим?

Горун громко засмеялся. Остальные крысы поддержали гиганта лишь парой тихих смешков.

— Ресурсы ещё остались в общинах, но нам их никто не даст. Захватить? Какими силами? Посмотри на тех кто перед тобой! Здесь одни калеки. Ты бредишь, Хмель. Двинулся башкой окончательно. Но вот как ты днём спокойно ходишь мне очень интересно и, думаю, если тебе начать вырывать руки ты всё расскажешь.

Он направился к Хмелю. Последний даже не шелохнулся. Сложно было понять, либо он настолько уверен в себе или же и впрямь сошёл с ума.

Горун двигался не спеша, но уверенно. Никто не пытался его остановить. Убьёт Хмеля — тем лучше. Все разбредутся по своим логовам, и жизнь потянется как и раньше.

А вот Лихо начала действовать. Удобнее момента для своего появления нельзя было придумать. Нужно лишь убить верзилу, которого боятся остальные крысы. Она выскочила из-за автобуса. Ещё через миг оказалась возле гиганта. Их глаза на долю секунды встретились, и перед тем как кинжал разрезал горло от уха до уха, Горун успел подумать: "Меня убьёт баба?"

Горун обхватил горло руками и упал на колени. Крысы опасливо отхлынули. Некоторые и вовсе рванул прочь. В воздухе повисло напряжение, словно бандиты сейчас налягут толпой на лютую, либо не оглядываясь разбегутся.

Хмель оставался спокоен, и лишь только Лихо стала рядом, прокричал:

— Ваш большой друг, — кивок на распластавшегося на асфальте Горуна, — ошибался! У нас есть силы!

— Вы хотите, не бояться дня, как Хмель? — перебила его Лихо.

Крысы переглянулись.

— Вы хотите, не бояться подохнуть с голода?

— Да, да... — с кивками начали смешиваться голоса.

— Не обходить с опаской общины стороной, а входить в них как хозяева. Как вам такие перспективы?

— Да, да, да! — хором закричали крысы.

Слухи о том как "чёрные" уничтожили Театральную, доходили до всех. В возможностях и жестокости этих новоявленных хозяев никто не сомневался, и сейчас один только вид “чёрной" рядом с Хмелем

страхом отметал любые отговорки и неуверенность. Всё становилось просто: либо ты с ними, либо ты труп.

— От вас я требую верности и послушания, — сказала Лихо и на полуслове смолкла.

Её мрачное лицо не отразило ни одной эмоции, но внутри всё всколыхнулось из-за прозвучавшего в голове голоса: "Лихо, нам нужно поговорить".

Другие лютые вызывали её не так. Голоса их казались отдалёнными, принесёнными слабым эхом. Но сейчас связь была громкой и отчётливой.

— Продолжай, — бросила она Хмелю и зашагала прочь.

А Хмель и рад был.

— С этого момента вы будете подчиняться правилам. Первое: мои приказы и приказы "чёрной" Лихо должны выполняться без раздумья. Второе: нельзя нападать на своих или красть у своих. Все внутренние конфликты будут разбираться мною или...

Что дальше говорил Хмель, Лихо уже не слушала. Быстро отдалившись от крыс за несколько кварталов, она ответила на зов:

— Я слушаю. Кто говорит?

— Это Смотритель.

Лихо была озадачена. Раньше Шалыгин держал связь только с Князем, с ней заговорил впервые.

— Как обстоят дела с подготовкой встречи "двенадцатки"?

— Насколько мне известно, всё идёт по плану. А если учесть что у нас ещё два года впереди, то, можно сказать, мы движемся к цели очень быстро.

— Вы уничтожили Театральную. Убили не всех людей, но всё же большинство. Для чего нужна была эта резня?

Лихо задумалась. Ответить на поставленные вопрос для неё труда не составит. Вот только зачем Смотритель его задал? Тем более её, а не Князю, как командиру лютых.

— Мы действовали согласно приказу Князя, — издали начала она.

— Я понимаю, — не задумываясь ответил собеседник. — Но зачем Князю нужно было столько жертв?

— Напуганных людей легче будет собрать под единым командованием.

— Это твоя версия причин произошедших событий или Князя?

И вновь прозвучал провокационный вопрос. Кого Шалыгин проверяет, её или же он усомнился в Глебе?

— Можешь говорить свободно, Лихо. Диалог лишь между нами. Никто из лютых его не слышит.

— Я считаю, — решилась лютая, — что Князю просто ненужно столько людей. Ему нет дела ни до вас, ни до Сада и тем более плевать на "двенадцатку". Единственное чего он хочет — это прибрать город себе, но чужими руками и слуги в таком количестве как сейчас ему не нужны.

— А тот факт что истребление выживших может нарушить стабильность Сада и изменений, Князя не беспокоит?

К чему весь этот разговор, хотелось бы спросить Смотрителя, но Лихо решила не торопиться. Вопросы старика навивали мысль, что время правления Князя подходит к концу. Главное, чтобы его финал не стал финалом для всех лютых.

— Простите, Смотритель, но мне не ясна связь между Садом и людьми.

— Тебе пока не ясна, а вот Глебу всё доподлинно известно.

"Пока не ясна? Какую же ты игру затеял?"— озадаченно подумала Лихо.

— Князев стал слишком самоуверенным и неуправляемым, что ставит под угрозу существование Аркса и Сада. Пара его заменить.

Вот и добрался Шалыгин до сути, и сказанное им Лихо обрадовало. Князя она всегда считала самым слабым бойцом в их отряде. Вырвался же в командиры он только за счёт родственных связей.

— Не могу не согласиться, Смотритель. Только вам должно быть известно, что у Князя установлена первичная метка, а моя не позволит мне что-либо предпринять против носителя первичной. Только попытаюсь напасть на Князя, так сразу и умру.

Смотритель тихо засмеялся.

— Лихо, ты что не поняла? Даже обсуждение нападения на Князя должно вызывать у тебя нестерпимую боль, но что-то я не вижу, чтобы ты корчилась в муках.

Лютая невзначай коснулась своей метки.

— Я сменил приоритеты. Теперь твоя метка первичная, а у Князя она и вовсе отключена. Только он ещё об этом не догадывается.

— Где он сейчас? — тут же встрепенулась Лихо.

— Он в своём убежище, рядом с Тихими водами. Поводырь сейчас рыщет вокруг разрушенной Театральной, а Изверг следит за переселенцами водяных. Возьми с собой Гуля и Упыря.

— Я сама справлюсь.

— Нет, — отрезал Шалыгин. — Во-первых, тебе нужно утвердиться перед остальными лютыми. Во-вторых, у Князя сейчас гость, Хромой Юз из Тихих вод. Он мне нужен живым. Нацепишь ему метку.

Глава 19. Билет в лучшее будущее

Театральная была уничтожена. Неожиданно, жестоко и безвозвратно. Чиж, Шаман, водяной Янус Буква и ещё пара ходоков выбрались из здания за миг до того, как оно превратилось в гору мусора. Последние куда-то сбежали, только пыль от рухнувшего театра осела. Пока из-за туч не выплыло солнце, Буква и Шаман затащили рвавшегося на поиски Сонной Ив Чижа в ближайший дом с заколоченными окнами и решили там укрыться до ночи.

Сейчас Чиж негромко сопел в углу, а Шаман и Янус сидели возле небольшого костра. Дров было мало: трухлявая сырая мебель и прогнившее тряпьё, — но тепла коптящий костерок как-никак немного, но давал.

Януса сон не брал, хотя, казалось бы, после произошедшего он должен быстро уснуть, а Шаман и вовсе много лет страдал бессонницей, поэтому водяной и театральщик тихо переговаривались.

— Как думаешь, Янус, ещё кто выжил?

— У человека должно быть хотя бы на два гроша надежды, иначе жить невозможно*, — искренне ответил Буква. — Мы с третьего этажа смогли выбраться, а у тех, кто был на первом и ближе к выходу, шансов было больше.

— Если только основная масса изгоев не ушла вниз, — понурился старик. — Да и не только в них дело. Это же был взрыв. Театр не сам по себе развалился. Его подорвали. Псевдо на это не способны.

Чиж повернулся лицом к ним и злобно прошипел:

— Это всё "чёрная". Эта тварь, которая на нас напала. Мы её в "семёрке" повстречали.

— И пришла она тоже за планшетом, как и ты, Буква, — добавил Шаман и неожиданно приставил к груди водяного ствол ружья. — Осталось два последних патрона, но я не пожалею их, если ты не расскажешь, что это был за планшет.

Димка поднялся на ноги и приблизился к ним. Взгляд у ходока был затуманенный злобой. Шаман краем глаза увидел, как тот надвигается, и громко гаркнул:

— Сядь!

Чиж послушно опустился рядом, но резать Букву взглядом не перестал, а кулаки сжал ещё крепче.

Слишком много испытаний выпало на их участь, потому театральщики заслужили правду, решил для себя Янус. Ко всему прочему ему может пригодиться помощь, чтобы добраться до крепости, учитывая, как рьяно этим делом занялись лютые.

— Я тебе не врал, Шаман, когда говорил, что планшет — это электронный ключ от бункера. "Чёрная", её Лихо зовут, она из цепных псов хозяев бункера.

— Много их? Цепных псов, — спросил Димка.

— Шестеро, и называют они себя — лютые, — ответил Буква. — Один из них, Поводырь, водит за собой толпу изгоев. Вот с его подачи псевдо и напали на Театральную.

Чиж скривился. Казалось, ещё слово и он сорвётся.

— Ты знал, насколько опасны лютые и никого не предупредил?

Димка рванул на водяного так стремительно, что Шаман не успел и слова вымолвить, а вот Буква был готов. Он рукой отвёл в сторону ружьё и рывком кинулся на противника. Ходоки грохнулись на пол и начали кататься по бетону, нанося друг другу удары. Каким бы ловким, быстрым и озлобленным Димка не был, Буква оказался более сильным бойцом. Вскоре он завалил противника лицом в пол, а его руки скрутил за спиной.

— Да не знал я, что они нападут. Не знал, — запричитал водяной. — Меня заверяли, что лютым запрещено массово истреблять людей.

— Кто заверял? — процедил сквозь зубы Димка.

Наконец, в их поединок вмешался Шаман. Он столкнул Букву с Чижа и, держа водяного под прицелом, вернул его на прежнее место.

— Ну что? Выпустили пар? Продолжим разговор. Кто заверял? — повторил вопрос Димки он.

— Валевский, — не стал ничего скрывать Янус. — Он как и лютые работает на хозяев Аркса.

— Аркс? — переспросил Шаман.

— Это бункер так называется.

Чиж прильнул к противоположенной стене и глядя куда-то в пол молча слушал.

— Да-а-а, — протянул старик. — Непростой у вас глава.

— Непростой, — согласился Буква. — На Аркс он работал ещё до Шабаша, поэтому и знает и про лютых, и про планшет.

— Что там в этом вашем Арксе? — спросил Шаман и раздражённо добавил: — Только не говори что всё это из-за припасов.

— Там люди. Учёные богатеи.

— Решили в безопасности переждать конец света, — усмехнулся Чиж.

— Нет, здесь дело в другом, — ответил Буква Димке и тут же буркнул на старика: — Да убери ты своё ружьё. Итак, всё расскажу, а стрелять всё равно не станешь.

Водяной говорил правду. Одно дело пристрелить пытающуюся убить тебя лютую и совсем другое — хладнокровно пальнуть в невооружённого человека.

Шаман положил двустволку у ног.

— Любопытство — вот что ими ведёт. Они знали о грядущих переменах, и знали, что пережить их человечеству не суждено.

— Откуда им это было известно? — спросил Шаман.

Буква пожал плечами. О Саде рассказывать он не собирался.

— Этого Валевский не знает.

— Или не говорит, — сказал Шаман

— Может и так, — согласился Янус. — У всех есть тайны.

— Ага, точно, не суждено человечеству выжить. Придумали, старпёры яйцеголовые. Пусть вылезут из своего Аркса, я покажу им не выживших, — возмутился Чиж. — Мы-то ещё живы.

— А ты думаешь мы люди? — невесело проговорил Янус. — Я вот сомневаюсь. И домушники, и ходоки наивно предполагают, что скрываясь в тени от солнечного света смогут уберечься от изменений, но это не так. Всё меняется. Все меняются. Просто те кто прячутся, делают это гораздо медленнее. Вот скажи, Шаман... Ты из нас самый старший. Ответь, много людей после Шабаша умерло от каких-либо болезней?

— Единицы, — хмуро ответил старик. — Мало того, и болеют очень редко.

— Вот и я о том. Людей на Земле не осталось. Хозяева Аркса, так называемая "двенадцатка", хотят утолить своё неуёмное любопытство. Им интересно, во что переродится человечество.

— А тебе они зачем? Зачем тебе в Аркс?

— Плевать мне на "двенадцатку", — бросил Буква. — Хотят лицезреть изменения, пусть смотрят. Важно другое. В Арксе есть устройство, способное на определённой территории полностью остановить изменения. Представьте небольшой клочок земли, где можно ходить под солнцем без опаски свихнуться.

Шаман обхватил голову руками.

— Дураки, боже, какие вы дураки. Неужели нельзя было об этом рассказать хотя бы главам общин. Общими усилиями мы бы и без ключа тот Аркс вскрыли.

— А что потом? — грустно вздохнул Янус. — Под словами "небольшой клочок земли", я и имею ввиду небольшой клочок земли. Всего пара домов вокруг Аркса, а представляешь, сколько желающих будет там поселится?

— Да это уже всё не важно, — отмахнулся Чиж. — Планшета-то нет.

Шаман запустил руку в волосы и впился взглядом в водяного.

— Сам покажешь или опять ружьё взять.

— Глазастый ты, старик, — усмехнулся Янус и достал из-за пазухи планшет. — У Валевского был такой же, только он много лет назад вышел из строя. Ну я и поменял их в пылу боя. Тот с которым ушла лютая — нерабочий, а этот — вы нашли в "семёрке".

— Я пойду с тобой, — твёрдо сказал Чиж.

— Не торопись, Димка, — остудил пыл ходока старик. — Надо дождаться заката и обойти округу. Я всё же надеюсь, что мы не одни выбрались из театра. В этом случае найдутся те, кто вам компанию составит.

Разговоры прекратились.

Чиж лежал на боку с прикрытыми глазами и негромко сопел. Шаман дремал сидя, усталость взяла своё, а вот Буква задумчиво пялился на костёр, изредка подбрасывая дрова.

Сон у театральщиков был тревожным. Стоило Янусу лишь слегка пошевелиться, как в него сразу впивались четыре глаза. И Шаман, и Чиж не доверяли ему, боялись, как бы водяной не сбежал.

Вот и у Буквы были проблемы с доверием к этой парочки. По крайней мере к одному из них. Если со стариком было всё более ли менее понятно. Он никогда не славился подлостью и жестокостью. То

молодого ходока до сегодняшних событий Янус не знал, и о доверии к нему речи не шло. Вот поэтому Буква арбалет из рук не выпускал.

В один момент старик поднялся и чуть отодвинув одну из досок на окне выглянул наружу. И днём город был хмурым, настолько плотно тучи закрывали небо, а сейчас ничего не изменилось. Моросил дождик, и была такая же непроглядная тьма на небе. Попробуй пойми ночь сейчас или день. С другой стороны — солнца всё равно нет. А вот и на глаза Шаману попался указатель времени суток. У стены дома под самыми окнами расположились в ночлежку отрешённые.

— Ночь, — сказал Шаман. — Можно выходить.

Голос его слегка дрогнул. За те часы что они провели в этой комнате, театральщики успокоились и даже смирились с произошедшим. Внутри обоих теплилась надежда, что они не единственные выжившие со всей общины, но вот пришло время узнать, суждено ли сбыться этим надеждам.

Из здания пришлось выбираться через окно первого этажа. У выхода из подъезда развалились отрешённые. Чиж и Буква легко соскочили на траву, а вот Шаман застрял в окне. Присел на раскуроченном подоконнике и начал бубнить: "Старый я для таких трюков, руки-ноги переломаю". Глаза его бегали по округе. И тут Буква понял — боится старик города. Ведь столько лет сидел в своей мастерской и толком не выходил оттуда.

Как его не убеждали, а покидать укрытие Шаман не хотел. Даже кричать начал, мол, смерти моей желаете! Буква хотел было отмахнуться и уйти восвояси. Только неожиданно совсем рядом послышались шаги.

Шаман укрылся за окном, выставив вперёд двустволку. Чиж и Буква притаились за проржавевшим мусорным контейнером.

Гостя они раньше услышали, чем увидели.

— Не прячьтесь, свои идут, — прилетел негромкий голос, и Димка, узнав его, выскочил из укрытия.

Появившийся из темноты здоровяк в рваных одеждах и с запачканным то ли грязью, то ли кровью лицом приветственно похлопал по плечу Димку.

— Рад тебя видеть, Чиж.

— И я тебя, Туман, — ответил ходок. — Шаман, Буква вылезайте, это свои.

Появился только Туман, а Шаман уже приободрился. Кряхтя, перевалился через подоконник. Театральщики хотели было помочь старику, да не тут то было. Не успели и шагу сделать, как он ухнул в траву.

— Не расшибись, старый, ты нам ещё пригодишься, — укоризненно сказал Мутный.

— Я ещё любому молодому фору дам, — обиделся Шаман. — Старым он меня называет.

— Туман, кто ещё выбрался? — спросил Чиж.

Мутный стыдливо опустил глаза.

— Мало нас... Детей пятеро, и взрослых одиннадцать. Тика убили. Кудина и Кузя тоже... Ты слышишь, Шаман?

Старик кивнул, всё так же пялясь в землю, и пробурчал:

— Все мы там будем.

А Туман, взглянув на Чижа, неожиданно треснул себя по голове ладонью.

— Вот остолоп я. Жива твоя Ив, Чиж. В подвале неподалёку с детьми осталась.

Димка заулыбался. Вот теперь можно и дальше бороться и жить. Вдруг он всполошился, словно забыл сказать что-то важное.

— Эй, а где Буква?

— Да тут я.

Водяной притих в сторонке. Не хотел мешать радостному воссоединению.

— Думал, свалил уже? — сказал он.

— А это что за красавчик? — насмешливо спросил Мутный.

— Это наш билет в лучшее будущее, — подмигнул ему Димка.

* Бертольд Брехт

Глава 20. Новый дом — новые проблемы

Путь от полицейского отделения, где произошла битва с гончими, до Лазури ходоки проделали без особых проблем. На их пути встречались и толпы отрешённых, и одинокие изгои, но водяные на рожон не лезли. Уже итак одного из своих потеряли. Потому и двигались с предельной осторожностью.

Самое страшное было даже не то, что Юз пропал, а тот как это произошло. Всю дорогу ходоки ломали голову, что за тварь могла прошибить стену и уволочь человека. Дыру проделать способен пастух, но псевдо такого размера они легко бы заметили да и не брали пастухи пленных. Сама собой напрашивалась ещё одна возможность — в городе появился новый псевдо. И отчасти думавшие так ходоки были правы.

А с большой уверенностью могли рассказать о нападавшем лишь четверо из всего отряда, приближённые Валевского: Вестник, Крепыш, Ясень и Ёжка. Только они молчали. Незачем остальных сейчас лютыми пугать. Придёт время — всё узнают.

Вестника беспокоил ещё один вопрос: зачем лютые забрали Юза? И всё сводилось к единственному логичном ответу: "чёрные" взяли языка. Сергей Николаевич говорил, что лютые мастерски умеют проводить допросы, значит вероятность того, что они знают, куда и зачем направляются водяные, велика.

Неспроста Вестник чувствовал чьё-то пристальное внимание, только откуда оно исходило, понять не мог.

На берегу реки возле спасательной станции ходоки остановились, засмотревшись на высоченные тополя, плотным строем окружавшие здание. Словно частокол, установленный великанами, стволы тянулись на несколько этажей вверх и оканчивались голыми кронами.

Вестник оставил большую часть отряда возле поваленного забора, а сам, прихватив с собой Крепа и Ясеня, направился вокруг будущей общины.

Обход не предвещал проблем. Вокруг было тихо, не видать ни одного псевдо. Но стоило ходокам обойти здание, их взглядам

предстала ужасающая картина. Деревья с другой стороны станции были уничтожены. Некоторые, вырванные с корнями, лежали на земле. От иных тополей остались лишь торчащие из почвы неровные пеньки. Один громадный тополь, обхватить ствол которого, не хватило бы рук и трём ходокам, был расколотым надвое практически по всей длине. Представить, что за сила способна так проредить лес было сложно.

Среди древесной разрухи разместилась ночлежка отрешённых. Куча псевдо достигала уровня третьих этажей ближайших зданий. Такие крупные ночлежки всегда охранялись пастухом, а его наличие и объясняло всю разруху.

Но что-то было не так с отрешёнными в этой ночлежке. Что-то несуразное и неописуемое для Вестника. Пастуха рядом видно не было, поэтому водяной решил подойти ближе. Креп попытался было остановить его, но Вестник отмахнулся.

— Оставайтесь с Ясенем здесь и смотрите по сторонам. Я скоро вернусь.

Вестник не стал скрываться, а двинулся к ночлежке открыто. Отрешённых опасаться не стоило, а если рядом и впрямь пастух, то от этой твари ни за каким бревном не укроешься.

Возле самого здания спасательной станции на глаза ходока попались глубокие выбоины в земле. Такие следы оставляли лапы-шипы пастуха. Чуть дальше лежал мёртвый крыса, вдавленный в землю стволом дерева. За ним — ещё один с расплющенной грудной клеткой.

Чем ближе подходил водяной к отрешённым, тем зловещее казалась ночлежка. Она двигалась. Торчащие из кучи руки тянулись в стороны. Пальцы то разжимались, то сжимались, пытаясь ухватить воздух. Ноги хаотично дёргались. Вестнику в один миг показалось, что ночлежка сейчас встанет на десятки ног и ринется на него. Но ведь глубокой ночью как сейчас отрешённые должны лежать без движений.

Вестник остановился в метрах трёх от псевдо и скривился от отвращения. Он ошибся с самого начала. Если это и была когда-то ночлежка отрешённых, то сейчас она превратилась в одну сплошную массу. Тела в ней срослись между собой, смешались в одну кашу. Вот чьи-то глаза бездумно пялятся на ходока. Множество рук, торчащих из громадной несуразицы, готовы ухватить любого, кто осмелится подойти ближе. Всюду выпирали кости, вываливались и вновь

втягивались человеческие внутренние органы. Кожа этого существа была покрыта глубокими рваными ранами, из которых сочилась вонючая жижа.

Вестник попятился. Он слышал про такие сросшиеся ночлежки, но до сих пор считал рассказы о них сказкой. Всё казалось слишком отвратительным и нереальным. Ходок сделал два шага спиной назад, и тут нервы сдали. Он стремительно рванул прочь от этого кошмара.

Креп ни разу не видел такого изумления на лице Вестника, и когда тот с дрожью в голосе приказал: "Быстро уходим," — вопросов задавать не стал.

Но даже когда они добрались до остальных водяных, Вестник на этом не остановился. Ничего не объясняя, он повёл группу прочь от Лазури.

Тут уже вспылил Крепыш.

— Да чего ты там такого увидал!

Вестник остановился и задумался, словно сам пытался вспомнить, что же его так напугало.

— Они сросшиеся, — наконец ответил он. — Все отрешённые в этой ночлежке срослись вместе.

Ходоки зароптали, нервно поглядывая в сторону станции.

Отрешённые, бесноватые, изгои и гончие — когда-то были людьми. Пусть они и изменились, но внешние черты своих предков у них остались. Но вот откуда взялись пастухи, громадные, ни на кого не похожие твари, долгое время оставалось загадкой. И лишь всего года три назад один из южан, кажется звали его Птиц, во время вылазки обнаружил таких же сросшихся отрешённых, как и водяные сейчас. Охранял их пастух. Причём делал это настолько ретиво, что сразу бросался на любого, кто пытался приблизиться к ночлежке, будь то человек или псевдо.

Южанину удалось унести ноги от бешеной твари. Возможно, кто-то другой на его месте испуганно сбежал бы в общину, но Птиц вернулся. Слишком уж непонятным было происходящее. Он спрятался неподалёку и начал наблюдать.

Через два дня отрешённые смешались полностью. В огромной бурой капле уже нельзя было узнать ночлежку. Ещё сутки ушли на то, чтобы эта масса покрылась крепкой коркой.

Птиц три дня наблюдал за странным пузырём, но больше никаких изменений не заметил. Провиант начал заканчиваться, и южанин решил покинуть свой наблюдательный пост, но в конце четвёртого дня пузырь раскололся. Из него медленно и неуклюже, словно ребёнок делающий первые шажки, выбрался новый пастух.

Вот тогда-то и была разгадана тайна появления гигантов. Многие, конечно, не верили россказням Птица, среди южан он считался славным вруном и прохиндеем, но большинству его слова внушали доверие, придумать такое Птицу не хватило бы ума.

Ушли водяные от спасательной станции всего на пару кварталов и засели в здании аптеки. Торговый зал был никчёмным укрытием. Реденькие стеллажи не могли защитить ходоков от скорого рассвета, ещё и передняя стена представляла собой сплошную битую витрину. Но вот подсобные помещения были отличные. Ни одного окна, два выхода в зал и во двор, и, судя по разложенным вдоль стены матрасам, расставленным по полкам банкам с консервами и обгоревшей бочке в центре комнаты, кто-то раньше здесь обитал.

Водяные развели костёр, вскрыли пару банок забытого провианта и расселись кружочком. Пришло время решать, что делать дальше.

Но сказать никто ничего не успел. В двери со двора ненавязчиво постучали. Ходоки переглянулись. Странно представить, чтобы крысы или псевдо стучались, желая войти. Но в то же время гостей никто не ждал.

Ясень осторожно приоткрыл дверь и, усмехнувшись, раскрыл её настежь.

— Вестник, это к тебе.

Он отступил в сторону.

На пороге стояла Егоза.

— Привет, ребята.

Ходоки расслабились, увидев знакомое лицо.

— Надоело мне в застенках сидеть, вот и решила за вами прогуляться.

— Сидеть в застенках дело поганое, — согласился Ёжка и укоризненно добавил: — Только умереть ещё хуже. Тебе надо было с нами идти, а не за нами.

Егоза пожала плечами.

— Отец не пускал.

— А потом пустил? — не унимался Ёжка.

— И сейчас не пускает.

— Чего ты к ней пристал? — заступился за девушку Вестник. — Иди к костру, Егоза. Не погоним же мы тебя назад. И рассказывай, как добралась.

Девушка села рядом с ним.

Ходоки загремели ложками о вскрытые банки с консервами, которые, к слову, оказались вполне съедобными.

Креп не спеша жевал, а глазами водил то на Вестника, то на Егозу.

— Ну, что ты всё на нас смотришь? — не выдержал Вестник.

— Не ценишь ты свою боевую подругу. Она за тобой через половину города протопала, а ты ей даже угощения не предложил.

Креп швырнул в Вестника полную банку, но тот её ловко поймал.

— Не буянь, — шутливо предупредил друга он и передал банку девушке.

— Я Юза видела, — неожиданно сказала Егоза. — Точнее слышала.

Звон ложек прекратился.

— Его крики. Он к отрешённым попал. — Егоза опустила глаза в пол. — Я ничем ему помочь не смогла.

Вестник обнял её за плечи, и Егоза тихо заплакала, уткнувшись лицом ему в грудь. Юз спас её. Раненую принёс под солнцем в общину, а она ему тем же отплатить не смогла.

— Не всё получается так, как нам хочется, — нравоучительно заметил Ёжка. — Он тебя спас, а значит, чтобы высказать уважение памяти о нём, тебе нужно жить, а для этого нужно не совершать непродуманных действий. Таких как поход в одиночку к гончим на обед.

— Ой, ну хватит, — отмахнулась Егоза.

— Что хватит? — вновь завёлся Ёжка. — А об отце ты подумала? Сдохнуть по пути было бы без проблем. А здесь, прямо возле станции, и вовсе пастух растёт.

— Видела я и гончих ваших, и изгоев по пути встретила, и этого зародыша, — прикрикнула в ответ Егоза. — А хочешь знать, почему вы самого пастуха не встретили? Да потому, что он за мной погнался. Грохнул пару крыс, кравшихся к ночлежке, а там и меня увидел. Я с

противоположенной от вас стороны к Лазури подошла... Да не могла я в общине остаться! Не могла!

И вновь девушка залилась слезами.

— Хватит уже, — сказал Вестник. — Пришла и пришла. Не выгонять же её. Сейчас нужно думать, что дальше делать.

— Что тут думать? — причмокивая, сказал Ясень. — Если верить россказням небезызвестного Птица, то пастух вырастает в общей сложности дней за десять. Так что нужно подождать, пока он вылупится и вместе со своим старшим родичем свалят отсюда.

— Да, глупо будет просто вернуться в Тихие воды, — поддержал его Креп.

— Тум и Тихон, — командным голосом обратился к двум ходокам Вестник. — Вы вернётесь в общину и расскажите Валевскому о том, что здесь творится. Нужно понимать, что расселение немного затянется. Далее. Сергей Николаевич просил по возможности разведать несколько интересных мест в этой части города. В частности, на окраине был крупный склад-магазин сельскохозяйственной техники.

Один из водяных, Сурик, усмехнулся.

— Да там небось всё крысы растащили или южане, им ближе всего.

— Растащили, не растащили, но наведаться туда стоит, — продолжал Вестник. — Этим займусь я. Возьму с собой Крепа, Ёжку, Ясеня и Егозу. А вот ты, Сурик, останешься за главного, пока меня не будет, и организуешь наблюдение за станцией. Только издали. Близко не подходить. Пастуха не провоцировать. Всем всё ясно?

Ходоки весь день отдыхали, а после заката разбрелись кто-куда. Тум и Тихон спешно выдвинулись в сторону общины. Сурик пошёл в обход спасательной станции, выискивать укромные места для наблюдения.

Вестник же со своей небольшой командой направился к складам. По крайней мере так думали те, кто остался возле Лазури. На самом же деле цель у них была совсем иная — добраться до Аркса. В маленькой группе Вестника в тайну Валевского были посвящены все кроме Егоза. Её пришлось вводить в курс дела в пути. Крепу не нравилась идея брать с собой девчонку. Он настаивал, чтобы её оставили с Суриком.

Только Вестник понимал — она не послушается и побежит следом. А так хоть на виду будет.

Уже через пару кварталов Вестник вновь ощутил посторонний взгляд на себе, как и когда они шли к станции. Днём на отдыхе он думал, что чувствовал преследовавшую их Егозу, но сейчас она была рядом. Их могли выслеживать крысы, выжидая момента для нападения, но бандиты небрежны и давно бы были замечены. Оставался лишь один вариант — за ними следят лютые.

Глава 21. Горькая месть и сладкое ожидание

Каждый человек хотя бы раз в своей жизни задавался вопросом, что будет, когда она закончится? Как это — умереть? Просто перестанешь дышать, сердце остановится, и ты провалишься во тьму, или же смерть — это нечто большее? Будет ли больно? Как скоро тебя забудут друзья и родные? Но Хромого сейчас эти вопросы не интересовали. Не было ни капли страха перед грядущим. Даже слегка грызло любопытство.

Осталось два шприца с терезином — и того в общей сложности девяносто шесть часов трезвого ума и светлой памяти, но он решил, что если месть удастся, то ни одной инъекции он больше не сделает. Незачем оттягивать неотвратимое. Но и в псевдо Юз превращаться не собирался.

Осталось придумать, как уйти из жизни. Можно сигануть с пятого этажа, но он уже начал изменяться и поэтому есть большой шанс только покалечиться. Высоток в округе не было — это Хромой знал наверняка. Есть ещё арбалет, но стреляться с такого аппарата не с руки.

Проблему ухода из жизни помог решить, как не удивительно, Князь. Связав его, Юз основательно обыскал квартиру и разжился огнестрельным оружием. Что может быть проще? Пуля в голову, — и измученное тело ждёт успокоение.

Но перед этим нужно дождаться Изверга и расквитаться с ним, а лютый не торопился. Когда Князь зазывал своего подчинённого, Хромому показалась, что на его лице отразилось удивление. Что всполошило командира лютых было не понятно, но с течением времени Юзу закралась мысль, что тот на самом деле не вызвал Изверга, просто не смог, по какой-то неведомой причине, и сейчас лишь тянет время.

Битый час водяной сидел на полу, обложившись оружием, а связанный Князь не умолкал.

— Ты думаешь, сможешь одолеть Изверга? — в который раз усмехнулся тот. — И зря. Изверг тебе не по силам. Я даже могу

представить, что с тобой будет. Он больше всего любит ломать кости. Начинает с фалангов пальцев, потом переходит на руки и ноги. Некоторые кости он крошит, некоторые вырывает. Потом он займётся твоей грудной клеткой. Будет медленно выдирать рёбра, пока не доберётся до лёгких и сердца. Я видел это зрелище. Видел, как его жертвы дёргаются в непрекращающейся агонии и вопят до хрипоты. Но ты можешь спасти себя от такой судьбы. Освободи меня, пока не пришёл Изверг. Ведь когда он явиться, молить о пощаде будет поздно.

Можно было сразу заткнуть рот кляпом, но Юз надеялся, что Князев незаметно для само себя проговориться, докричался он до Изверга или нет.

Но терпение Хромого закончилось. Он схватил гранату, выдернул чеку и зашагал к лютому.

— Ты что собрался делать, ублюдок?! — заверещал Князь.

Юз задрал ему голову, гранату прижал к шее и груди и придавил её подбородком Князя.

— Держи крепче и рот не раскрывай, не то без головы останешься.

Глаза Князя забегали из стороны в сторону, а лицо от напряжения стало пунцовым.

Юз собрал всё оружие и покинул квартиру. Вдруг у Князя шея слабая. Смерти водяной не боялся, но умирать раньше времени в его планы не входило.

Он засел в прихожей квартиры напротив. Входных дверей в ней не было, как и части дверного косяка, а проход в следующую комнаты был завален мебелью. Кто и от кого пытался там спрятаться, Хромого не интересовало. Такие баррикады можно отыскать в каждой второй квартире. Тем более сейчас для Юза они были необходимы, чтобы отгородиться от попыток зайти к нему с тылу.

Водяной уютно разместился справа от входа во встроенном в стену шкафу. И теперь чтобы его заметить, нужно было выйти на площадку, под прицел автомата. Оставался риск, что в прихожую с лестницы зашвырнут гранату, но, насколько знал Юз, лютые такими "игрушками" пользовались редко.

Вновь потянулось томительное ожидание, но только уже в полной тишине. А в спокойствии и думалось лучше. Каким-то диким и бессмысленным начало казаться всё происходящее. Убьёт он Изверга,

да и всех лютых с ним за компанию, и ничего этим не изменит. Его самого, Хромого Юза, на этой земле не будет. И все потуги окажутся лишними. Для кого-то это может быть и спасением, неизвестно скольких ещё людей в будущем замучает Изверг, но ведь Юз об этом всё равно не узнает. Не станет Юза для мира, и мир исчезнет для Юза. Смерть — это индивидуальный конец света.

Когда глаза уловили движение на этаже, он тут же изгнал все мысли из головы. Никто на площадку не вышел, не было слышно ни единого звука, просто залитое утренним солнцем помещение на короткий миг стало темнее, словно кто-то заслонил окно.

Юз не шевелился. Держал автомат перед собой, а палец на спуске. Он даже дышать боялся. На стену легла широкая тень. Кто-то стоял на лестнице. Ведь должен пришлый выйти на траекторию обстрела, но не выходит. Тень даже не шелохнётся.

Водяной про себя выругался. Может там и вовсе никого нет, а за окном растёт дерево и отбрасывает тень, подумал было он, но тут же отринул сомнения. Ведь весь дом облазил, в каждое окно заглянул, а окно с лестницы как раз выходит на проезжую часть, и рядом нет ни одного дерева или столба.

Юза передёрнуло от одной мрачной мысли. Неужели заканчивается действие терезина, и начинаются галлюцинации.

Нервы натянулись как тетива и лопнули. Хромой рывком выскочил из шкафа и выбежал на площадку. Тень тут же уплыла со стены, а её хозяин — всё же это был лютый — взметнулся по лестнице на этаж выше.

Ещё не загубленное чутьё ходока подсказало: "Этажом ниже кто-то притих". Водяной выхватил гранату из сумки, вырвал чеку и отправил её вниз меж лестничных пролётов, а сам вышиб плечом дверь в Князевскую квартиру и распластался в коридоре на полу.

Юз никогда не взрывал гранат, поэтому слабо представлял, какие далее последуют разрушения. Пол вниз не рухнул, как боялся он, но взрыв был невероятно громким и оглушительным.

Юз встал на четвереньки. Голова раздалась болью, и водяной завалился на бок.

— Рано подыхать, рано, — проговорил Хромой, но голоса своего не услышал.

Упираясь руками о стену, он попытался подняться. Перед глазами началось невообразимая круговерть, а к горлу подкатил ком. Пересилив себя, Юз смог устоять на ногах и не грохнуться вновь на пол.

Словно чёртик из табакерки рядом вырос "чёрный". Он провёл острием меча по полу, оставив длинную полосу. Оглушённый Юз так и не выпустил автомат из рук, и сейчас действовал рефлекторно. Он вскинул автомат в тот же момент, как лютый отвёл меч назад для удара. Но атаки обоих провалились.

Второй взрыв прозвучал совсем рядом. За дверью, там где находился Князь. Дверь разлетелась на куски. "Чёрного" отбросило в стену, а Юз вновь оказался на полу, но сознание потерял не сразу. Успел вжать спуск, увидеть, как пули прошивают лютого и подумать:

"А кровь у них тоже красная".

Приходить в себя было тяжело. Разлепить глаза оказалось самым простым действием, а вот перевернуться, даже просто пошевелиться, для Юза было задачей невыполнимой. Он чуть ли не с криком перевалился на спину и неуверенными движениями начал ощупывать тело. Дошёл до голени правой ноги и вскрикнул. Разорванная дверь шрапнелью разлетелась по прихожей, и Юза осколки то же не миновали. Из ноги вырвало кусок мяса. Одного прикосновения к образовавшейся впадине хватила, чтобы кисти рук стали липкими от крови.

Юз ползком добрался до стены и сел возле неё. Из комнатушки Князя валил дым, но огня не было. Сильно воняло плавленым пластиком и ещё какой-то кислой и приторной дрянью. Нападавшего "чёрного" рядом не оказалось, но лужа крови возле двери была не меньше чем под самим Хромым. На выходе из квартиры стоял другой лютый, и по статной фигуре Юз узнал Лихо.

Водяной закрутил головой в поисках оружия. Ни автомата, ни пистолета не осталось. А на что же он надеялся, что лютые оставят его в живых да ещё и при оружии. Даже нож и тот отобрали.

Юз хрипло выдавил:

— Делай то, что собралась.

— А что я собралась делать? — нависла над ним Лихо. — Думаешь, буду пытать?

— А на что вы ещё способны?

— Мы на многое способны. Я вот могу спасти тебе жизнь. Прямо сейчас и здесь.

Было больно, но Юз нашёл в себе силы сказать:

— Я подорвал твоего командира и расстрелял одного из твоих товарищей. И после этого ты предлагаешь мне спасение?

Лихо заглянула в комнату, где раньше обитал Князев.

—Так всё же это был Глеб. Ты знаешь, от него одни только ноги остались. Жаль, конечно, что ты с ним так поступил. Я сама хотела его убить. Но главное, что он уже мёртв. Что касается Упыря. Ему одна пуля в шею попала, а остальные броня остановила. Так что он выживет, хотя и крови изрядно потерял.

Лихо присела возле водяного.

— Послушай, Юз... Видишь, я даже знаю, как тебя зовут.

— Я-то же тебя знаю, Лихо, — перебил её Хромой.

— Дай угадаю, Валевский рассказал. Можешь не отвечать. Больше некому. Юз, зная Князя, могу предположить, что он тебе много чего обещал, лишь бы ты его отпустил. Но, судя по тому, что он там по всей комнате разбросан, ты уговорам не поддался. Я уверенна, тебя грызёт ненависть, хочется отомстить Извергу за то, что он сделал тебя псевдо.

Юз изменился в лице, казалось, что сейчас он с голыми руками кинется на лютую.

— Где он?

— Нет его здесь, — ответил Лихо. — Но ты взгляни на всю картину с другой стороны. Что тебя ждало в общине? Либо всю жизнь просидел бы в подвале, либо присоединился бы к псевдо. А так у тебя появился третий путь.

Лихо взмахнула рукой и вонзила метку в плечо Юза.

Водяной вскрикнул и затих. Добавившейся боли от присоединения метки оказалась достаточной, чтобы выбить из него сознание. Грудь медленно поднималась и опускалась, но Юз не шевелился.

Лихо бросила последний взгляд в комнатушку, на полу которой лежали останки Князя, и вышла прочь из квартиры.

На лестнице сидел понурый Гуль. Завидев Лихо он тут же спросил:

— Зачем он тебе? Добила бы. Такой подчиняться не будет. Только проблемы дополнительные появятся.

— Сама понимаю, — согласилась лютая. — Только он не мне нужен. Это указание Смотрителя. Доставить Юза живым к Арксу. Не знаю, что он затеял, но мне кажется, отставка Князя — это только начало. Как состояние Упыря?

— Дырявое состояние, — сказал Гуль. — Крови потерял изрядно, голосовые связки перебиты. Немым останется. В общем на ближайших пару дней он не дееспособен, но жить будет. Мы-то что дальше делаем?

— Изверг доложил — водяные к Арксу идут. Группа небольшая, но Смотритель задёргался. Надо их назад повернуть.

— Неужели Изверг сам не справится? — удивился Гуль. — Ну или крысёныша своего натрави на них.

— Крысы с другой стороны к Арксу направляются, только учитывая их слаженность и дисциплину, до крепости водяные доберутся раньше. А Изверг, боюсь, сам не справится. Там в группе все люди Валевского, так что они подготовлены и просто попугать их будет мало. Придётся кого-то убить.

— Посреди улицы лежал труп Валевского. Его только что гончий уволок, — сказал Гуль.

— И что с того?

— За всей этой процедурой из дома напротив наблюдал леший.

— Ты уверен, что это не был какой-нибудь крыса?

Лихо никогда не встречалась с лешими, но насколько знала, лесной народ в город не заходил. И то что рассказал сейчас Гуль тревожило.

— Морда раскрашена и света не боится. Это был леший.

— Ладно, с ними пусть Смотритель разбирается. Бери Юза и выдвигаемся.

Лихо в отличие от упокоенного Князя не была безумной, по крайней мере не настолько, и за это её уважали другие лютые. Задай Гуль столько вопросов бывшему командиру, давно схлопотал бы через метку активацию болевых рецепторов. Лихо же была другой, а к чему она приведёт отряд — время покажет.

Гуль послушно поднялся.

***

Шалыгин оторвал взгляд от монитора, откинулся в кресле и, томно вздохнув, закрыл глаза. Его вновь позвал Сад, а вместе с этим на тело набросилась боль. После пробуждения это был не первый приступ, и с каждым часом они становились всё чаще и злее. Пища уже не утоляла голод, лишь вызывала тошноту и рвотные рефлексы. Воду организм ещё принимал, но и от неё скоро начнёт сводить желудок. Вены на руках и ногах вздулись, не ровен час готовились лопнуть. Кожа от этого невыносимо зудела. Голова болела так, словно молотком череп пробить пытаются.

Смотритель умирал. Он чувствовал, что находится на грани. Организм сдавался, и, дай бог сил, протянуть ещё хоть пару дней. Игорь Юрьевич был всего лишь человеком, и не мог осилить всё, что на него пытался взвалить Сад.

Не исчислимое множество зёрен Сада, размером чуть больше атома, пронизывали всё на планете. Благодаря им старик мог бы слышать любое живое существо на Земле, ведь звук — это всего лишь вибрация. Но он слышал только лютых, и лишь благодаря меткам и нейросети. А вот голоса псевдо превращались в его голове в невыносимую какофонию из криков, стенаний и обрывков слов. Он мог бы заглянуть в самую дальнюю комнату в Тихих водах или пересчитать рыб на дне Тихого океана, но хватало сил лишь на то, чтобы увидеть буквы на первой странице закрытой книги. С помощью зёрен он мог бы управлять псевдо, выращивать леса в пустынях, а густые чащобы превращать в высушенные пустоши, рушить города и возводить новые. Он мог бы многое, — всех возможностей Смотритель даже не представлял — если бы не был простым человеком.

Шалыгин стиснул зубы и вновь взглянул на монитор. Над городом висел спутник, по улицам были установлены десятки скрытых камер видеонаблюдения, а высоко в небе кружили беспилотники. "Двенадцатка” позаботилась, чтобы из Аркса можно было следить за происходящими в городе событиями.

Игорь Юрьевич видел всё: нападение на Князя и его гибель, передвижения Буквы и уцелевших после резни театральщиков, а так же водяных, направлявшихся к крепости.

Для кучки спящих в криогенных камерах учёных Шалыгин должен был стать гарантом безопасности Аркса и их самих. Но они не

могли и представить, как отразится на человеке близость Сада, а ему тоже оказался нужен помощник. Насколько бы не был хитёр, разумен и просчитан план, всегда могут произойти неожиданные неприятности. Случайность — это палач для гениальных идей. Вот с ними и должен был бороться Смотритель.

Пока Шалыгин справлялся, ведь до сих пор все проблемы сводились к мелким конфликтам.

Небольшие неприятности со взбунтовавшимся Князем были решены быстро. Остальные лютые пока послушны, но они детище "двенадцатки", и поэтому в любой момент могут сорваться, как и Князев. Их тоже придётся устранить.

Есть ещё недопонимание происходящего в Южной. Если несколько дней назад южане проводили усердные боевые тренировки в общине, а их ходоки сновали по городу, то сейчас все вернулись в застенки общины и прекратились любые передвижения.

Самыми опасными и, что главное, непонятными были лешие.

При мысли о них Шалыгин занервничал.

Лешие — противоестественные существа. Леса вокруг города Сад не заселял псевдо, оставил их для зверья. Люди, жившие там после Шабаша, либо давно умерли, либо, изменившись, вернулись в город. Кто такие лешие и откуда они взялись, Сад не знал. Найти ответы на эти вопросы должен был Шалыгин, только сделать этого, он не мог. Игорь Юрьевич был слишком слаб, чтобы использовать хотя бы часть возможностей, дарованных Смотрителю.

Шалыгин поднялся и покинул пункт управления Арксом. Сад звал, и сопротивляться этому зову он не был способен.

Аркс безмолвствовал. Мрачные узкие коридоры с реагирующими на движения лампами, десятки закрытых дверей, ведущих в столовую, складские помещения, спальные комнаты, лаборатории и во множество иных мест — всё это давно наскучило Смотрителю, стало отвратным и противным.

Когда он добрался до двери в крио-спальню и заглянул в узкое окошечко, ему стало печально. На прямоугольных гробиках-капсулах, выстроенных по всему помещению в несколько рядом, мерно светились диагностические панели с показаниями состояния спящих. Все живые, здоровые и глупые.

— Глупые, — повторил в голос свою мысль Шалыгин.

Они хотят увидеть, во что превратится их мир. Может и увидят, только понять и ощутить всё величие происходящего им точно не суждено.

Смотритель отвернулся и пошёл прочь. Единственное что его радовало, так это пещеры под Арксом. Там был Сад. Лишь там старик получал успокоение.

Открыв дверь, ведущую из железобетонных внутренностей Аркса в холодный, каменный коридор, Шалыгин ускорился. Он практически побежал по закручивающемуся глубоко вниз переходу.

До пещеры было триста сорок восемь метров, Игорь Юрьевич давно уже измерял, и это расстояние казалось невыносимо длинным, если и вовсе не нескончаемым. Каждый шаг приносил трепет и волнение. Каждый метр унимал боль. Здесь она становилась смиренной и даже слегка приятной.

Проход выравнялся. Воздух стал сухим, а в конце коридора забрезжил яркий жёлтый свет.

Смотритель выбрался из прохода и застыл. Всё как и всегда. Буйство эмоций от увиденного — радость, счастье, робость, страх, мелочность — словно попал сюда впервые, словно предстал перед богом.

В центре громадной пещеры высился чёрный куб, испещрённый пульсирующими золотистым светом прожилками. Он был метров пятьдесят в поперечной и не лежал на основании, а стоял на одной из своих вершин, чуть касаясь ею земли. Казалось, вот-вот эта громадина грохнется, но не было на Земле силы способной сдвинуть его.

Из вершин куба во все стороны тянулись яркие отростки. Они разветвлялись, густо оплетая свободное пространство. Местами отростки соединялись в толстые ветви и вгрызались в землю. Они пронизывали всю планету. Тянулись по дну океанов, подо льдами Антарктиды, под всеми людскими города.

Тонкая ветка незаметно коснулась плеча Шалыгина. В его ушах завопили миллиарды голосов, нахлынули страх, радость, экстаз, нирвана и океан неописуемых человеческим языком чувств.

Старик закричал и упал на колени, а ветка прильнула назад к стене.

Сад тянулся к Смотрителю, только сам Смотритель не мог выдержать контакта.

— Потерпи, — зашептал Шалыгин. — Потерпи. Уже скоро.

Глава 22. Городские жители

Буква предпочёл бы идти один. Чем больше людей, тем больше шансов привлечь к себе излишнее внимание. Но сейчас выбора ему никто не давал.

Туман Мутный желал расправы над организовавшими нападение на театр лютыми, а в пути с Янусом или же возле самой крепости "чёрные" точно повстречаются.

Димка Чиж всегда был непоседливым и любил разведывать новые места. Тем более сейчас особо и деваться некуда. Театральная была в прошлом, а напрашиваться в Южную или Тихие воды ему не хотелось.

Сонная Ив не могла расстаться с Чижом и то же пополнила их компанию.

Из театральщиков только Сёмка Ветер не по собственному желанию пошёл за Буквой. Шаман передал ему весь рассказ водяного об Арксе и лютых, но Сёмке всё равно этот поход казался чем-то глупым и бессмысленным. Зачем идти в другой конец города, ради какого-то мизерного шанса на появление небольшого защитного "зонтика" от губительного света, когда здесь и сейчас есть театральщики, которым нужна помощь. Но Шаман хорошо знал своего ученика, и после недолгих убеждений, любопытство Ветра пересилило все опасения, и он согласился.

А ещё за Янусом увязался Тимоха Вьюн. Буква настойчиво требовал, чтобы мальчуган помог театральщикам, решившим идти в Тихие воды, и тот поначалу согласился. Вот только когда они разошлись: кто к водяным, кто к южанам, а кто к Арксу — Тимоха догнал Януса и напомнил ему, что они напарники, а напарники, как всем известно, в беде друг друга не бросают.

Причины идти к Арксу у всех были разные, но, не стоит лукавить, каждый из них надеялся застолбить для себя место под защитным куполом, если такой существует и будет включён.

Разрушенная община и потерянные жизни вызывали тоску, горесть и злость, но нужно было заботиться о живых. Кто-то из театральщиков высказал мнение, что нужно пройтись по руинам, вдруг отыщутся выжившие. Но стоило им сунуться в сторону театра, как

сразу желание осматривать завалы пропало. Повсюду сновали привлечённые грохотом гончие.

Буква влился в группу, направляющуюся в Южную. Его не покидало ощущение, что лютые даже сейчас не оставили округу без присмотра и, чтобы уйти незамеченным, стоит схитрить.

Район Театральной кишел гончими. Чтобы выбраться из подвала, ходокам пришлось подниматься через мусоропровод на второй этаж и выпрыгивать через окно с другой стороны здания. Дальше, рассчитывая каждый шаг, они обошли три ночлежки. В отличии от гончих отрешённым до взрыва дела никакого не было.

Как ходоки не скрывались и не вели себя тихо, но всё равно одного гончего подцепить умудрились. Заметил псевдо Сёмка Ветер, когда они отдалились от театра квартала на два и вышли на Фонтанную площадь.

В центре круглой площади, выложенной сероватой плиткой, высилась статуя — два ангелочка, сжимающих в руках букет тюльпанов, из бутонов которых когда-то и били струи холодной и чистой воды. По периметру площади были установлены скамеечки, чередующиеся с чугунными композициями: женщина с детской коляской; маленькие мальчик и девочка прячутся под громадным зонтиком; парень в очках сидит на стульчике и читает книгу... Композиций было много, но ходоков они не интересовали, а вот сам фонтан привлёк внимание, по крайней мере внимание Ветра. Из-за головы одного ангелочка выглядывал гончий.

Когда театральщики вышли на площадь, псевдо сразу выскочил из своего укрытия и стремительно скрылся в кустах, опоясывающих Фонтанную.

За площадью вдоль широкого проспекта потянулись ряды многоэтажек. Разграбленные офисы и жилые дома, магазины с опустевшими прилавками — Театральная перестала существовать, а в городе всё оставалось по-прежнему. Здесь же гончий и вовсе перестал прятаться. Ходоки шли по одной стороне улицы, а он — по другой, поглядывая на них жадным взглядом.

Проспект не был пустым. То тут то там между брошенных автомобилей ходоки натыкались на ночлежки. Их встречалось много, а это могло значить лишь одно — где-то неподалёку должен быть пастух. И вскоре они его увидели.

Громадный псевдо разместился в нешироком переулке, между "Продмагом" и "Оптикой". Пастух стоял без движения, казалось, это статуя, а не живое существо. Только хрипящее дыхание, которое ходоки услышали задолго до того, как увидели самого великана, выдавало в нём вполне-таки живую тварь, готовую в любой момент начать кромсать и топтать городовых.

Как только ходоки поравнялись с переулком, пастух зашевелился. Переставил одну ногу и вытянулся в полный рост.

Гончий исчез из виду. Даже ему с пастухом связываться не хотелось. Театральщики скрылись в доме напротив переулка и начали наблюдать, как дальше поведёт себя псевдо.

Пастух не спеша вышел на середину улицы и остановился. Отростки ощупали дорогу, после чего перекинулись на две ближайшие ночлежки. Пастух гладил спящих отрешённых, словно жалел их, а может и вовсе пересчитывал. Головой великан беспрерывно вращал из стороны в сторону.

Так продолжалось довольно долго. Кое-кто из театральщиков задремал на полу, иные предлагали попытаться бегом добраться до следующего дома, и так перебежками убраться подальше от пастуха. Туман, устав слушать бесполезный трёп, побродил по зданию и отыскал выход во двор. Только дверь оказалась прочной, и закрытой не менее крепким замком, а на окнах первого и второго этажей висели решётки. Зато нашёлся свободный переход в соседнее здание, а из него уже можно было выйти в любом направлении. Хоть на улицу к пастуху, хоть во двор, а можно и дальше через дома перебираться.

Пока ходоки шли через заваленные коридоры и комнатушки, пастух расхаживал по улице вдоль здания. Единожды он запустил внутрь свои отростки, но на второй этаж, туда где людей не было. И всё равно в тот момент ходоки замерли, пока над их головами пастух расшвыривал мебель, прощупывал пол и долбился в стены. Утолив своё любопытство, псевдо продолжил "вальсировать" между ночлежек.

Преследовавший ходоков гончий не показывался, но надеяться, что он потерял их из виду или вовсе сбежал было глупо. Скорее всего псевдо двигается следом скрытно как от людей, так и от пастуха.

Перебрались в соседнее здание. Вот тут Буква и понял, что лучшего места чтобы разделиться не найти. Выходов много. По улице

шастает пастух, а с ним конфликтовать даже лютые не захотят. Если выбраться из здания во двор, можно попытаться выследить "хвост".

Янус поделился своей идей с Туманом и Чижом. Оба театральщика согласились, а Мутный и вовсе предложил "завалить чёрного", если он и вправду появится.

Не стоит врать, такая перспектива Янусу понравилась. Лютые опасны, и избавиться от одного из них, было бы славно. Но в то же время нападать даже на одинокого "чёрного", даже имея перевес в количестве бойцов — риск неимоверный, на который Буква идти был не готов.

— Нет, убивать без необходимости не станем. Сейчас главное до Аркса добраться, — сказал он Туману.

Туман поник, но спорить не стал.

Те кто уходил в Южную были рады разделению, хоть и скрывали это. Меньшей группой проще будет добраться до общины, да и количество ртов поубавилось, что увеличивало шансы быть принятыми южанами.

Прощания были короткими. Пара рукопожатий, пара объятий, — и на этом всё.

Буква выскочил через окно на мягкую траву и затаился у стены. Двор, огороженный со всех сторон многоэтажками, безмолвствовал. Метрах в пятнадцати по правую руку Януса виднелась ночлежка, но опасаться, что сюда заявится пастух, чтобы её проведать, не стоило. Прямо через дома во двор вели две арки, и попасть сюда громадному псевдо будет проблематично. Следом из здания выбрались Вьюн, Туман, Ветер, Чиж и Ив.

Они пересекли двор, вновь укрылись в доме и тут же разделились.

Туман стремительно взбежал на второй этаж и затаился возле одного из окон, а Буква спрятался на первом этаже, на лестничной площадке и так же как и Мутный через окно начал наблюдать за двором. Теперь если кто-нибудь их преследует, то ему придётся пересечь двор, и тогда он точно попадётся на глаза либо Янусу, либо Туману.

Остальные ходоки схоронились в одной из дальних квартир, имея немного времени на отдых.

Тяжёлый, молчаливый, затянутый тьмой город был привычен ходокам, и Буква не был исключением. Только вот сидеть в полной

тишине, опасаясь слишком громко вздохнуть или высоко вытянуться над окном, ему претило и казалось невообразимо нудным и печальным. Куда интересней было бы развести костёр, достать из-за пазухи книгу и прочитать хотя бы пару страниц. Но вместо этого приходилось вглядываться в темноту, выискивая преследователя.

Голова была забита тревожными мыслями.

Он с детства знал Валевского, и ни разу Сергей Николаевич не сделал ему ничего плохого. Наоборот, после смерти матери Буквы глава Тихих вод стал для него самым близким человеком во всей общине. Он его воспитывал, кормил, одевал, брал с собой в город и всё время учил. Но сейчас Янус сомневался в старике. Почему так, он и сам не мог понять. Чуть заметная неискренность в глазах Валевского при последнем их разговоре и лёгкая дрожь в его голосе были первыми причинами сомнений Януса. И чем больше он думал, тем больше появлялось вопрос, вот только старика рядом не было, чтобы устроить ему хорошую встряску. Хотя, если здраво подумать, у всех людей есть тайны. И Валевский не может быть исключением, но ведь самого Януса он никогда не обманывал. Или же обман был, но таким изощрённым, что Буква так и не смог его распознать? Но в одном Янус точно был уверен — получить ответы можно не только у Валевского, но и в Арксе.

Янус долго сидел у окна, но "чёрные" так и не появились. То ли и вправду никто их не преследовал, то ли преследователь направился за остальными в сторону Южной. Второй вариант был вполне вероятен, потому что как только Буква занял свой пост, двор пересёк их старый знакомый гончий и скрылся в том направлении, куда ушли остальные театральщики. Псевдо не заметил группу водяного.

Буква взглянул на небо. Оно уже было не чёрным, как глубокой ночью, а стало тёмно-голубым. Звёзды поредели, а те что ещё были видны стали тусклыми. На город медленно накатывал рассвет.

Янус поднялся и, не таясь, направился к Туману. Пора оставить наблюдение и готовиться к днёвке.

Пока Янус и Мутный следили за двором, остальные ходоки не тратили время зря. Они закрыли окна в самой большой комнате квартиры, приволокли старый шкаф, чтобы прикрыть им дверь и разложили в центре комнаты небольшой костерок.

Когда солнце полноценно вступило в свои права, ходоки преспокойно отдыхали в темноте. Некоторое время молчали, а потом устроили Букве допрос. Первым заговорил Чиж.

— Я вот чего не понимаю, Янус, почему ты пошёл к Аркусу сам. Ну доберёшься, ну активируешь этот щит или купол... Называй, как хочешь. Но ведь туда сразу набегут все кому не лень. И крысы, и южане, да и мы бы в стороне не остались. Утащи меня гончий, если я не прав. Тебе и другим водяным места бы не хватило.

— А кто сказал, что из Тихих вод только я туда иду? — тут же ответил Буква. — Да и выдворить меня из Аркса будет непросто, если я туда доберусь.

— То есть за нами следуют водяные или они уже там? — насторожился Туман.

— Ты что же, красавчик, нас в ловушку ведёшь? — не смолчал и Ветер.

Янус пожал плечами.

— Если там и есть ловушка, то не нами организованная. Помимо меня к крепости идёт небольшая группа водяных. Основная их задача отвлечь на себя лютых. Ну и остальных, кто заинтересуется Арксом.

— Всё равно не понимаю, — не унимался Димка. — Чтобы закрепиться вокруг крепости понадобится хорошо вооружённый отряд, а не небольшая группа. Тем более не факт, что твои товарищи дойдут.

— Аркс и крепость — это не просто здание и большой подвал под ним, — устало сказал Буква. — Это комплекс домов на поверхности и множество помещений под землёй. К территории Аркса относится не только крепость, но и несколько частных коттеджей с большими подворьями. Все дворы оборудованы системой безопасности. Там есть камеры видеонаблюдения, скрытые пулемётные турели, минные поля и бог знает сколько ещё различных сюрпризов. Если я проберусь в Аркс, то смогу получить доступ к системе обороны.

Чиж негромко усмехнулся.

— Ну, ну. Янус, ты много в своей жизни компьютеров видел? — сказал он. — Вот попадёшь ты в Аркс, увидишь там кучу кнопочек, — и что дальше? Или ты думаешь, кнопок там будет всего две: включить купол и убить всех врагов в округе?

— Чиж, не нужно меня за дурака считать, — огрызнулся Буква.

— А я и не считаю тебя дураком. Просто хочу понять, чего мы можем достичь этим походом.

— Могилы можем достичь, — буркнул Туман.

— Я не один год к этому готовился, — сказал Янус и начал нервно теребить в руках свою шляпу. — Прочитал много технической литературы, разобрал не один найденный в городе компьютер. Несколько даже удалось включить. И Валевский много рассказывал о системах Аркса и о том, как активировать купол и оборону. Так что зря нервничаешь. Я справлюсь.

— Не сомневаюсь, — издевательским тоном проговорил Чиж. — Слушай, а тебе не кажется, что твой Валевский слишком уж осведомлён для обычного разведчика.

— Да чего вы к нему пристали? — не выдержала Ив. — Никто никого не тянул в эту ходку. Есть сомнения? Можете отваливать.

Как ни странно, но слова девушки подействовали на всех успокаивающе. И уже через пару минут Буква, а рядом с ним Вьюн и Сёмка Ветер дремали на полу. Туман сидел возле огня и что-то бубнил себе под нос, а Сонная и Чиж негромко перешёптывались.

День прошёл спокойно. В полдень — насколько можно было судить о времени, находясь в запертой комнате — началась гроза. По подоконнику забарабанил дождь. Лило беспрестанно несколько часов, и всё это время небо разрывалось от ярких вспышек, пробивавшихся через щели в оконных заслонках, а округу глушил неистовый гром.

Но после заката, когда ходоки вновь выбрались на улицу и пустились в путь, стихия утихла. О дневной непогоде напоминали непомерные лужи и приятный запах свежести.

Ходоки даже повеселели от таких ароматов. Вот только веселье схлынуло, а беспечные разговоры прекратились напрочь, как только они прошли три квартала и из дворов вышли на проспект.

Здесь они оказались не одни.

По улице в сторону крепости шли крысы. Восемнадцать человек, как успел пересчитать их Чиж, сидя за мусорными контейнерами.

Это было удивительное и страшное зрелище. Удивительное тем, что крысы никогда не собирались в такие большие стаи. Да и шли они слишком тихо и спокойно, как для постоянно галдящих отморозков. Словно Гамельнский крысолов их ведёт, как выразился Янус. Про какого крысолова говорил Буква, никто из ходоков не понял, но менее

странным шествие крыс от этого не становилось. Вместе с удивлением, появилось опасение. Дисциплинированные крысы могут наделать гораздо больше бед.

— Тебе не кажется это слишком странным совпадением, вместе с появлением в городе лютых, кто-то объединил крыс, — после того как шествие отдалилось от ходоков, Туман обратился к Букве.

— Совпадения разные бывают, — ответил тот, — но только сейчас я думаю это несовпадение. И идут они как раз в сторону крепости.

— Что делать будем? — прошептал Сёмка Ветер.

— Вы как хотите, — сказал Буква, — но я назад не отступлю. Попытаюсь их обогнать и добраться до Аркса первым.

Чиж поочерёдно встретился взглядом со всеми остальными театральщиками, замер на пару секунд, глядя на Ив, и после ответил:

— Мы с тобой, а если придётся жалеть, то потом.

Буква незаметно вздохнул. Одному всё-таки было бы проще. Но бежать от театральщиков не стоит. Не ровен час, можно нажить себе новых врагов.

Перед тем как идти дальше, нужно было решить ещё одну проблему.

— Тимоха, иди сюда, — позвал Янус.

Вьюн вынырнул из-под его руки. Мальчик всё это время был рядом, но так неприметно и тихо, что на него никто не обращал внимания. Самому Вьюну даже начало казаться, что про него вовсе забыли.

— Что случилось, напарник? — протараторил он.

— У меня для тебя специальное задание, — сказал Янус. — Знаешь на окраине города военно-тематический парковый комплекс? Там где пушки и танки стоят.

— Знаю, конечно, — кивнул мальчуган.

— Возле парка есть улица Вольская. Длинная, с двумя рядами коттеджей, — продолжал Буква. — Крепость — это дом номер восемь по этой улице, а под ним — Аркс.

— Ух ты, — удивился Вьюн.

— Дорогу до Южной тоже знаешь?

И вновь Буква получил утвердительный ответ.

— Ты сейчас осторожно, но быстро шпаришь к главе Южной за помощью. Про Аркс никому кроме Самаева ничего не говори. Главе

скажешь, что Буква попал в беду и ему нужна помощь. Будет отнекиваться, скажи, что пора отдать долг Валевскому. Он поймёт. Всё запомнил?

Вьюн кивнул и замялся:

— Буква, а ты уверен, что мне стоит тебя бросать? Мы всё же напарники.

Янус улыбнулся. Криво, даже слегка страшненько, но Тимоха не испугался, а растянул губы в ответ.

— Я всё понял. Я справлюсь, Буква. Я приведу помощь, — договорил Вьюн и исчез в темноте.

Туман хлопнул Януса по плечу и невесело проговорил:

— А ты ещё та скотина, пацана одного в Южную отправлять. Это же другой конец города. Если и дойдёт живым, то помощь к нам уже не успеет.

— Дойдёт, — не глядя на театральщика, ответил водяной. — Только помощи всё равно никакой не будет. Ни мне, ни Валевскому глава южан ничего не должен.

— Не понял, — осёкся Чиж. — А зачем пацана тогда отправил?

— Я ему жизнь спасаю, — бросил Буква и двинулся вдогонку за крысами.

Глава 23. Одиночество Вьюна

За последние годы Тимоха впервые остался совсем один. В Тихих водах мальчуган всегда находил местечко, где можно было спрятаться от чужих глаз и помечтать, но даже тогда его от людей отделяли единичные метры. Сделал шаг, другой, — и с тобой уже здороваются, тебе улыбаются, над тобой подшучивают.Сейчас всё было иначе. Знакомые и друзья остались далеко за спиной, а впереди простирались дома злобного города. Любой другой ребёнок на его месте, наверное, испугался бы, но только не Вьюн. Он был взволнован.

Вот он город. Прямо перед ним. Такой каким он был в детстве, когда дикий Тимоха прятался, рыскал и убегал. Но сейчас было главное не выживание, а как можно быстрее добраться до Южной и позвать на помощь. А до Южной далеко. Весь город нужно пересечь.

Можно было пройти через центральные районы Старопесковска. Это самый короткий путь, но в то же время самый опасный. Там слишком много открытого пространства, и, как следствие, уйма отрешённых и гончих.

На окраине в основном хозяйничают изгои и крысы. От изгоев несложно спрятаться, а крысы, судя по последним событиям, сконцентрировали своё внимание на крепости. Обходным путём идти гораздо безопасней, но в то же время и в разы дольше.

"Время — вот что сейчас важно", — решил для себя Вьюн и направился в Южную по прямой, через центр.

Город за годы без путешествующего по нему Вьюна не изменился. Всё те же запустелые дома и скверы с поникшей зеленью, ночлежки отрешенных и блуждающие по пустым переулкам никому не нужные изгои. Город как и раньше жил жизнью псевдо.

Вскоре Тимоха успокоился. Достал из заплечной сумки вяленую рыбёшку и начал не спеша грызть её. Идти по улице он не решился. Если встретить крысу или изгоя, ещё можно улизнуть через какую-нибудь дыру в заборе или заскочить в ближайшее здание и там спрятаться, но вот удрать от попавшегося на пути гончего проблематично. Вьюн знал это не понаслышке, а по собственному опыту и поэтому шёл домами и небольшими двориками. Конечно, за

любым укрытием — которых в таких двориках было вдосталь — мог скрываться псевдо. Но Тимоха доверял своему слуху, который не раз уже доказывал, что даже притихшие в засаде гончие слишком громко дышат, а крысы и изгои и вовсе не умеют вести себя тихо.

Так произошло и сейчас.

Тимоха только успел перебежать от одного дома к другому, как из темноты прилетело хриплое дыхание, а следом раздались шлёпающие шаги. Вьюн зацепился руками за подоконник ближайшего окно, подтянулся и влез в квартиру. Далеко уходить не стал, притих прямо под ним.

Вьюн даже жевать перестал. Ведь не один он обладает отменным слухом. Прошло с полминуты, и снаружи под окном кто-то громко и противно закашлял. Мальчуган скривился.

Что-то грохнуло о стену, зашуршало по облицовочной плитке. Псевдо рыкнул. Такие звуки может издавать только изгой.

Шаги начали удалятся, но Вьюн всё так же сидел без движения. Он пялился на свои ноги, а в голове вертелась тревожная мысль:

"Я начал совершать ошибки. Слишком расслабился в общине".

На его ногах красовались кожаные ботинки, подаренные Буквой. Тёплые, мягкие и удобные, но в то же время очень шумные. Если идти по траве, то слышно не будет, но на твёрдой поверхности шаги будут дробью лупить слух всех, кто окажется рядом.

Вьюн разулся. Потом сбросил куртку, кофту и майку. Майка была на несколько размеров больше, чем нужна худенькому мальчишке. Из неё получились отличные портянки. Тимоха перемотал ими ноги. Потопал на месте и остался доволен. Тепло, мягко и, главное, тихо. Порезать стопы он не боялся. Они и так были все в шрамах.

Хотел было спрятать пока ненужные ботинки в сумку, но обувь оказалась слишком громоздкой и пришлось с Буквенным подарком на время расстаться. Вьюн запихнул ботинки в вентиляционную шахту под потолком. Главное сейчас выполнить задание и помочь друзьям, а их можно и потом забрать.

Тимоха не стал выбираться назад на улицу через то же окно, а, продолжая лакомиться рыбкой, прошёл в соседнюю квартиру и выскочил на углу дома, отдалившись тем самым от изгоя ещё на пару десятков метров.

Чем ближе он приближался к центру города, тем реже становились дома, а улицы ширились и наполнялись ночлежками. На одной из улиц, ещё не сильно загруженной отрешёнными, Вьюн встретил крыс. И вновь они удивительно смиренно и тихо двигались в сторону военно-тематического парка, туда где находился Аркс. Буква не зря послал его в Южную. Слишком большие силы стягивались к крепости. Без помощи южан у Януса и театральщиков нет никаких шансов пробраться в Аркс. Даже просто уцелеть будет сложно.

Когда крысы отошли на приличное расстояние, Тимоха ускорился. На тихих и пустынных улочках или в коридорах, не перекрытых баррикадами, он переходил на бег, за что вскоре и поплатился.

Город псевдо не терпит спешки.

Вьюн покинул большой торговый центр и спустился по широким ступеням, обрамлённым по бокам высокими перилами, на мощённую плиткой пешеходную улицу. Напротив буквально в метрах пятнадцати от мальчугана раскинулось огромное, увенчанное куполом здание центрального кинотеатра Старопесковска. "Звёздный дождь" — так называлось это увеселительное заведение.

Тимоха бывал здесь и раньше. Ему нравилось дневать в кинотеатре. В огромном зале, на триста двадцать пять мест, на первых рядах были установлены удобные мягкие диваны. На них маленький Вьюн провёл не один день. Ко всему прочему в кинотеатре было много мест, где можно спрятать от псевдо или от крыс, а в случай бегства "Звёздный дождь" предоставлял для этого пять открытых выходов.

Вот туда сейчас и направлялся Вьюн. Если пройти через кинотеатр и выйти с другой его стороны, то можно сократить путь до Южной как минимум на три квартала.

Тимоха загляделся на тускло освещённый светом звёзд купол и чуть было не пропустил подкравшегося гончего. Скрежет когтей по плитке — вот что привлекло внимание мальчугана. Тихого звука, словно лист ветром погнало, хватило Вьюну, чтобы ощутить как близка погибель. Всего метр, максимум — два, отделяло его от псевдо. Тимоха сделал ложный рывок вперёд, в сторону кинотеатра, а потом стремительно взмыл назад по ступеням в магазин. В "Звёздном дожде" он с лёгкость укрылся бы от гончего, но вот пересечь злосчастную улицу, чтобы добраться до кинотеатра, ему бы не удалось. На ровной местности гончий его настигнет в два прыжка. А в заставленном

стеллажами с кухонной посудой магазине можно было попытаться удрать.

Сбитый с толку манёврами жертвы псевдо сиганул было к кинотеатру наперерез Вьюну, а потом и вовсе на секунду остановился, подарив тем самым короткую, но столь необходимую Тимохе фору. И когда гончий влетел в магазин через разбитую стеклянную дверь, Вьюн уже схоронился среди стеллажей.

Самый действенный способ избавиться от гончего — основательно спрятаться, а это Вьюн делать умел. Псевдо полазает по помещениям. Может где-то что-то разломает или перевернёт, а потом уйдёт на поиски другой жертвы. Только вот патрулировать магазин он может до самого рассвета, а Вьюну так долго ждать нельзя. Чего бы такого хитрого предпринять, чтобы быстро избавиться от твари, Тимоха пока придумать не мог. Мальчуган сжался комочком под полками, заставленными тостерами и мультиварками, и слушал, как псевдо неспешно и размерено расхаживает по помещению. Вот он заскочил на стол. Тут же на пол грохнулся громадный телевизор и со звоном рассыпался на куски. Гончий спрыгнул на пол. Под его лапами захрустело стекло и зашуршал упаковочный пенопласт. За всю свою короткую жизнь Тимоха не слышал звука противнее. Мальчуган дёрнулся, да так что плечом врезался в стеллаж. Звук получился негромкий, но его хватило для псевдо, чтобы определиться с направлением поиска.

Гончий в три прыжка оказался рядом с Вьюном и четвертым — заскочил на среднюю полку стеллажа. То ли работники магазина поленились крепить стеллаж к полу, то ли они его так часто переставляли, что не стали этого делать, но как только гончий запрыгнул на полку весь стеллаж пошатнулся. Две металлические ножки оторвались от пола, и вся конструкция накренилась. С грохотом на пол посыпалась техника.

Тимоха выкатился из укрытия и что есть силы толкнул стеллаж дальше, не дав ему стать на прежнее место.

Ждать результата мальчуган не стал, а сразу побежал через торговый зал к выходу. В округе была тишина, поэтому грохот от падения стеллажа был невероятным. Словно в пол выстрелили из пушки, но не снарядом, а металлической дробью смешанной с кусками стекла. Грохот, скрежет и звонкие удары разлетелись по зданию, а

потом и по улице. Следом за ними громко заверещал гончий, то ли от боли, то ли от досады, что жертва его обманула.

Но сдаваться псевдо не собирался.

Вьюн уже спускался по ступенькам на выходе, когда грохот от падения стеллажа сменился канонадой от разлетающейся в стороны бытовой техники и скрежета когтей по плитке. Гончий шустро выкапывался из-под завала.

Тимоха побежал через улицу к спасительному "Звёздному дождю". Бегун он был отличный для своих годков, но, правду сказать, где такому юнцу тягаться с гончим.

Шум в магазине прекратился, а за спиной мальчугана послышалось тяжёлое дыхание. Псевдо нагонял свою жертву, причём очень быстро.

Вьюн влетел в фойе кинотеатра, на бегу сбросил куртку и рюкзак и нырнул в распахнутое окно кассы. Такой трюк он проделывал и ранее. Окошечко узкое, как раз по размерам Вьюна, а гончему придётся труднее протискиваться, если вообще рискнёт.

Голова, плечи и грудь уже были с другой стороны. Вьюн изогнулся. Ухватился руками за край стола и потянулся дальше. Но пролезть полностью не успел.

Псевдо ухватил мальчика за ноги и потянул к себе. Вьюн замахал ногами, пытаясь отбиться. Он заверещал, до боли вжал пальцы в стол. Гончий начал дёргать Тимоху из стороны в сторону. Мальчик кричал, но не сдавался. Так продолжалось не долго. Псевдо отпустил одну ногу. Вторую обхватил двумя лапами, одной выше колена, другой — ниже, и заломил ногу. Хрустнули кости. Одна пробила кожу и оттопырилась под штанами. Вьюн неистово завыл от боли. Испуганные глаза наполнились слезами, и он отпустил стол.

Псевдо одним движением вырвал пацанёнка из окошка кассы и, держа за здоровую ногу, поволок на улицу.

Вьюн был в сознании, и даже боль от перелома стала вроде как слабее. Но тело отказывало повиноваться, а разум находился на грани бессознательного состояния. Тимоха врезался затылком о невысокий порожек. Проскрёб ладонями по тротуарной плитке, содрав кожу и один ноготь.

Неожиданно псевдо выпустил его, злобно зарычал и забегал вокруг мальчишки. Рядом послышались невнятные, но грозные крики,

и гончий сдался. Последний раз огрызнулся и унёсся прочь.

Боль была такой, что о бегстве мальчик даже не помышлял. Он лишь приподнял голову и взглянул на двух подошедших к нему мужчин. Его спасителями оказались лешие.

У обоих кожа была смуглая, а не белая как у городовых. Их лица покрывали таинственные и непонятные символы.

— Мне нужно в Южную, — заскулил Вьюн.

Один из леших молча поднял мальчика на руки и понёс обратно к кинотеатру. Второй направился следом.

Вьюну стало страшно.

Глава 24. Неразлучные

Крысы подходили к Арксу группами. Они не знали, чем так ценна крепость, что их всех сюда согнали, но им эти тонкости были не нужны. Главное — охранять дома, указанные Хмелем и Лихо.

Все старания "чёрной" были не зря. Кнутом по стаям крыс прошёлся Хмель, потом добавила страха Лихо, а на пути к Арксу подбросила сладкий пряник — выдала им один из запасников лютых. Крысы с огромной радостью разнесли крепко закрытый подвальчик в одном из частных домов Старопесковска. Вначале обнос открытого лютой запасника выглядел хаотично и сумбурно. Крысы хватали всё, что подворачивалось под руку. Вырывали друг у друга самое ценное на их мнение. Даже началась драка из-за тушёнки. Лихо собиралась было убрать парочку самых оголтелых крыс, но тут вмешался Хмель. Он быстро усмирил разбушевавшихся, заставил сложить всё из запасника в одну кучу и вынести наружу.

— Теперь мы вместе! Ясно вам! — орал тогда он. — Никто больше не жрёт в одно хлебало! Делим всё и на всех, иначе опять превратимся в дерьмоедов подвальных!

Припасы, одежда, медикаменты, фонари, батарейки к ним и уйма иной мелочи, что выгребли крысы из подвала и разделили между собой, подействовали невероятным образом на них. Смирение и страх, а между тем гордость и повиновение витали среди крыс.

Хмель хотел взять ещё и несколько винтовок для поднятия боевого духа, но Лихо сделать этого не позволила. Рано ещё им хвататься за огнестрельное оружие, неровен час перестреляют друг друга.

Всего за несколько дней из разобщённых оборванцев, шныряющих по подвалам, Лихо сумела собрать хоть не армию, но немалый отряд. И теперь всё увеличивающаяся стая окружала крепость.

Лютая сидела на скамейке у невысокого забора и разглядывала мельтешивших то туда то сюда крыс.

Гремели чем-то и громко горлопанили в доме напротив. Прямо на дороге с обеих сторон крысы строили баррикады из мебели. Жгли

костры. За одной из баррикад по центру дороги сидел Поводырь и Гуль, а вокруг них шныряли изгои. Эту компанию бандиты обходили стороной.

Рядом с Лихо, понурив голову, сидел Юз. Всю дорогу сюда водяной молчал. Ничего не ел и даже не пил, из-за чего сильно обессилил. Даже сидя на скамейке, шатался из стороны в сторону, чуть не падая.

Но Лихо он не волновал. Юз нужен Смотрителю, а не ей. Старик просил привести водяного живым к крепости, — она и привела. Вот только внутрь Аркса Шалыгин её не пустил. Сказал ждать, а Юза держать ближе ко входу в бункер. Вход же находился в трёхэтажной домине за её спиной. В подвале в маленькой подсобной комнатушке была скрыта невысокая, но массивная металлическая дверь, а за ней — лифт, ведущий прямиком в Аркс. Лихо не сомневалась, что в городе есть и другие, запасные входы, но ей они были не известны.

— Уже тридцать два, — весело заговорил подошедший Хмель и отхлебнул виски из бутылки, найденной в запаснике. — Идут, уродцы, и идут.

Хмель спихнул Юза со скамейки и сам сел рядом с Лихо. Водяной, грохнувшись на бок, даже не пискнул, а так и остался лежать на траве.

— Что с этим мясом не так? — Хмель саданул ботинком Хромого.

— Не знаю, — лениво ответила Лихо. — Может двинулся, а может на него так метка подействовала. Тебе-то что?

Хмель пожал плечами.

— Да пофиг. Меня другое интересует, зачем столько дёрганья из-за пары-тройки водяных? Вы бы и без нас их порешили.

Лихо не могла ответить, по той простой причине, что сама этого не знала. Ведь и взаправду любой из лютых мог бы убить ходоков, но Смотритель настойчиво требовал, чтобы их не убивали, но в то же время и не подпускали к Арксу.

Хмель задал следующий вопрос, но уже тихо и даже с опаской в голосе:

— И какого лешего мы вообще здесь делаем?

— Мы здесь потому что, так нужно, — ответила Лихо.

— Кому нужно? — не унимался Хмель. — Чего такого ценного мы охраняем?

Лихо даже не повернулась в его сторону. Один спокойный вздох, незаметное стремительное движение — и её кинжал уже был возле горла крысы.

— Что-то ты слишком много вопросов задаёшь. Сомнения закрались?

Хмель опустил взгляд на приставленное к горлу лезвие и спокойно отпил из бутылки.

— Сомнений нет, сожрите меня изгои! Я с тобой до конца. Просто хочу понять, не маячит ли этот конец рядышком.

— А ты об этом не думай, Хмель. Сейчас погибель всегда рядом ходит, — не убирая нож, сказала лютая. — Зазевался — гончие к отрешённым утащили или свои же крысёныши шею свернули. Задал неверный вопрос — заполучил кровавую улыбку от уха до уха.

Лихо встретилась взглядом с крысой. В его глазах не было ни толики страха, разве что Хмель был искусным актёром, что было сомнительно.

— Ты, Лихо, правду говоришь. В нынешнее времена сдохнуть дело плёвое. Поэтому я с тобой и связался. Жить хочу. Не знаю я твоих планов, но вдупляю одно — я тебе нужен, чтобы командовать этим сбродом. Но только чтобы всё было как можно эффективнее, я хотел бы иметь хоть общую картину. Что? Где? И зачем?

Лихо убрала кинжал стремительно и незаметно. Хмель был прав, только рассказать ни об Арксе, ни о Смотрителе она не могла. Шалыгину может не понравится исповедь лютой.

— Рано тебе ещё знать, — жёстко сказала Лихо. — Ты просто делай, что тебе говорят и будешь жить. Так и до старости дотянешь. Всё! Вали!

Крысе не понравилось, что лютая не захотела отвечать на его вопросы, а вновь оставила в неведение, но требовать что-либо, он всё равно не мог и поэтому поднялся и поволокся прочь.

Лихо задумалась. Переиграть Смотрителя сейчас ей не по силам. Ведь для того чтобы выиграть нужно знать правила и смысл игры. Но ни первое, ни второе ей не было известно. Одно пока успокаивало. Всё что делается, ей самой не несёт вреда.

Лихо отбросила в сторону всю бестолковую демагогию и задумалась о насущном. Если от подбиравшихся к крепости водяных угрозы она не чувствовала, — за ними неустанно наблюдал Изверг —

то пропажа верного Валевскому Буквы настораживала. Пусть планшет, найденный в "семёрке", уничтожен, но был ещё и у Увальня ключ от Аркса, а что с ним случилось, Лихо не знала.

Поводырь следил за выжившими театральщиками. Но в один момент он их потерял из виду, и когда вновь отыскал группа беженцев, она уже поредела. Буква и ещё несколько ходоков ушли в неизвестном направлении. По крайней мере никто из допрошенных Поводырём ходоков не смог ответить, куда те подевались.

В общем, попытку Буквы проникнуть в Аркс и ждала лютая, окружая коттедж крысами.

Лихо приказала Гулю и Поводырю начинать патрулировать округу. Потом переговорила с Извергом. Он окончательно рассеял все сомнения касательно водяных. Они движутся именно к крепости, а значит, пора их разворачивать.

Лихо одобрила атаку на водяных, но предупредила, что убивать их можно только в самом крайнем случае. При этих словах она услышала, как Изверг засмеялся. Убивать он их и не собирался.

"Чёрная" бросила небрежный взгляд на скамейку, потом под неё и выругалась. Юза рядом не было. Водяной сбежал.

Глупо, конечно, с его стороны. Ведь с меткой в плече ему никуда не деться. Лихо закрыла глаза, отринула прочь все мысли из головы и сосредоточилась на Юзе.

"Дальним взглядом" она ещё ни разу не пользовалась, поэтому и вздрогнула, когда перед закрытыми глазами стала стена в цветастых голубых обоях. Лютая увидела руки Юза. Водяной как раз смотрел на них. Не чётко мелькнул узорчатый паркет. Юз задрожал и завалился на бок.

Удивительно, но Хромой убежал как раз туда куда и надо. Сейчас он находился в подвале возле ведущего в Аркс лифта.

"Бог с ним! — решила Лихо. — Пусть там и сидит. Только нужно парочку крыс туда поставить. Пускай за ним присмотрят."

***

Водяные шли быстро и без помех, но Вестника не оставляло ощущение неустанной слежки за ними. Прошли через дюжину домов. Не единожды останавливались в комнатах и за углами. Пересекали широкие улицы, а потом караулили — кто пойдёт следом. Но все попытки выявить преследователя были тщетны.

Волнение росло. Чем ближе они подходили к Арксу, тем ярче проявлялась тревога в рядах водяных. Молчание укоренилось уже через пару кварталов, как они отошли от спасательной станции. Сейчас же появились новые признаки нервозности. Ёжка начал грызть ногти на руках. Откуда он только взял такую противную привычку. Ясень и Креп хватались за оружие, заслышав мало-мальски подозрительный шорох. Егоза не отходила от Вестника ни на метр, словно только рядом с ним она была в безопасности. А сам Вестник был спокоен, по крайней мере выглядел таковым.

Он не гнал от себя девушку, но в то же время и не пытался строить из себя её ангела-хранителя. Все кто был рядом, находились здесь по своей воли. И Креп, и Ясень, и Ёжка могли не пойти к крепости, отказаться становиться отвлекающим манёвром для успешного похода Буквы. Но они согласились, хоть и понимали на какой риск идут. А вот Егоза пошла не в Аркс, а следом за Вестником. Ей было всё равно куда идти: то ли к крепости, то ли в лес к лешим или вовсе прямо в ночлежку ломиться. Её любовь — это её безумие и ей же за него страдать.

Вестник ждал нападения. Лютые не могли близко подпустить их к цели. Валевский говорил, что убивать они не станут, но покалечить могут. Хотя, вспоминая как Изверг поступил с Хромым Юзом, он начинал сомневаться в истинности слов главы Тихих вод. Но отступать всё равно нельзя. Слишком многое поставлено на карту.

Но как не подготавливали себя водяные к неизбежной схватке, всё случилось неожиданно.

Когда они добрались до окраины парка начало светать. На небе тускнела пара звёзд, самых ярких и долгоживущих. Между домов, отражаясь от уцелевших окон, побежали первые лучики солнечного света. Вестник завёл группу в швейный цех одной из многих частных фирм Старопесковска. Цех был небольшой. Вмещал в себя два тесных ряда швейных машин и небольшой проход между ними. Огромные окна позволяли солнцу дотянуться до любого уголка этого маленького предприятия. И только расположенный в этом же здании склад не имел окон. Там то и остановились ходоки. Решили сделать короткий привал. Следовало подготовится к дневному походу.

Только Егоза уселась на смердящий сыростью рулон ткани, а ребята начали доставать из вещмешков и рюкзаков провиант и одежду,

как в склад ворвался Изверг.

Это как быть готовым к смерти. Ты можешь знать точную её дату и время по минутам, но всё равно она будет неожиданной. Ходоки ждали нападения — и были застигнуты врасплох.

Первый нокаутирующим ударом был повержен Ёжка. Он стоял ближе всех ко входу и поэтому даже не успел понять, что произошло. Лютый в движении опустил тяжёлый кулак прямо ему на макушку, и Ёжка осел мешком.

Изверг продолжил стремительный наскок. Следующим на его пути был Ясень. Нужно отдать должное ходоку. Он успел замахнуться битой и даже нанести удар. Вот только пользы это не принесло. Лютый перехватил оружие у самой своей головы и выдернул его из рук нерадивого водяного. В ответ саданул наглого ходока ногой в грудь. На этом бой Ясеня закончился.

В этот момент Креп бросил копьё. Быстро, метко и неожиданно для Изверга. Метнул он его не наобум, а целясь в ногу, в коленный сгиб. Там броня "чёрных" была особо уязвима. Только цель двигалась слишком шустро. Широкое лезвие прошло по касательной, что только обозлило лютого.

Вестник выхватил из-за пояса Егозы топорик, а саму девушку толкнул в тюки с тканями.

— Прячься!

Изверг танком попёр на Крепа. Второе копьё ходок бросать не стал, а выставил перед собой. Если ноги достать не удалось, можно бить и спереди, по плечевым или локтевым суставам, в глаза или рот, а лучше всего — в шею.

Креп чуть ли не врос ногами в пол. Напор лютого будет мощным. Вот только добраться до ходока "чёрный" не смог. Вестник бросил топор Егозы и угодил обухом лютому в левый висок. Изверг остановился и пошатнулся. Бросок ходока оказался неожиданно действенным.

Креп не стал терять время и нанёс удар копьём в шею. Но "чёрный" угадал его манёвр. Перехватил летящее на него копьё и рывком увёл в сторону. Да так что Креп отлетел следом и упал на всё ещё бессознательного Ёжку.

Вестник рванул вглубь склада. Изверг направился следом. На притихшую Егозу лютый не обратил внимания. То ли не посчитал её

угрозой, а может решил оставить самый лакомый кусочек на потом, но скорее всего вперёд погнала гордость. Ведь его ощутимо ударили в голову!

Вестник петлял между тюков и перескакивал через рулоны ткани. Он не верил, что сможет сам остановить Изверга, но в его силах было потянуть время и дать возможность восстановиться остальным.

Ходок упёрся в бетонную стену. Каким же маленьким оказался склад. Справа вдоль стены поднималась металлическая лестница. Водяной взметнулся по ней вверх. Деваться было некуда, в спину уже дышал лютый.

Вестник поднялся по лестнице, плечом распахнул дверь и влетел в явно обжитый кем-то кабинет.

В углу стояла железная кровать. Стол, установленный вертикально, закрывал единственное окно в помещении. По полу были разбросаны одежда, пустые бутылки и железные банки, но ничто из этого сейчас не могло помочь ходоку. А вот стоящему за дверью громоздкому шкафу можно найти применение. Вестник захлопнул за собой дверь, а шкаф повалил поперёк входа. Тот с треском рухнул на пол, аж дверки вывалились. Одновременно с этим Изверг протаранил входные двери.

"Выдержит три четыре удара, — и лютый здесь", — с грустью констатировал ходок и сжал покрепче свои ножи.

Он ошибся. Уже при втором ударе шкаф развалился картонным домиком, а дверь раскололась на две части и отлетела к противоположенной стене.

Как только Изверг переступил порог, водяной пошёл в атаку. С неистовым криком он подлетел к лютому и начал наносить ножами удар за ударом, но "чёрный" с лёгкостью их парировал. Уход в сторону, блок рукой, отведённое плечо, короткое отступление, а потом ответный удар. Вестник отскочил вглубь комнаты. Кулак лютого пролетел прямо перед его лицом. И вновь рывок на "чёрного". Следом — ответный бросок.

За спиной Изверга в дверях появились Крепыш и Егоза.

"Дура, а ты чего припёрлась", — отвлёкся Вестник, за что сразу и поплатился.

Изверг двумя невероятно быстрыми ударами выбил из рук ножи и, ухватив ходока за шею, поднял его над полом.

Дыхание перехватило. Казалось, сожми ещё чуть сильнее и горло превратится в тонкую трубочку.

Вестник обхватил голову лютого и вдавил пальцы в глаза. Изверг зарычал от боли и швырнул ходока в подпиравший стену стол. Столешница пробила прикрывавшее до этого хлипкое окно и вывалилась наружу, а вместе с ней выпал и Вестник.

В комнату хлынули потоки утренних солнечных лучей, осветив падающего на колени Изгоя, за долю секунды до этого Креп вонзил копьё "чёрному" в ногу, практически прошив её навылет и расколов коленную чашечку. Следом подскочила вопящая Егоза и начала рубить топором Изверга по шее. Она кричала громко, а била долго и сильно. Попытайся её сейчас кто-нибудь остановить, тут же получил бы очередной удар, но уже по себе. Креп это понимал и, не пытаться успокаивать Егозу, побежал вниз за одеждой.

На освещённую солнечным светом девушку брызгала кровь, но она не останавливалась до тех пор, пока голова "чёрного" полностью не отделилась от тела.

Егоза выронила топор и подошла к разбитому окну. Свет до боли резал слезящиеся глаза, но всё же она набралась сил и взглянула вниз. Вестник упал прямо в толпу отрешённых, и теперь пленённый их хваткой стоял свесив голову. В то что он умер, Егоза верить не хотела. Псевдо вокруг было много. Десятков пять отрешённых толпились на заасфальтированной площадке, а по её краю расхаживал пастух, не оставляя ни единого шанса спасти Вестника.

Вернулся закутанный в одежды Креп. Он накинул на Егозу плащ и попытался отвести её от окна. Но девушка отбросил накидку, а самого Крепа грубо оттолкнула.

— Уйди! Уйди! — закричала она.

В её голосе было столько злобы, что Креп отступил. Даже появившиеся за его спиной Ёжка и Ясень не вымолвили и слова, лишь понуро остановились у входа.

Чтобы не думала Егоза, но Вестник был дорог многим.

Глава 25. Недолгое затишье

В то время как Егоза обречённо следила за попавшим в ночлежку Вестником, а Креп топтался рядом и не знал, как помочь другу, Буква настырно искал подход к крепости. А ведь было над чем поразмыслить.

До восхода солнца он и компания театральщиков успели осмотреть с безопасного расстояния занятый крысами район вокруг крепости и убедиться, что бандиты разместились удивительно грамотно. Это был ещё тот стратегический кульбит для крыс, и здесь явно не обошлось без лютых. В доказательство этому на одной из улочек театральщики заметили толпившихся изгоев, а среди них, по-хозяйски сложив руки на груди, стоял "чёрный". При виде лютого на лице Тумана вздулись вены. Ещё свежи были раны, полученные при гибели Театральной. Янус даже начал беспокоится, не совершит ли глупости Мутный. Но театральщик сдержался.

Когда солнце выглянуло из-за горизонта театральщики спрятались в одном из домов в конце улицы, на которой располагалась крепость. Только Буква не пошёл в укрытие. Ему хотелось взглянуть, что с восходом предпримут крысы.

Крысы попрятались по ближайшим к Арксу домам. На улицах остались лишь снующие от коттеджа к коттеджу патрули. Укрытые одеждами, с тёмными очками на глазах патрульные часто сменялись, и поэтому практически ни один подход к крепости не оставался без присмотра.

Ко всему прочему Янус заметил двух лютых, Лихо и Гуля или Упыря. Последние двое выглядели одинаково, как рассказывал Валевский, и различить кто есть кто, Буква не мог. А Поводырь снялся со своего места и, насколько можно широко разогнав своих подопечных, начал кружить вокруг охраняемой территории.

Озадаченный Буква собирался было вернутся к театральщикам, когда заметил на дороге медленно плетущегося крысу. Странное в нём был не то, что он беспрестанно отхлёбывал что-то из зажатой в руке бутылке, а то что крыса был практически без одежды. Ботинки, штаны, майка с короткими рукавами — и всё! Когда же странный крыса начал

орать матом на парочку патрульных, а те сразу ускорились и бдительно завертели вокруг головами, Букву посетила догадка. Не лютые свели крыс в такую большую стаю. Они нашли того, кто смог это сделать, и одарили его возможностью ходить под солнцем.

Янус не стал больше слоняться по округе. И так стало ясно, что попасть в крепость дело не из простых.

— А мы уже было решили, что ты без нас в Аркс полез, — сказал Туман, когда Янус вернулся к театральщикам.

— Боюсь, без вас мне туда попасть будет проблематично, — тут же ответил Буква.

Он размотал шарф. Снял шляпу. Сдул с неё с неё сухую пыль и сел на пол.

Все присутствующие сразу уставились на него. Не терпелось узнать, что тот увидел, и не зря ли они сюда пробирались.

— Вокруг крепости шныряет много патрулей, — не стал пытать их любопытством водяной. — Переходят от дома к дому и сменяются. И так по кругу. Причём происходит это очень быстро. Ходят парами и каждый новый патруль задерживается на улице лишь на пару минут. Сцепишься хоть с одним патрулём, сразу все на штыки станут.

Димка не без скепсиса перебил:

— А ты уровень их умственного развития не завышаешь? Это крысы — вечно голодные, злые, эгоистичные и тупые. Пусть кому-то и удалось их собрать вместе, но умнее и ответственнее они от этого не стали.

— Вот, вот, — поддержал его Туман.

После разрушения Театральной отношения Тумана и Чижа стали более мягкими. Димка всё так же продолжал при любом удобном случае посмеиваться над товарищем, а тот готов был за это расквитаться с шутником парочкой ударов, но всё происходило без злобы. Шутки оставались шутками, а готовность ударить никогда не перерастала в сам удар.

— Буква, ты что думаешь, когда патрульные переходят от дома к дому, то они только и беспокоятся, как бы не пропустить нарушителя? Да я зуб даю, что они даже не знают, что охраняют, а во время переходов в их башках только одна мысль: "Быстрее бы под крышу спрятаться". Как бы не было, но, утащи меня гончий, это всего лишь крысы.

— Дождёмся ночи, грохнем парочку, а остальные сами разбегутся, — подытожил Ветер.

Туман хлопнул его своей ручищей по спине, так что тот чуть на пол не повалился.

— Дело говорит, Сёмка.

Ходоки прятались в небольшой, лишённой какой-либо мебели комнатушке. Единственное окно было завешано плотной шторой, но ни отсутствие мебели, ни темнота им не мешали. Вот только деревянный пол чуть ли не при каждом движении заунывно скрипел, а ходоки в такие моменты замирали, ожидая что скрип половицы отзовётся чьими-нибудь шагами в коридоре. Так же и сейчас. Димка придвинулся ближе к стене и доски под ним застонали.

Напряжение с лиц ходоков не сходило пару минут, но всё вокруг оставалось по-прежнему. Никаких посторонних звуков не было.

На этот раз тишину нарушила Сонная Ив.

— Вы не правы, ребята. Нельзя сейчас к крысам относится несерьёзно. Просто так они бы вместе не собрались. Либо им что-то ценное пообещали, либо серьёзно напугали. А как мне кажется, произошло и то и другое. Так что если парочка и удерёт во время нападения, то остальные нас задавят.

Ив нравилась Букве. Красивая, умная, немногословная. Если что и говорила, то по делу и подумав перед этим. Водяной не прочь был бы видеть её своей подругой, только рядом с Сонной всегда был шустрый красавчик Чиж. Сам же Янус лицом не вышел.

— Недооценённый враг опасен вдвойне, — сказал он.

Ив кивнула и продолжила:

— Идти нужно днём, а не ночью. Ночью все крысы будут на улицах, а откуда нам знать, сколько их там? Может три десятка, а может и три сотни. Миновать же ночные патрули будет проще. Куда сложнее — не попасться лютым. Кстати, где они сейчас?

Закончив свою речь вопросом, девушка посмотрела на Букву. Только Валевский всегда и безошибочно понимал выражение лица Януса, и будь он рядом, то в искривлённой гримасе водяного распознал бы радость и теплоту. Букве было приятно, что Сонная смогла чуть ли не слово в слово высказать его мысли.

— Они тоже здесь. Вы мне договорить не дали, — ответил Янус. — Троих я видел: Лихо, Гуля или Упыря, их я не различаю, и

Поводыря...

— Подожди, подожди... — сразу завёлся Туман. — Поводырь — это тот который изгоев в Театральную привёл?

Буква кивнул, а Мутный сжал кулаки. Ему не нужен был Аркс. Туман с самого начала это не скрывал. Для него важна была только месть "чёрным" за гибель друзей и разрушение общины. Янус, как бы это эгоистично не звучало, намеревался использовать чувства театральщика.

— Помимо лютых там есть ещё один крыса, который гуляет под солнцем как ни в чём не бывало. Вот он то как раз-таки и согнал всех крыс вместе. Мне так кажется.

Театральщики переглянулись. У всех созрел один и тот же вопрос, но озвучить его успел Димка.

— Как же он днём ходит?

— Это всё фокусы лютых, — ответил Буква. — Нам они не помогут. Мы по округе днём ходить сможем только если я попаду в Аркс. А для этого нужно их отвлечь.

— Я возьму на себя лютых, — тут же выпалил Мутный.

Янус на это и рассчитывал, поэтому отговаривать его не собирался. Зато за театральщика вступился Димка.

— Вау, вау! Туманыч, не несись как гончий. Притормози, — затараторил он. — Ты что во благо Тихих вод решил собой пожертвовать? Дурилка. Букве главное в Аркс попасть, а нами можно и крыс с лютыми накормить. Слышь, уродец, — обратился он к водяному, — лучше ничего придумать не мог?

Янус пропустил оскорбление мимо ушей, — привык уже, не впервой такое слышал — но отмалчиваться не стал, а в тон Чижу гаркнул:

— А я никого из вас с собой не звал! Если что-то не нравится, можешь валить! Хотя, куда тебе валить? Твой дом-то разрушен. Так что ты теперь будешь делать? Забьёшься в какой-нибудь дыре в одиночку? Или уйдёшь в Тихие воды или к южанам? И будешь ждать пока вновь лютые не явятся? А они придут. Поверь мне. И в Южную, и в Тихие воды... Хотя у меня есть идея получше...

Буква вытащил из-за пазухи планшет и небрежно бросил его под ноги театральщика.

— Забирая и ломись сам в этот долбанный Аркс. Упс! И тут беда. Что в Арксе делать, ты не знаешь. Так что выбор прост: либо уходи, либо помогай. А рискуем мы все одинакова. Когда вы отвлекать будете, я в самое пекло полезу. Лютые не дураки, они всех от бункера не уберут.

От злости лицо Чижа покрылось красными пятнами. Одно, а может два лишних слова отделяли его от срыва, но тут вновь вмешалась Ив. Она обняла его за плечи и заставила сесть на пол, а потом сказала:

— Я и Димка займёмся этой дневной крысой. Думаю, если его убить, то остальные если и не разбегутся, то ещё подумают, нападать на нас или нет.

— Я Туману помогу, — сказал Ветер. — Димка, я согласен с тобой, что это попахивает самопожертвованием ради непонятно чего или кого. Но прав и Буква. Нам деваться некуда. Мир вокруг вновь меняется, и чтобы эти перемены нас не задушили, нужно найти своё место. Лично мне хочется, чтобы это место было потеплее и помягче.

Чижа завели в тупик. Нравилась ему эта идея или нет, но пришлось смириться. Хотя по короткому взгляду, брошенному на водяного, нетрудно было понять, кто будет в ответе, если что-то пойдёт не так.

— Предлагаю начать наступление в полдень, — словно заправский генерал сказал Янус. — Время тяжёлое. Света много, а тени почти нет. Но к тому моменту крысы вымотаются и дадут слабину. Тем более и нам необходимо время на подготовку.

На этом все разговоры были закончены. Ветер и Туман сразу же ринулись в разведку. Следом к окружённому крысами коттеджу ушли Ив и Димка. Буква остался один.

Театральщики могли считать его план безумным, а его самого эгоистичным психом, но это не меняло одного весомого факта — Янусу будет жаль, если кто-нибудь из их маленького отряда погибнет. Театральщики ему нравились. Весёлый Димка, молчаливая Ив, злой, но в то же время не злобный Туман, хитрый и изобретательный Ветер — отличная компания. Янус взаправду готов был предоставить им тёплое местечко в новой общине под защитным куполом.

Тут неожиданно стал перед глазами маленький Тимоха Вьюн. Как он там? Добрался до Южной или всё ещё в пути? Вспомнились

нравоучения старика Валевского, бормотания Крепыша и беззлобные шутки Вестника. Казалось, что Тихие воды были где-то далеко и давно, может даже не в этой жизни. Воспоминания грели и придавали уверенности. Но в то же время сердце щемило странное предчувствие, будто не увидеть ему больше Сергея Николаевича и никогда не побывать в своей заваленной книгами комнатушке.

Так и сидел Буква, погрузившись в свои мысли, пока не вернулись Ив и Димка, а следом за ними не пришёл Туман. На вопрос, куда делся Ветер, Мутный хитро улыбнулся.

— Сёмка сюрприз лютым готовит.

После быстрого обсуждения плана нападения, потянулись долгие минуты ожидания.

Туман задремал в углу.

Буква вспоминал указания Валевского. Как открыть дверь в Аркс, где находится главный компьютер, что нажимать, вводить и включать, чтобы активировать систему безопасности и защитный купол. В этом деле нельзя было совершить ни единой ошибки. Поэтому Янус раз за разом повторял в голове последовательность действий.

Ив и Чиж перешёптывались. Кто знает, что они друг другу говорили. Может обсуждали план, а может и в любви друг другу признавались, опасаясь, что другого времени для этого может уже и не быть.

За стенами комнаты было тихо. Ни шороха, ни треска, ни писка. Но в один момент всё переменилось. Где-то неподалёку прозвучал мощный взрыв. Следом со стороны крепости послышались вопли крыс.

Буква надел шляпу и очки. Лицо перемотал шарфом. После этого сдвинул край шторы и выглянул в окно. Один из домов, рядом с патрулируемой крысами территорией, полыхал. В небо столбом валил чёрный дым, а длинные языки пламени норовили перебросится на соседние строения.

— Один из коттеджей рядом с крепостью горит, — сказал театральщикам Буква. — Туман, случайно ни этот сюрприз Сёмка готовил лютым?

— Нет, это ни его рук дела. Может, Янус, это твои друзья водяные шумят? — ответил Мутный и заторопился проверить как дела у напарника.

Буква пожал плечами.

— Может и мои друзья.

— Или же сами крысы напортачили, — предложил Димка.

— И такое может быть, — согласился Янус. — Но под получившийся шумок надо и нам начинать.

Глава 26. Отвлекающий манёвр

Солнце поливало отрешённых, дома, улицы и дороги ярким светом. Столь непривычным и слепящим для ходоков, что Крепыш не выдержал и пары секунд под лучами. Он выглянул через окно на толпу псевдо и мгновенно скрылся в тени. Руки сами потянулись к лицу и начали тереть глаза, пытаясь убрать замелькавшие тёмные пятна. Но и того короткого мгновения, что Креп смотрел вниз, хватило, чтобы увидеть Вестника.

Отрешённые со свойственной им силой заволокли ходока в толпу. Вначале удерживали его стоя, как игрушечного оловянного солдатика, а потом подняли вверх. Теперь Вестник, раскинув руки словно распятый, лежал прямо на головах псевдо. Он не сопротивлялся. Слишком силён оказался удар "чёрного". Сознание покинула ходока, но он был ещё жив. Ведь отрешённым мёртвые были не нужны.

Если Крепыш стремительно ушёл со света, то Егоза не торопилась. Она стояла на коленях перед выбитым окном и не сводила воспалённых глаз с возлюбленного.

Пока Креп протирал глаза, тихо проклиная и лютых, и псевдо, Ёжка попытался оттащить Егозу от окна. Он обнял её и потянул в тень, тихо нашёптывая успокаивающие слова. Но это было равносильно попытки оттащить львицу от раненного львёнка. Девушка неистово заверещала, нанесла удар локтем прямо в нос ходоку, потом ногой в пах. Второй удар Ёжка успел отбить, но пришлось отпустить девушку, а она тут же вернулась на прежнее место.

Ясень сделал к ней шаг, но заслышав шёпот: "Я тебя не брошу. Никогда не брошу. Никогда..." — остановился. Невозможно было угадать, какие чувства сейчас кипели в разуме и в сердце Егозы. Страх, ненависть, горе, безумие, а может и вовсе все вместе. Одно было понятно наверняка, увести её получится только силой, и велик шанс что как только выпадет возможность она вновь примчится сюда.

Креп уже пришёл в себя, лишь только слишком часто моргал. Он попытался говорить с Егозой. Убеждал её, что если она останется, то и сама погибнет. Хватал её за руку, пытался оттянуть от окна, но тут же получал молчаливый, но жёсткий отпор.

— Ты что думаешь, он хотел, чтобы ты так вот умерла? Или же стала псевдо? — спрашивал у девушки Креп, но та отмалчивалась.

А Ясень и Ёжка стояли в стороне.

— Егоза, идём, — уже не пытаясь применить силу, сказал Крепыш. — Мне жаль. Мы ему не поможем. Но мы можем сделать его жертву ненапрасной.

Но все слова пролетали мимо Егозы, ударялись о стену и уносились прочь через окно.

Креп не мог оставить её здесь одну, но в то же время он не знал, что предпринять. Связать девушку и нести на руках, глупая и опасная затея. Всё же они не в общину возвращаются, а идут к крепости. Тащить Егозу на плечах — и её и себя погубишь. Можно связать и спрятать, — пусть выплачется — а позже вернуться за ней, но и это невыход. Куда не прячь, везде могут отыскать крысы или гончие.

Креп набросил на плечи Егозы плащ. Кинул последний короткий взгляд на окно и поплёлся прочь из кабинета. Ёжка и Ясень, не проронив ни слова, двинулись следом.

Егоза всегда была эмоциональной и чувствительной, но глупой её назвать никто не мог. Оставалось надеяться, что вскоре она выплачется, и разум победить бушующие в сердце страсти. Тогда девушка сама найдёт укрытие.

Только отбросив безуспешные уговоры Егозы, Крепыш понял насколько он зол. Причём бьющаяся внутри злоба была направлена не на лютых или псевдо, а на самого себя. Казалось, будь он чуть сильнее и быстрее, мог бы спасти Вестника. Будь чуть внимательнее, мог бы услышать приближающегося "чёрного", и друг был бы жив.

Чтобы не свихнуться, нужно выместить злобу на ком-то, и Креп был уверен, что возле Аркса он отыщет себе жертву, а после нужно будет вернуться сюда, чтобы встретить бесноватого Вестника. Ведь кому если ни Крепу подарить вечный покой лучшему другу.

День был ослепительно ярким. Можно было спрятаться на том же складе и отсидеться до ночи. Но ведь к крепости уже должен был подойти Буква. И если там его ждут, то пробиться в Аркс в одиночку Янусу будет тяжело.

Но не только чувство долга погнало ходоков под солнцем к проклятому Арксу, но и желание отомстить. Увидел бы их сейчас ныне усопший врачеватель Кудин, то непременно бы принял всё

происходящее как доказательство своей некогда высказанной мысли: "Люди перестают быть людьми". Как только Креп, Ёжка и Ясень покинули склад, сразу все волнения о брошенной подруге и даже о погибшем товарище испарились, как капельки воды на жарком солнце. Был Вестник, хороший и верный друг, но он умер — и всё. Дальше жизнь пойдёт без него, но с тем же успехом. А Егоза сделала свой выбор сама.

Старые друзья остались позади, а впереди ждала сладкая месть.

Днём передвигаться дело небезопасное. Мало что лишний раз на свету находишься, так ещё и шныряющие то тут то там гончие и изгои покоя не дают. Ко всему прочему тёмные очки, которые приходилось надевать, ограничивали зрение ходоков. В принципе, им, привыкшим видеть и ориентироваться в полной темноте, последнее скорее было неудобством чем помехой, а вот, находясь на свету, водяные, да как и любые другие ходоки, испытывали волнующий трепет, а то и страх.

Передвигались они от дома к дому, стараясь как можно меньше находиться на открытой местности. Парковые сосны остались за спиной. Вокруг выросли солидные и заброшенные коттеджи. Гончих, ещё мелькавших в самом парке, здесь не было видно, так же как и отрешённых, а вот изгои шныряли между домов и не по одиночке, а парами, тройками и даже небольшими группами. А это могло значить лишь одно — Поводырь был совсем рядом.

Не только изгои патрулировали округу. С опаской поглядывая на своих псевдо-товарищей, между коттеджами перебежками со двора во двор перемещались крысы.

Водяные зашли в гараж одного из домов. Громадный, до потолка в пружке не дотянуться, они явно были рассчитаны не на низенькую легковушку. С широким столом, растянувшимися вдоль одной стены, и с металлическими шкафами, усыпанными всевозможными железками, у другой стены. Ходоки прикрыли за собой ворота и в привычной для них темноте начали обсуждать план нападения.

Если Буква добрался сюда и не попался лютым, значит он укрылся где-то рядом и тоже ищет подходы к крепости. Их же, водяных, задача подать ему знак и отвлечь на себя "чёрных" и крыс, а значит, атака должна быть громкой.

Эту застроенную коттеджами часть Старопесковска ходоки посещали не часто. Конечно, богато обставленные дома изобиловали

хорошими вещами, но здесь всегда сновало много гончих. Если сюда и заглядывали пары-тройки ходоков, то уходили не все. Поэтому внутренние убранства домов, как и имеющиеся хозяйства во дворах, в основном оставались нетронутыми. Не считая разрухи, нанесённой старыми жильцами во времена Шабаша. Вот так и во дворе дома, в котором укрылись водяные, стоял искорёженный и обгоревший остов автомобиля. Оставалось удивляться, как это ещё и сам коттедж не полыхнул.

Ёжка и Ясень незаметно ушли к соседним коттеджам, а Креп решил осмотреть дом, в котором они прятались. На втором этаже располагались две спальни. Одна — детская, обклеенная пестрящими голубыми облаками и белыми мишками обоями. Вторая спальня, для взрослых, явно видывала немало сексуальных утех. По крайней мере к такому выводу пришёл Креп, завидев огромную кровать. Ещё на втором этаже находился небольшой кабинет, но ничего полезного там не отыскалось, лишь книжки на полках и пара тетрадей на запылённом столе.

Зал на первом этаже был завален заплесневевшей одеждой вперемешку с битым стеклом. Кто-то давно, но основательно сходил здесь с ума. Вот на кухне Крепу удалось найти два мясницких ножа. Невзирая на годы, что они провалялись без дела, сталь блестела чистотой, а лезвия были очень острыми.

Но самое интересное сыскалось в тёмном, лишённом окон подвале. Туда вела из гаража небольшая дверь. В дальнем углу подвала, среди ящиков с бутылками, инструментами и непонятными деталями стоял газовый баллон, большой, в рост человека, с барашкой-вентилем наверху.

Креп осмотрел его. Развернул, чуть наклонил, чтобы оценить вес. Баллон казался тяжёлым. Но водяной так и не смог понять, насколько он наполнен. Креп слегка повернул вентиль. Послышалось тихое шипение, в ноздри ударила вонь. Баллон был не полностью пуст.

Оставив находку на прежнем месте, Креп вернулся в гараж, ожидать своих товарищей. Первым появился Ёжка. В руках он нёс скрученный канат, а на плече его болталось охотничье ружьё. Креп было обрадовался, но, как оказалось, Ёжке не удалось отыскать ни одного патрона. Ружьё сейчас было бесполезным, разве что использовать его как дубинку.

Вскоре появился Ясень. Он приволок коробку металлических баллончиков с яркими крышками и обёртками.

Крепыш не сразу сообразил, что это за баллоны.

— Ты чего? Детство своё позабыл? — усмехнулся Ясень, увидев удивление на его лице.

И лишь когда Креп нажал на кнопку на верхушки баллончика, а после короткого шипения по гаражу распространился резким запах хвои, он понял, что имел в виду Ясень. В своё время, когда они были несмышлёными юнцами, то частенько взрывали в кострах найденные в городе баллончики с освежителем воздуха, или же, используя их как небольшие огнемёты, пытались что-нибудь да где-нибудь поджечь. За такие шалости от взрослых им крепко доставалось.

В голове у Крепыша созрел план сладкой мести. Причём очень громкой. Если Буква рядом, то уж точно услышит.

— Ёжка, скрути факел, — скомандовал он. — Большой не нужен. Главное — чтобы горел хорошо хотя бы минуту. Только быстро. Ясень, когда Ёжка приготовится, возьмёшь половину баллонов и дуй наружу. Следи за дорогой. Когда появятся изгои, рвани несколько баллонов. Так чтобы наверняка парочку гадов зацепило.

— Взрывы все услышат, — сказал Ясень. — Сюда и крысы препрутся. Что мы с ними делать будем?

— Крысы нерасторопны. Так что первыми примчат изгои, а вместе с ними и Поводырь, — ответил Креп. — Там в подвале для них подарок имеется. Газовый баллон.

— У соседей ещё коробок восемь с освежителями стоит, — добавил Ясень.

— Зачем им столько нужно было? — удивился Ёжка.

Ясень пожал плечами.

— Там много всего. Мыло, бутылки с шампунями и другой дрянью. Порошки в пакетах и банках. Видно, там раньше барыги обитали.

— Хорошо, — улыбнулся Креп. — Ёжка, готовь факел и кремень.

С энтузиазмом и нескрываемым азартом ходоки переправили все коробки со взрывоопасными баллончиками в подвал к газовому баллону.

Креп остался в гараже. Ему предстояло стать приманкой для Поводыря. Ёжка закрыл одну створку гаражных ворот и затаился на

широком карнизе над ними, а Ясень, прихватив факел и коробку с баллончиками, направился вдоль дороги в сторону крепости.

Он никогда не любил дороги и широкие улицы. В замкнутых помещениях ходок чувствовал себя в большей безопасности. Тем более сейчас ещё и солнце во всю жарило. Под плотной одеждой пот тёк ручьём, но Ясень старался не обращать на это внимания. Всё равно сделать ничего нельзя. Не раздеваться же.

Уже через пару домов Ясень повстречал изгоев. Троица псевдо перевалилась через забор и, хромая и сутулясь, вышла на дорогу. Двое, не заметив ходока, двинулись к коттеджу напротив, а третий замер прямо на дороге.

Вот с них водяной и решил начать. Ясень не стал скрываться, а, стоя в полный рост у края дороги, выхватил один из баллонов, вжал клапан и зафиксировал его деревянной щепкой. Парочку крепеньких фиксаторов он заготовил заранее. После чиркнул в приторно пахнущей струёй кремниевой зажигалкой.

Яркое пламя вспыхнуло сразу, даже будучи в тёмных очках, Ясеню пришлось прищуриться. Он успел отдёрнуть руку, чтобы одежда не загорелась, а потом одним взмахом запустил полыхающий снаряд в изгоя и тут же схватил следующий освежитель из коробки.

Брошенный баллон упал у ног псевдо, но не взорвался, как рассчитывал водяной. Зато и пламя не потухло, а ударило прямо по ногам изгоя. Огонь стремительно пополз вверх по рваным штанам. Изгой заверещал, но скорее не от боли, а от злости. Он рванул на обидчика. В этот момент баллончик взорвался. Левая нога изгоя стала короче, а сам псевдо, весь объятый пламенем, завертелся по земле, словно вьюн на сковороде.

Ясень не терял времени. В тот момент как первому изгою оторвало ногу, ещё два полыхающих снаряда улетели на другую сторону улицу в парочку встрепенувшихся от визга сородича псевдо.

Один из баллончиков потух ещё в полёте, то ли был не полон, то ли щепка вылетела и клапан закрылся, но второй ударился о булыжник и разлетелся в сторону жаркими всполохами, накрыв огнём обоих псевдо.

Ясень засмеялся. Но смех его был коротким. На визг полыхающих тварей, начали сбегаться остальные изгои. Один за одним перелезали

через заборы, лезли сквозь проломы в них и бежали к ходоку по дороге.

Ясень не пытался укрыться, а стоял в полный рост. Вот он я — приходите, берите. И когда за спинами псевдо появился Поводырь, а сами изгои наверняка увидели своего обидчика, ходок поджёг очередной баллон. Только на этот раз вместо того чтобы отправить и его в нападавших, он воткнул баллон в коробку с оставшимися, а сам помчался прочь.

Водяной успел миновать всего метров десять, когда за спиной началась канонада. Баллоны взрывались один за одним, а некоторые, словно ракеты разлетались в сторону. Один из них протаранил и Ясеня. Угодил ходоку в правое плечо. От удара водяного бросило на землю, но сработали столько раз спасавшие его рефлексы. Ясень сделал неуклюжий кувырок и помчался дальше. Боли он ещё не чувствовал, но рукой пошевелить не мог. Она провисала вдоль тела бездушной плетью.

За спиной слышались визг, крики и рычание, но он не оборачивался. Только когда с улицы вильнул во двор, краем глаза заметил, что преследователи не отстают. Если до ближайшего изгоя было метров шесть, то Поводырь и вовсе дышал в затылок. В гараж Ясень влетел от удара лютого в спину. Водяной миновал по воздуху метра два, перекатился по полу и ударился о стену. В гараже жутко воняло газом, но то ли не обратив на это внимания, то ли просто наплевав на подозрительный запах, Поводырь даже не замедлился, а стремительно двинулся к ходоку. Как только он поравнялся с дверью в подвал из двери, ведущей в прихожую, вылетел Крепыш. Он словно тараном сбил лютого, отбросил в мрачный, заполненный газом подвал.

Поводырь с грохотом покатился по крутым ступенькам, а Креп захлопнул дверь и припёр её массивным верстаком. Ходоки заранее поставили его вертикально возле двери и даже слегка наклонили, чтобы проще было повалить верстак перед дверью.

Вместе с лютым в гараж успели вломиться с полдюжины изгоев, прежде чем Ёжка запер ворота.

Креп ударом ножа в голову осадил первого псевдо. Следующего Ясень опрокинул пинком ноги. Из подвала начал ломиться Поводырь.

Сражаться дальше ходоки не собирались. Тем более что в узеньком окошечко над воротами был виден Ёжка с полыхающим

факелом в руках.

Креп что есть силы оттолкнул вцепившегося зубами в руку изгоя, подхватил под руки раненного Ясеня, и они рванули прочь из гаража, в прихожую, а оттуда на кухню, к окну.

Как только водяные скрылись из виду, Ёжка выбил стекло и швырнул факел внутрь гаража, а сам бросился с карниза вниз. В спину ударило неистовое пламя и грохот взрыва. Ёжка болезненно грохнулся локтем, встал на четвереньки и пополз прочь от полыхающего дома.

Коттедж устоял, даже ворота в гараже остались на прежнем месте, но полыхал дом со всех сторон, словно громадный костёр, выложенный из сухих поленьев.

Ёжка нашёл товарищей с другой стороны дома. Ясень сидел на земле и с радостной улыбкой на лице пялился на полыхающий коттедж, а Креп стоял рядом, упёршись о древко своего копья. Копья он заранее спрятал во дворе, в доме от них всё равно проку было бы не много. Из одежды на нём остались лишь майка и штаны. Балаклава и куртка догорали у его ног.

— Мы это сделали, — сказал Ёжка.

— Ещё и живые остались, — выдавил из себя Ясень.

— Пошумели славно, — добавил Креп. — А лютые, оказывается, хорошо горят.

Все дружно засмеялись.

— Всё, хватит ржать, — остепенился Креп. — Нужно схорониться в безопасном месте и зализать раны, а там посмотрим, что делать дальше.

Но уйти им не удалось. Крепыш был прав. Нерасторопные крысы собирались долго. Но в то же время основательно. Пока водяные сражались с Поводырём и изгоями, пока смеялись над очередным поражением лютых, крысы окружил их плотным кольцом и не спеша сжимали его.

В соседних дворах уже слышались голоса бандитов, а на дороге ходоков ждала Лихо.

Глава 27. Прорыв

Налюбовавшись полыхающим коттеджем, Буква выдвинулся к крепости, а театральщики решили добавить ещё больше шума и возни в ряды крыс.

Туман побежал к Ветру, надо было поторопить его, а Ив и Чиж, так и не узнав, что затеял Сёмка, направились к пожарищу.

Где-то на половине пути между крепостью и местом взрыва ходоки повстречали небольшую группу крыс, но в бой с ними решили не вступать, а попытались обойти бандитов вдоль бетонного забора. Чиж не особо понимал, зачем кому-то в старые мирные времена, когда никто знать не знал о псевдо, пришла в голову мысль, возводить вокруг своего жилища неприступное ограждение, но всё же был благодарен этому человеку.

Крысы не заметили театральщиков. При других обстоятельствах они, конечно же, не упустили бы шанса поглумиться над парочкой, но сейчас бандиты были заняты расправой с изгоем, что казалось странным. Ведь изгои, как было известно ходокам, подчинялись Поводырю. Неужели лютый разрешил кромсать своего питомца?

Возле полыхающего коттеджа развивались события более драматические. Десятка два крыс издевались над троицей незнакомых театральщикам ходоков. Азартные крики крыс были слышны издали, но только подойдя ближе стала понятна причина происходящего. Крысы выволокли троицу на дорогу и, замкнувшись вокруг них кольцом, поочерёдно заходили внутрь и нападали на ходоков.

Ни Чижу, ни Ив жертвы крыс не были знакомы, но трудно было поверить, что кто-то посторонний мог бы оказаться возле крепости в то же время что и театральщики, а значит — это водяные, которые должны были послужить отвлекающим манёвром для Буквы. И как-никак, но со своей задачей они справлялись.

За спинами крыс стояли знакомые театральщикам по "семёрке" "чёрная" и, руководивший штурмом торгового центра, крыса.

Чижу было жалко ходоков. Те хоть и старались отбиваться, но где им одолеть толпу противников. Двое избитых водяных растянулись на

земле, а третий хоть и шатался, словно травинка на ветру, но крепко сжимал в руках копьё и лупил им во все стороны.

Дорога шла под наклоном. Чиж и Ив разместились выше, чем находились крысы. Поэтому хорошо видели издевательства над водяными, но помочь им они были не в силах. Как бы самим уцелеть. Крысам водяных будет мало. Изобьют их до смерти и начнут рыскать по округе в поисках очередной жертвы, а куст сирени, за которым скрывались театральщики, нельзя назвать серьёзным укрытием.

Чиж дёрнул Ив за рукав и махнул головой. Нужно уходить. Водяным помочь всё равно не получится, а себя погубить — легче лёгкого. Но Сонная не двинулась с места, а с тревогой начала вглядываться ему за спину.

Димка обернулся. Ничего и никого там не было. Только пустые дома да дворы и ползущая резко вверх асфальтированная дорога. Неожиданно до него долетел нарастающий с каждой секундой шум. Вскоре невнятные звуки превратились в скрежет, лязг металла и звонкие удары.

Крысы отвлеклись от водяных и тоже повернулись в сторону уже отчётливо слышимого грохота, а потом с воплями начали разбегаться. Более смекалистые кинулись через забор в ближайший двор, а некоторые побежали вперёд по дороге.

К водяным крысы потеряли интерес мгновенно, чем последний стоящий на ногах ходок тут же и воспользовался. Крепыш — а это был он — ухватил Ёжку и Ясеня за руки и поволок с середины дороги к краю.

Чиж увидел, что за чудовище издаёт этот грохот. Из-за деревьев, перекрывавших обзор части дороги, вылетел автомобиль, за рулём которого сидел Ветер, а на соседнем сидении разместился Туман. Двигатель не работал, но пологого спуска хватило, чтобы разогнать транспорт до приличной скорость. Выглядела машина устрашающе. Передних дверей не было, зато остальные части были вывернуты чуть ли не на изнанку. Металл на капоте, передних и задних "крыльях" был разорван на небольшие куски, а те в свою очередь выгнуты наружу. Ветру пришлось постараться, чтобы превратить за столь короткий срок ржавую легковушку в металлического ежа, способного не просто протаранить цель, но разрезать или порвать.

Когда машина поравнялась с Чижом и Ив, Туман выпрыгнул из салона, но к товарищам не пошёл, а побежал следом за несущейся смертью.

Ветер повёл машину вправо. Она чуть подскочила на низеньком бордюре, колючим боком прошлась по забору, срезав повисшему на нём крысе ноги, и Сёмка вновь вырулил на ровную дорогу. От манёвра машина чуть сбавила скорость, но бегущим по дороге крысам уйти всё равно не удалось. Миновав избитых водяных, Ветер зафиксировал руль и выпрыгнул. Машина помчалась дальше без водителя. Сёмка больно ударился плечом, сделал кувырок и вскочил на ноги. Впереди раздались вопли и грохот. Машина настигла убегавших крыс. Двух вдавила в асфальт, ещё пару расшвыряла, а одного насадила на шипы капота и, уйдя влево, влетела в столб.

Задачу она свою выполнила. Навела смуту в бандитских рядах.

Туман схватился с двумя крысами. Нападали они неуклюже и испуганно, а вот театральщик нашёл на ком выместить свою злобу и начал нещадно молотить их битой. Ив и Чиж не остались в стороне. Ещё минуту назад они собирались отступить, бросив водяных на растерзание крысам, а сейчас рвались убивать.

Испуганные крысы вылезали из укрытий нехотя. Мало ли что ещё может вылететь на дорогу, но Ветер понимал, что скоро они наберутся смелости и навалятся на ходоков всей стаей, а чем закончится такое сражение было любому глупцу понятно.

Сёмка двинулся к водяным.

Креп, держа наготове копьё, следил за неожиданным спасителем, а Ёжка пытался подняться на ноги Ясеня. Пока крысы трусят, нужно пытаться и самим улизнуть.

Водяные встретили незнакомого ходока с опаской. Ведь никого кроме Буквы они не ждали. Если, конечно, он не разжился союзниками по пути сюда.

— Спокойно. Я с Янусом пришёл, — быстро проговорил Ветер, завидев, как напряглись вены на лице копьеносца.

Сёмка помог поднять Ясеня.

— Где Янус? — спросил Креп.

— Ушёл к Арксу, — ответил Ветер. — Мы свою задачу выполнили. Нужно собственные шкуры спасать.

Сёмка был прав. Пора было уже и о своих жизнях позаботиться. Тем более первоначальный страх у крыс начинал проходить. Они не спеша выбирались из укрытий и набрасывались на обидчиков. Какими бы шустрыми не были ходоки, крыс всё равно было больше. Подходили и те, кто не участвовал в расправе над водяными. Откуда-то из-за деревьев появился Хмель. Он начал кричать, подгонять крыс пинками, но сам пока не нападал.

Театральщикам и водяным удалось сойтись в одну плотную группу. Так отбиваться было проще. Вот у ног Ив рухнул крыса с разрубленной до середины шеей. Перед Туманом задёргалось тело с расколотой головой, а наверх него упал крыса с пробитой копьём грудью. В это же время один из крыс метнул нож в Чижа. Димка успел увернуться, но лезвием срезала мочку уха. Ёжке, всё это время прикрывавшему ослабевшего Ясеня, камнем выбило один глаз.

Ходоки медленно, прижимаясь спина к спине, пробирались к ближайшему дому. А крысы неугомонно кружили вокруг них. Хмель орал, требовал "убить мразей", но крысы, увидев смерть своих прытких собратьев, умерили пыл и нападали с большей осторожностью. Наскочат парой-тройкой, нанесут несколько ударов и отступают. Тактика была медленная, но количественный перевес был на их стороне. Стоило лишь измотать ходоков, а потом можно одним ударом покончить со всеми сразу.

— Не пускайте их в дом! — запоздало понял хитрость ходоков Хмель.

Входную дверь и беглецов разделяли всего метра три дорожки и один крыса, которого Креп тут же пробил навылет копьём. Он первым скрылся в доме. За ним ввалились Ёжка, Ясень и Ветер. Ив шла следующая, а последними были Чиж и Туман.

В помещении вести бой стало гораздо легче. С улицы в прихожую была всего одна дверь. Другую, ведущую внутрь дома, Креп сразу перекрыл высоким шкафом. Было ещё небольшое окно. Но первый крыса, попытавшийся пролезть через него, получил от Тумана битой по голове и стал оконной затычкой.

Наконец, крысы отступили, перестали ломиться в прихожую. Ходоки не сомневались, что бандиты не только стоят снаружи за дверью, но уже и пробрались внутрь дома.

Затишье позволило немного перевести дух и подумать над тем, что делать дальше.

— Предлагаю, напасть на них первыми, — сказал Туман.

Его руки и лицо были в крови, а бита треснула. Но желание убивать он ещё не утолил. Это было особо видно по бегающим затуманенным глазам.

— Мы убили многих, — добавил он. — Можем и остальных уложить. Оставим раненых здесь и навалимся на них всей толпой.

— "Чёрной" не видно, — проговорил Чиж и стёр рукавом кровь с отобранного у крыс серпа. — Когда вы с Ветром сюда на машине примчались, она была, потом — куда-то пропала.

— Лихо, — сказал Креп. — Её зовут Лихо. И если её рядом нет — жди беды. Либо нам подлянку готовит, либо догадалась, что мы отвлекаем, и направилась в крепость.

— Да к отрешённым её! — не унимался Туман. — Мы эту тварь в "семёрке" чуть не грохнули, а здесь добьём.

— Есть и другие лютые, — напомнила Ив. — Буква говорил их шестеро.

— Уже меньше, — сказал Ёжка. — Мы Поводыря и Изверга убили.

— Тем более нужно напасть. Если бы остальные "чёрные" были рядом, то уже атаковали бы. А будем ждать, так они точно явятся.

— Предлагаю подождать, — сказала Ив. — Если Буква активирует систему безопасности, то нам и драться не придётся.

Крепыш замотал головой.

— Здесь она нам не поможет. Система безопасности действует только во дворе крепости и на прилегающих к нему подворьях.

— Далеко до туда? — спросил Чиж

Креп ответить не успел. Перекрывавшее окно тело крысы исчезло, его шустро вытянули наружу, а через проём в прихожую влетела бутылка с коктейлем Молотова. Она была ещё в полёте, когда Чиж толкнул Ив к выходу. Подпиравший стену Креп лишь проводил летящую в Ёжку и Ясеня бутылку удивлённым взглядом. Туман был ближе всех к окну и попытался поймать её, но не дотянулся. Пальцы чиркнули по стеклу и обожглись об окутавшее горлышко пламя.

Бутылка угодила толстым донышком Ёжке в голову, и он умер до того, как огонь заволок тело, а вот Ясеню горючей смесью накрыло

ноги. Пламя ярко вспыхнуло и поползло вверх. Ясень закричал и рванул вперёд, словно надеялся, что там его ждёт избавление от невыносимой боли. Так и оказалось. Креп метнул копьё и попал прямо в сердце. Ясень замертво рухнул на пол.

Огонь вовсю расползался по прихожей.

— Убирай шкаф! — закричал Чиж на Крепа. — Уходим через дом.

Пламя ползло по стенам, невыносимо воняло горелой плотью, а за дверью стояли крысы.

Креп отодвинул шкаф. Чиж первым протиснулся в образовавшийся узкий проход. Крыс было трое, и встретили они ходока быстрыми ударами. Били железными трубами, не глядя куда. Первый удар пришёлся в плечо, второй по голени. Попади хоть единожды по голове, Димкина судьба была бы предрешена, а так Чиж увернулся от третьего удара. Полоснул одного крысу серпом по шее, второму — резанул ногу, да так что тот как подкошенный рухнул на пол, но тут же стал на четвереньки и пополз прочь из комнаты. Крысы оставались крысами — наглые и жестокие в толпе и трусливые по одиночке.

Следом за Димкой в просторную комнату, с диваном, громадным телевизором на стене и стеклянным столиком по центру — оставалось лишь удивляться, как это всё уцелело — пробралась Сёмка и Ив, а последними втиснулись Крепыш и Туман.

— Нужно к крепости идти, — сказал Креп и рванул мимо лестницы через тесный коридорчик в следующую комнату.

Остальные проследовали за ним, а в зал ворвались крысы. Они высадили окно, разбили вдребезги столик, сверху на него уложили телевизор.

Креп влетел на кухню и промчался к задней двери. Дверь оказалась хлипкая. Разлетелась на куски при первом ударе плечом.

Водяной не оборачивался. Его не особо волновало, идут следом театральщики или нет. Всех своих друзей он потерял. Вестник, Ясень, Ёжка, Егоза — никого из них рядом не было, а значит, самым ценным сейчас была его собственная жизнь.

Можно было попытаться прорваться в город, позабыв и про Букву, и про Аркс, но здесь и сейчас разворачивались очень серьёзные события. Спасение сие минутное, но неизвестность завтра для Крепа было не столь привлекательным, как место под защитным куполом.

Если Янус пробрался в бункер, то стоит только прорваться на охраняемую Арксом территорию и можно будет вздохнуть спокойно.

Креп перескочил через забор и оказался в окружении четырёх крыс. Нужно было всего-то пересечь последний двор и затаится недалеко от крепости, а тут эти уродливые лица с цепями и трубами в руках. Осталось слишком мало сил, чтобы в одиночку их одолеть. Но вот у театральщиков если не сил, то злобы было хоть отбавляй. Они одновременно перемахнули через ограждение и кинулись на крыс. Водяной, приободрившись увиденным, тоже пошёл в атаку.

Не ожидавшие от ходоков такой прыти крысы замешкались, что и стоило двоим из них жизней, а остальным позорного бегства.

Туман хотел броситься их преследовать, но Чиж остановил его.

Последней преградой для ходоков был высокий, поросший густым плющом кованый забор. Позади к ним мчались крысы, а впереди начиналась охраняемая Арксом территория. Главное, чтобы Буква уцелел и включил систему безопасности.

Ходоки перемахнули через забор и опасливо остановились. Здесь их ждал "чёрный". Он сжимал в руках два меча и не сводил глаз со своих жертв, словно выбирал, кого убить первым.

Крысы облепили изгородь, как спелые вишни дерево, но спускаться не спешили, то ли боялись попасть под меч лютому, то ли обзор сверху на предстоящую резню им показался лучшим.

Чиж отстранил Ив себе за спину. Креп устало вздохнул и сжал в руке отобранную у одного из крыс трубу. Ветер грубо выругался, а Туман злобно заревел. Он вспомнил этого лютого. Сразу перед глазами стал заваленный трупами холл театра и застывшая гримаса боли на лице Рыжего. Туман заревел так, что даже Креп вздрогнул, а Ив испуганно прижалась к Димке. Мутный рванул на "чёрного", и в этот момент включилась система безопасности Аркса. Сидящих на металлическом заборе крыс смело пущенным по ограждению электрическим током, а под ногами лютого сдетонировал направленный заряд.

Глава 28. Неслучайные события

Ходоки убили Изверга и расправились с Поводырём, пошатнув непрочную власть лютых в городе. Поэтому Лихо с наслаждением смотрела на то, как крысы с энтузиазмом издеваются над ходоками. Замкнув их в кольце, пинают и бьют, не спеша приближая к смерти. Дело было не в любви к своим собратьям по оружию. Извергу Лихо и сама была не прочь свернуть шею. Лютый был слепо верен Князю и как бы он повел себя под её командованием, оставалось тайной. Но сам факт того что ходоки смогли за короткий срок устранить двоих "чёрных" и одного серьёзно ранить, был опасен. Крысы хоть и боялись её, но такие победы водяных способны рассеять страх и свести все старания Лихо на нет.

Пусть теперь медленно и мучительно умирают. Их смерть будет уроком для всех. Лютые должны быть неприкосновенны.

Лихо смущала эта атака. Неужели ходоки не понимали, что, напав так грубо на крыс и "чёрных", они вызовут на себя весь их гнев. Возможно, дело и не в безумстве водяных, а вся заваруха, устроенная ими, это отвлекающий манёвр. Ведь большая часть крыс сейчас окружает ходоков, а возле крепости остались единицы. Там был Гуль, но в свете последних событий Лихо не была уверена, что он сможет остановить тех, кто попытается попасть в Аркс. Пусть крысы ещё немного развлекутся с ходоками, а она сама пойдёт к бункеру.

Лихо успела дойти до ближайшего коттеджа, как со стороны дороги послышался нарастающий шум и закричали крысы. Неужели к водяным пришла помощь? Лютая выбежала со двора на улицу. Там где буквально пару минут назад крысы убивали ходоков, лежали раскромсанные тела бандитов, а чуть ниже по дороге из-под чёрт знает откуда взявшейся перевёрнутой машины торчали трепыхающиеся ноги.

Она оказалась права. К попавшим в крысиные лапы ходокам пришла подмога. События начали развиваться в ускоренном темпе.

Лихо через метку скомандовала Хмелю: "Убить всех!" — а сама помчалась к крепости.

— Гуль, ты где? — позвала она.

— На крыше, рядом с крепостью. Отсюда обзор хороший, — ответил "чёрный".

Лихо перемахнула через забор, огораживающий охранную зону и замедлилась. Ворота во двор были заперты, а вокруг стояла тишина. Только крысы за спиной голосили не переставая. Просто так сдаваться ходоки не собирались.

— Гуль, что видно в округе?

— Слишком пусто. Крысы на побоище ушли, только парочка в доме осталась. Я им пообещал шкуру снять, если убегут. Там и твой обезумевший дружок забился.

Лихо уже и забыла про Юза. Да и не до него сейчас.

— Смотри в оба глаза. Ждём гостей.

— Не нужно было нам с крысами связываться. Сами бы справились.

Со словами Гуля нельзя было не согласиться. Если Лихо с помощью Хмеля и удалось собрать несколько стай вместе и даже навести какой-никакой порядок в их рядах, то сейчас вся дисциплина превратилась в фарс. Для крыс оказалось главным разобраться со столь нелюбимыми ходоками, а не выполнять главный приказ: охранять объект.

— Что с Поводырём случилось? Он во взорвавшемся доме был?

— Да, убили его ходоки, — раздражённо ответила Лихо. — Хватит трепаться. Следи за округой.

Лютая добралась до крепости и прошла внутрь. Уже сейчас перед ней должны были стать дежурившие внутри крысы, но этого не произошло. Лихо прислушалась. До неё не долетело ни единого самого тихого вздоха. Если даже крысы осмелились ослушаться Гуля и незаметно проскочили мимо него, то в доме должен оставаться Юз, а он нынче дышал громко и часто. Да и постоянно что-то бормотал себе под нос. Лихо прошла на кухню и нашла одного из крыс. Он был мёртв. Из правого глаза бандита торчала короткая арбалетная стрела. Лютая больше не теряла ни минуты. Она знала, кто любит пользоваться арбалетом. Это был пропавший Янус Буква. Лихо влетела на ведущую в подвал лестницу и увидела второго крысу. Тело со свёрнутой шеей лежало на ступенях. Чуть ниже растянулся мёртвый Упырь. Его голова вместе с правым плечом превратились в месиво.

Упыря долго и упорно били чем-то тяжёлым и твёрдым. От его метки не осталось и следа, вот почему Лихо не получила сигнала о смерти.

С шумом и бранью она оббегала весь подвал, но больше никого не отыскала. Лихо приблизилась к массивной металлической двери, закрыла глаза и приложила к ней ухо. За дверью послышалось тихое урчание. Лифт опускался в Аркс.

Она опоздала.

— Смотритель, — позвала "чёрная". — Смотритель!

Шалыгин молчал. Он не мог ни слышать её и не мог ни видеть подбиравшихся к крепости ходоков. Но старик их не остановил. Вывод напрашивался не утешительный. Шалыгину нужен был не только Юз, но и Буква, и надобность в последнем старик тщательно скрывал. Но зачем нужна была такая таинственность? Ведь он сам приказал организовать оборону крепости и не подпускать к ней ходоков. Если ему нужен был Янус, достаточно было приказать лютым привезти его — и задание было бы выполнено. Ведь власть Смотрителя над лютыми абсолютна. Он видит и слышит, всё что видят и слышат они, может убить любого из "чёрных" на расстоянии. Даже способен управлять ими. Свои возможности он продемонстрировал, расправившись с Князем.

Лихо бросило в пот. Но ведь Князя убил не Шалыгин, а всё что он сделал — это отключил метку. А какие ещё "чудеса" при ней демонстрировал старик? Никаких. О его силе и возможностях было известно лишь со слов того же Князя.

Складывалась прозаичная и неприятная для Лихо картина. Власть Смотрителя над лютыми сводилась лишь к активации и деактивации меток. Остальное было ложью Князя. Враньём, позволившим их контролировать. Всё это время Шалыгин отвлекал "чёрных" от Януса Буквы ненужной беготнёй за ходоками и вознёй с крысами, и к тому же он умудрился устранить руками ходоков часть отряда лютых.

— Лихо, у нас гости, — неожиданно прозвучал голос Гуля. — Ходоки добрались до охраняемой территории.

— Убей их, — злобно прошипела лютая и вновь попыталась позвать Смотрителя, но старик ни на крики, ни на спокойные просьбы не отвечал.

Чтобы не затеял Шалыгин, он не сможет отсиживаться под землёй вечно. Ему придётся выйти на поверхность, чтобы найти

исполнителей для своих планов. Значит, нужно убраться за охраняемую территорию и закрыть её со всех сторон, чтобы никто не мог зайти или выйти. И ждать. Но для этого нужны люди. Придётся Хмелю ещё побегать по оставшимся в городе стаям. Необходимо собрать вместе всех крыс, но для начала стоит расправится с ходоками.

Лихо покинула подвал и направилась к выходу из дома, но события вновь пошли своим чередом, пренебрегая желаниями "чёрной". Из стен выехали массивные металлические заслонки и перекрыли окна и двери. Одновременно с этим снаружи раздался взрыв. Тревожно взвизгнула метка, известив о гибели Гуля. В узком коридорчике, в котором оказалась заперта лютая, из потолка опустились две пулемётные турели и нацелились на Лихо.

***

Под каким напряжением был забор, Хмель не имел ни малейшего понятия, но когда крысы с воплями оторвались от ограждения и посыпались на землю, словно перезрелые яблоки под порывом ветра, а в нос ударил запах палёных волос и кожи, он обрадовался, что не стал залезать наверх. Ходоки пакостили умело, поэтому вперёд лучше пускать "мясо", так рассуждал Хмель, чем себя и спас. Удар был неприятным и неожиданным. Ко всему прочему внутреннее чутьё Хмеля талдычило, что забор под напряжением соорудили не водяные или театральщики.

Поражённые током крысы корчились на земле. Некоторые и вовсе лежали без движения, а остальные... Хмель обвёл взглядом своё нерадивое войско. Осталось на ногах крыс двадцать, и они в нерешительности топтались по-над изгородью. Перелезть её уже никто не пытался, а уйти не решались.

Чугун, всё время сновавший вокруг Хмеля как верный пёс, бросил в забор кусок окровавленной арматуры. Тут же с треском ударила по глазам ослепительная вспышка. Ограждение всё ещё было под напряжением.

— Хрень это всё! Валить нужно отсюда! — послышался в стане крыс неуверенный голос.

Тут же подхватили и остальные.

— Мы тут только что и делаем — подыхаем!

— Где обещанный хавчик!

— Я хочу тоже спокойно ходить днём!

— Где эти сраные "чёрные"? Почему не помогают?

Крики не стихали, а сами крысы начали медленно окружать Хмеля. Ещё секунда и он оказался в неприятном положении. За спиной высился смертельный забор, а спереди и по бокам напирали крысы. Можно было вновь надавать гору обещаний и сломать пару-тройку носов, но по кривым от усталости и злобы лицам было видно, что никакие увещевания их уже не остановят. Крысы жаждали крови того, кто их сюда привёл.

Чугун неуверенно топтался между стаей и Хмелём. То бросал взгляд на надвигающуюся толпу, то на вожака. Он верил в правоту последнего, но понимал, что если примет сторону Хмеля, то рядом с ним замертво и ляжет.

Чугун опустил голову и отступил в сторону. Следом за ним из толпы вышла верная Дырка.

Самый маленький и худенький из крыс оказался и самым шустрым. Первым прыгнул на вожака, за что тут же и поплатился. Хмель не особо напрягаясь перебросил крысёныша через себя. Тот воткнулся спиной в забор, закричал дребезжащим голосом и задымился.

Остальные крысы действовали более слажено. Хмель хоть и остался один, но всё-таки был сильным бойцом, и крысы это знали, поэтому бросились на жертву скопом. Хмелю оставалось лишь терпеть град ударов и надеяться, что, избив его, крысы выпустят пар и не станут добивать. Но простыми пинками месть бандитов не ограничилась.

— На забор его! — раздались сердитые крики.

Десяток рук оторвали Хмеля от земли и швырнули на ограждение.

Разбитым в кровь лицом Хмель протаранил металлические прутья, рефлекторно уцепился за них руками... и ничего не произошло. Забор, или по крайней мере одна его секция, были обесточены.

Среди крыс наступила могильная тишина. Хмель, сообразив, что произошло, коварно улыбнулся и повернулся к остальным. Боли он не чувствовал, метка помогала приглушить её, только правые глаз постоянно заливало кровью и приходилось чуть ли не ежесекундно его протирать о плечо.

— Ну что, уроды, — закричал он, да так что крысы испуганно отпрянули, только Чугун и Дырка не сдвинулись с места, — видали,

меня и эта хрень не берёт! Никто вам не обещал, что будет легко и быстро! Никто не говорил, что все останутся в живых. Хотите уходить! Валите! Только потом даже если приползёте назад, пощады не ждите!

Хмель взглянул на Чугуна.

— Я с тобой. Я с тобой, — затараторил тот.

Дырка закивала, и остальные крысы ещё полминуты назад готовые его убить закачали головами.

— Хорошо, — уже тише сказал Хмель. — Чугун, пока меня не будет ты за старшего. Засядьте в ближайшем доме и ждите.

Хмель уцепился за прутья забора и полез наверх. Пора было узнать, кто хозяин таинственной крепости.

Крыса опустился на землю с другой стороны изгороди, а ходоки, так и не продвинувшиеся дальше во двор, после того как на их глазах взрывом убило "чёрного", встретили его с удивлением. Только что целую толпу крыс смело с вершины изгороди, а этот как ни в чём не бывало перелез её.

Поодаль от ходоков валялось то, что осталось от Гуля. Лютому напрочь оторвало ноги, разбросав их по траве мелкими ошмётками, а верхняя часть Гуля лежала на животе, уцепившись руками в землю. За туловищем тянулся кровавый след, метра три в длину, аж до места взрыва. Разорванный "чёрный" ещё пытался куда-то ползти.

За забором вновь раздался треск и крики. Кто-то из крыс попытался проследовать за вожаком.

— Идиоты, — выругался Хмель и обратился к ходокам: — Ну здорова, старые знакомые.

Он узнал театральщиков.

Креп и Туман начали обходить крысу с двух сторон, но их неожиданно остановил Димка.

— Подождите, — сказал он. — Для него ограждение отключили и ноги в отличии от "чёрного" у него ещё на месте, а значит ему разрешили здесь находиться, так же как и нам.

Хмель ехидно подмигнул Сонной и, не обращая внимания на ходоков, поплёлся через двор.

— Ты куда? — спросил вдогонку Чиж.

— К главному зданию, — не оглядываясь, бросил Хмель.

Сейчас крепость своим видом оправдывала народное название. Окна и двери были закрыты непробиваемыми металлическими

листами, а на небольшой высоте над домом кружило несколько беспилотников. Крыса в отличии от ходоков имел гораздо больше жизненного опыта и понимал, что скорее всего беспилотники используются не только для наблюдения, но и имеют оружие и при необходимости могут нанести удар по наземным целям.

На пороге дома сидела женщина. Русые растрёпанные волосы слегка доставали до плеч, чуть выше тонких губ на бледном лице покоился курносый носик, а встревоженные глаза следили за приближающимися гостями.

Ходоки не стали подходить к дому, а расселись прямо на траве возле калитки, в прохладной тени густой яблони. А вот Хмель направился к женщине. Она хоть и сняла маску с лица, но остальная часть костюма была всё ещё на ней и поэтому крыса сразу признал лютую.

— Так это всё-таки костюм, — сказал он и сел рядом с Лихо. — Что произошло?

— Буква спустился в Аркс. А меня турелями из дома выгнали.

Хмель посмотрел на свои руки. Не хватало бутылки с крепким пойлом.

— Дел мы наворотили славно. Ну и хер с ним? Дальше-то что?

Он в упор взглянул на женщину. А ведь красивая. Не будь она безумной лютой, Хмель готов был прямо здесь одежды с неё сорвать.

— Что будем делать? — повторился он.

— Моя метка отключилась и твоя, если я правильно понимаю, тоже, — тоскливо ответила Лихо. — Если меня оставили в живых, а тебя и ходоков пустили на территорию, значит должно ещё что-то произойти. Так что нам остаётся только ждать.

Глава 29. То что не должно существовать

Буква не имел представления, откуда в подвале крепости взялся Хромой Юз. Но одно было понятно, он окончательно сошёл с ума. Юз всегда был человеком злым, неуравновешенным и нередко жестоким. Но сейчас, стоя на коленях на бетонном полу и с нездоровой улыбкой на лице ударяя кирпичом "чёрного", он перешёл на гораздо более высокий уровень безумия. Череп лютого раскололся надвое, лицо было вмято внутрь, а одно плечо размазано по полу, но Юз не останавливался. Всё бил и бил, забрызгивая себя кровью.

Буква осторожно переступил через тело только что убитого им крысы и приблизился к ходоку.

— Юз, — осторожно позвал он, но никакой реакции не последовало. — Юз, остановись.

Хромой замер с занесённым над лютым кирпичом. Он шумно выдохнул и поднялся на ноги. Так и остался стоять, не сводя глаз с убитого им Упыря.

— И что с тобой делать? — сам у себя спросил Янус.

Конечно, можно было просто оставить его здесь или пустить стрелу Хромому в сердце, но, видя воткнутую в плечо ходока метку, Буква понимал, что Юз попал сюда не случайно.

— Ладно. Возьму тебя с собой, только не буянь.

Хромой почти незаметно кивнул, словно слова водяного дошли до его разума.

Янус подошёл к металлической двери в дальнем углу подвала и достал из сумки планшет.Приходилось всё время коситься на Юза. Неровен час тот вновь войдёт в раж и бросится на него. Руки действовали стремительно, настолько Буква заучил объяснения Валевского. Он вызвал на экран планшета командную строку, ввёл необходимую команду, в появившемся окне набрал пароль, и дверь бесшумно отъехала в сторону.

Буква как зачарованный уставился на белоснежные стены лифта.

— Юз, иди сюда, — наконец позвал он.

Хромой подчинился. Как безвольная марионетка зашёл следом за Буквой в лифт и стал рядом. Никаких кнопок на стенах не было. Лифт был автоматическим. Двери тихо закрылись и кабина без рывков, с лёгким урчанием, поползла вниз. Только сейчас Буква обратил внимание, что Юз всё ещё держит в руке кирпич.

— Дайка его сюда.

Кирпич полетел в угол, но Хромой никак не отреагировал на отъём оружия.

Когда лифт остановился Янус не заметил. Просто-напросто в один момент дверные створки разъехались, и перед ходоками появился узкий с низким сводом коридор. Белые как и в лифте стены изобиловали дверьми, а на потолке тускло светили ряды мелких лампочек.

Пол уложенный квадратной плиткой был тёплым. Даже через тонкую подошву обуви Янус это почувствовал. Идти было приятно.

Буква заглянул через небольшие окошечки на дверях в несколько ближайших помещений, но освещение там было отключено и увидеть ровным счётом ничего не удалось. Никаких ручек или замков на дверях он не увидел. Можно было предположить, что они открывались так же как и лифт электронным ключом. Можно было бы покопаться в файлах на планшете. Наверняка, там есть не только пароль для входа в Аркс, но и для открытия внутренних помещений, но сейчас не стоило тратить драгоценное время. Снаружи его помощи ждали другие ходоки.

Буква откинул назад шляпу, стянул с лица шарф и, держа перед собой арбалет, быстро пошёл вперёд, больше не вглядываясь в примыкающие к коридору комнаты. На этот раз Юз не ждал команды, а безмолвной тенью направился следом.

Янус прокручивал в голове рассказы Валевского. Аркс имел четыре яруса. На самом верхнем, где сейчас они с Хромым и находились, располагались комнаты охраны, жилые комнаты обслуживающего персонала и некоторые складские помещения. Уровень ниже занимали лаборатории и жилища "двенадцатки". На третьем ярусе размещались технические помещения Аркса и склады с научным оборудованием. На четвёртом, самом нижнем, — находились проход через пещеры к Саду и главная лаборатория.

Три нижних яруса сейчас Букву волновали меньше всего. Куда больше его интересовал центр управления. Он находился в конце коридора на верхнем уровне. Одиннадцатая дверь по правой стороне.

Янус дошёл до восьмой и тихо выругался. Смотритель не мог не знать, что в Аркс проникли посторонние, но тогда почему они не встречают никаких препятствий на пути. Шалыгин мог хотя бы заблокировать их в лифте.

Прошли мимо девятой двери. Она тоже оказалась заперта. Неужели это и есть ловушка. Если все двери под замком, то выбраться отсюда будет невозможно. День-другой и Буква вместе с Юзом умрут от жажды, а может ещё и раньше перебьют друг друга.

Пробежали десятую дверь. До заветной, одиннадцатой, оставалось всего метров пять. Помимо пароля для входа в лифт Валевский сообщил ещё и пароль для двери в центр управления. Только эти циферки можно было изменить, и тогда все знания Буквы гроша ломанного не стоят.

— Стой тут, — шепнул Янус Юзу и уже в одиночку прокрался к заветной двери.

Она оказалась открыта, а внутри центра управления висел густой полумрак. Помещение было не большим. Напротив входа находилась ещё одна дверь, справа размещались стеллажи с папками и журналами и закрытый металлический шкаф. В нём, наверно, хранится огнестрельное оружие, подумал было Буква.

А вот слева вдоль стены тянулся ряд включённых компьютеров. Возле одного из них на стуле сидел Смотритель. Букву заинтересовало то, что отображал монитор напротив старика. Изображение на экран передавалось с беспилотника, кружащего на большой высоте над крепостью, но, не взирая на мелочность картинки, Янус сразу узнал Тумана, Чижа, Ив, Ветра и Крепа. Ходоки убегали от разъярённых крыс. Шалыгин периодически нажимал пальцем на экран, и тогда кто-то из ходоков начинал светится зелёным светом.

— Подожди минутку, — неожиданно сказал старик.

Буква замотал головой. Неужели в помещении есть ещё кто-то?

— Я отмечаю твоих друзей для системы безопасности, — добавил Смотритель.

Обращался он именно к водяному.

— Арбалет можешь опустить. Здесь для тебя нет никакой угрозы.

На экране Шалыгин подсветил ни только ходоков, но и отметил Лихо и одного из крыс.

— Что ты делаешь? — прервал молчание Янус.

— А как по-твоему система безопасность может понять, кого убивать, а кого нет?

А ведь и правда — как? Буква так стремился включить её, но ни разу не подумал, что компьютер не различит ходока от крысы или псевдо. К Арксу просто-напросто никто бы не смог подойти. Но тогда становилось непонятно, почему Валевский об этом умолчал. А ведь если подумать, он многое не договорил.

Смотритель провёл ещё несколько манипуляций на экране. Потом пробежался пальцами по клавиатуре. Буква всё это время не сводил глаз со своих товарищей. Он даже не заметил, как рядом появился Юз. Зато, когда на экране ярким взрывом разорвало Гуля на части, Янус вздрогнул.

— Своих в расход пускаешь? — не сдержал вопроса он.

Стул развернулся, и Янус смог воочию лицезреть Смотрителя. Старик был худым и костлявым, словно питался одной водой. Под красными глазами висели синие мешки вечного недосыпания. Нижняя губа беспрестанно дрожала, так же как и лежащие на подлокотниках руки. Шалыгин угасал. Буква не знал это наверняка, но от старика пахло смертью.

— Своих? Лютые, будь у них возможность, сами бы мне шею давно свернули, — ворчливо сказал он. — Они должны были не кромсать всех направо и налево, а не позволить никому из живых заселиться возле крепости. Вместо этого Князь затеял передел власти. Дурак... Лютые совсем слетели с катушек! Ещё с Лихо можно говорить, а остальные...

Смотритель расписывал лютых самыми скверными словами. Буква в это время начал кружить по комнате. Всё точь-в-точь как описывал Валевский.

Шалыгин начал кричать, а Янус решил наконец его усмирить. Всё же не старческий трёп он явился сюда слушать.

Ходок приблизился к старику и нанёс ему несильную пощёчину. Смотритель сразу замолчал.

Буква оттолкнул стул. Дальше началась столь непривычная работа на компьютере. Янус ожидал, что все его действия вызовут бурю

негодования и злости у Смотрителя. Сейчас старик начнёт его поучать и попытается помешать, но Шалыгин с нескрываемым любопытством следил за всеми его действиями. Когда на экране монитора появилась надпись: "Такой команды не существует", — Буква понял, Смотритель знал, что ничего у него не получится.

— И что ты пытался сделать? — беззлобно спросил Шалыгин.

— Какой командой активируется купол? — вопросом на вопрос ответил Буква и нацелил арбалет в голову Смотрителя.

— Никакой, — спокойно, словно и не было перед лицом острой стрелы, сказал Шалыгин. — Компьютер регулирует то, что связанно с Арксом: метки лютых, систему обороны, летающие над городом дроны, спутник на орбите, — но он ни черта не может сделать с псевдо.

— Валевский говорил...

— Валевский говорил то, что нужно было сказать, чтобы ты сюда явился, — перебил водяного старик.

Буква попятился. Предчувствия его не обманули. Валевский всё это время врал, чтобы заманить его сюда. Узнать бы только — зачем?

— Я могу понять, тебе не нравится, что тобой манипулировали. И ты хочешь отсюда уйти...

— Нет, — ответил Буква. — Уходить я не собираюсь. По крайней мере, пока не узнаю для чего всё это затевалось.

Смотритель заулыбался и медленно поднялся со своего стула. Встать ему удалось с трудом, но ещё больше сил потребовалось, чтобы устоять на ногах. Шалыгин качнулся, а стул, о который он опирался, начал поворачиваться. Смотритель не вскрикнул, а застонал, когда понял, что ещё секунда и он грохнется на пол.

Буква среагировал быстро. Опустил арбалет, тот на лямке повис на плече, и схватил старика под руки.

— Все ответы находятся ниже. Зачем ты здесь, что происходит с миром, как помочь твоим друзьям — всё там. Тебе, мой любопытный друг, нужно просто пойти туда со мной.

Слова Смотрителя звучали как очередная приманка. Он как и Валевский пытался использовать любопытство Януса против его самого.

— Идём, Янус, пока я ещё могу идти.

Смотритель вырвался из рук ходока и неуклюже затопал к двери.

— Юза не забудь. Он нам нужен.

Шалыгин не сомневался, Буква пойдёт следом и не только потому, что выбраться из Аркса он сам не сумеет, но и потому, что не захочет упустить шанс узнать самую большую тайну человечества.

Буква ухватил Хромого за локоть и потащил к двери.

Пока они шли по коридору, спускались на четвёртый ярус на лифте, а потом сырыми проходами в камне шли к Саду, Смотритель не произнёс ни слова. Даже когда ступили в громадную пещеру, он ещё долго хранил молчание.

В центре пещеры возвышался чёрный куб. Стены, пол и потолок были покрыты жёлтой полупрозрачной травой. Всюду торчали причудливые деревья такого же цвета. Они свисали с потолка, кронами соединялись с деревьями на полу и оплетали куб. Одно из деревьев на глазах изумлённого ходока сорвалось со свода пещеры, бесшумно упало на траву и потоками жёлтого света смешалось с ней.

Сад стремительно изменялся. То тут то там исчезали густые заросли, на их месте кустились новые. Сад тускнел, потом вспыхивал ярче прежнего. Бросал волны света то в одну сторону то в другую. Всё вокруг кружилось, переворачивалось, исчезало и появлялось вновь, только куб был постоянен.

Воздух был тёплым. Буква присел на корточки и поднёс руки к травинкам у своих ног. Пальцы ощутили лёгкий жар, словно под рукой были тлеющие угольки. Янус попытался коснуться Сада, но травинки тут же расплылись в разные стороны, образовав вокруг его руки островок голого камня.

— Что это? — прошептал водяной.

— Это Сад — источник изменений и прародитель всей жизни на Земле, —ответил Смотритель.

Голос его изменился. Стал бодрей и звонче, словно и не дряхлый старик говорил.

Янус обернулся. Шалыгин сидел на камнях и ярко светился. Его конечности обволакивали длинные травинки. Рядом с ним умиратворённо лежал Юз, почти полностью окутанный Садом.

— То что ты здесь видишь — это лишь небольшая часть. Сад пронизывает всю планету, и был он здесь всегда. "Двенадцатка", это головастое дурачьё, считают, что сама планета сформировалась вокруг куба. Наверное, это самая умная их мысль.

— За что ты их не любишь? — задал вопрос Буква. — Они учёные. Они хотят понять происходящее.

— Они не хотят его понять, они хотят его использовать, и пример тому — лютые. Да и не способны они ни черта понять. Как может один кирпичик ощутить величие замка, частью которого он является?

Буква почувствовал, как по ноге что-то ползёт. Тёплое, щекочущее и приятное. Янус попытался сдвинуться с места, но ноги стали невероятно тяжёлыми. Сад двигался быстро. Прошло всего пару секунд, а трава добралась до шеи. Но Букве не было страшно. На ходока нахлынула безмятежная эйфоря, будто кто-то тихо и ласково нашептывает на ушко: "Бояться нечего. Скоро тебе откроются ответы на все вопросы. Всё обретёт смысл, а мир станет ярким и красивым".

Когда Сад прикрыл глаза ходоку, Янус улыбался.

Мир вокруг исчез. Взамен ему из ниоткуда хлынул поток новых знаний — чужих, непонятных, но завораживающих. Они накрыли ходока на мгновение, а потом отступили, оставив лишь небольшую частичку в разуме Януса, словно волна накрывает берег, смачивает песок и вновь уходит в океан.

"Двенадцатка" не ошибалась. Сад был здесь со времён сотворения вселенной. Именно он запустил процессы, приведшие к зарождению жизни и разума на Земле. Сад не просто был родителем человечества, он ещё и воспитывал его. Направлял цивилизации в нужное русло развития, уничтожал те, которые сбивались с пути. Воздействуя на отдельных людей и на окружающую среду, Сад разжигал войны, расселял народы, уничтожал целые нации, создавал на Земле райские места и адские уголки, рушил старые города и возводил новые. Для достижения конечной цели Саду нужны были определённые люди и определённая цивилизация. За миллионы лет разрушения и созидания он добился нужного результата и сейчас вышел на финальную прямую. Из созданных им простых материалов он собирал нечто более сложное, но что — Янус не знал. Сад не дал ответа на этот вопрос, лишь подарил ощущение величия грядущего.

Следом за знаниями Сада появились чужие воспоминания. Детство в деревне, школа, первая любовь, институт, свадьба, развод, работа в лаборатории, бессчётное количество бессонных ночей, находка Сада и строительство Аркса — всё это рухнуло на Януса тяжёлым пластом и тут же само собой рассортировалось "по

полочкам". Не было мешанины своих и чужих мыслей. Всё казалось ясным и отделимым друг от друга. Воспоминания полученные Янусом оказались жизнью Шалыгина.

Старик знал мало, в сравнении с только что обретёнными Буквой знаниями, но всё же было любопытно покопаться в его голове.

Сад был найден задолго до Шабаша. Ещё во времена СССР, когда на месте Старопесковска стояла захудалая деревенька, маленький мальчик Юрочка Князев отыскал в лесу светящееся дерево. Что с мальчиком произошло при контакте с этим чудом, можно было лишь догадываться. Князев никогда не рассказывал какие видения ему послал Сад. По крайней мере это не было известно Шалыгину. Но после загадочной встречи Князев посветил свою жизнь расширению Старопесковска, строительству Аркса и изучению Сада.

Сам Шалыгин был уверен — не имело значения, что Сад показал Князеву, важен был результат. А результатом стал возведённый на месте маленькой деревушки город с многотысячным населением.

Воспоминаний было много. Буква копался в них словно в горе принесённых ходоками вещей. Что-то было интересным, иные оказывались пустышкой, а некоторые должны были шокировать. Как оказалось, Янус был не первым ходоком, посланным Валевским в Аркс, и даже не десятым. До него к Смотрителю честный и добрый глава Тихих вод под разными предлогами отправил двадцать три человека. Большинству даже не удалось добраться до крепости. Лишь семеро водяных посетили Шалыгина, но после контакта с Садом выжил всего один ходок. Хотя, глядя на тот, как он гадил под себя и пускал слюни, даже Шалыгин желал ему смерти.

Смотритель был слаб. Он был обычным человеком, не способным выдержать возложенных на него Садом обязанностей. Валевский остался в городе для того, чтобы отыскать ему замену среди тех, кто родится после Шабаша. Все его россказни о жалости к людям и о попытках им помочь, были лишь хитрой ложью.

Копания в воспоминаниях Шалыгина были прерваны очередным потоком информации. Стала понятна роль самого Буквы во всём происходящем.

Невзирая на мощь и силу Сада, после Шабаша появились лешие — непонятная и невозможная аномалия. Сад не то что не мог

воздействовать на них, но даже оказался не способен распознать, что они такое.

Буква должен стать лекарством от болезни под названием — лешие. Найти их источник, узнать механизм и причины появления и тогда уничтожить, не оставив и следа.

Следующей волной нахлынули мысли Хромого. Все знания, подаренные Букве Садом и Смотрителем, вызывали удивление и трепет, но воспоминания Юза, отозвались в Янусе непониманием. Буква никогда не мог представить, что у грубого и наглого ходока так много чувств и эмоций клокочет внутри. Восторг при виде колышущихся на ветру деревьев на окраине города, радость и успокоение во время купания в прохладных водах реки, братская любовь к Егозе, жалость к другим ходокам и домушникам — Юз был переполнен скрытыми эмоциями.

Но на этом неожиданности не закончились. Хромой был лешим, и не единственным в рядах городовых. Буква зарылся глубже в его воспоминания. Он отбрасывал неважные, заострял внимание на интересных, а потом, разочаровавшись, отшвыривал и их. Янус долго рылся в памяти Юза, и, наконец, его усилия были вознаграждены. Он отыскал ответ на волновавший Сад вопрос и теперь знал кто такие лешие.

Травы отпустили Януса. Он разлепил глаза и провёл рукой по лицу. "Мёртвая" часть ожила. Она слегка подёргивалась и чесалась.

Бездыханные Шалыгин и Хромой Юз лежали у стены пещеры. Они выполнили своё предназначение, и теперь очередь Буквы вступить в борьбу.

Сад ведёт человечество к великому будущему, а лешие способны сбросить его в бездну, в которой не будет ни цели, ни смысла. Кто они такие Буква теперь знал, но откуда взялись, Хромому Юзу не было известно. Ответ на этот вопрос можно отыскать лишь в лесах, там где обитают лешие.

Янус мысленно растворился в воздухе. Проник в каждое зерно Сада в округе и приказал отрешённым уходить, а пастухов и гончих направил к Аркусу. Для войны с лешими нужна армия.

Он осмотрелся вокруг крепости. Во дворе собралась интересная компания: четверо театральщиков, водяной, лютая и крыса. Янус знал всех, и теперь догадался, зачем Шалыгин оставил их в живых. Буква

усыпил зёрна, остановив все изменения в этом районе города. Для его армии понадобятся не только бездумные псевдо, но и хитрые и умные командиры.

Глава 30. Люди и нелюди

После ухода водяных, Егоза ещё некоторое время бездумно пялилась на отрешённых и Вестника. Чувства полыхавшие внутри девушки можно было описать одним словом — буря. Злость, негодование, страх, боль — всё смешалось. Хотелось схватить оружие и напасть на псевдо. Выскочить из окна прямо им на головы, а потом бить и бить, лишь бы добраться до Вестника. Но она сдерживалась. Пыталась унять горе и совладать со своими мыслями.

Егоза запустила руку в карман и достала запрятанный в его недрах чёрный уголёк. Дрожащей рукой она начала водить им по лицу, медленно вырисовывая замысловатые фигуры. К своему стыду Егоза не могла вспомнить, как выглядит полный защитный рисунок. В уме всё время всплывал лишь его фрагмент, та часть которая позволяла без опаски ходить днём.

Рядом не было ничего, что могло послужить зеркалом, и поэтому рисовать приходилось медленно и вслепую, надеясь лишь на крепость рук и память.

В один момент девушка почувствовала, как по телу пробежал лёгкий холодок. Это значило, что символ был начертан правильно и уже начал действовать.

Егоза рванула прочь из склада.

Она долго кружила вокруг пленившей Вестника толпы псевдо, надеясь отыскать хоть небольшую прореху, но всё было тщетно. Можно было попытаться пробиться силой, но рядом недвижимым колосом стоял пастух, и стоило зацепить отрешённых, гигант пойдёт в атаку.

День пережил полдень, а ничего путного Егоза так и не придумала.

Уставшая девушка села на асфальт всего в паре метров от псевдо, и в этот момент пастух зашевелился. Он неожиданно встрепенулся и спешно зашагал в сторону крепости. Пришли в движение и отрешённые. Словно птицы, чувствуя опасность, синхронно взмывают в небо, так и они единым порывом заторопились покинуть площадку возле склада.

Удивлённая Егоза только успела вскочить, как оказалась в окружении отрешённых. Они касались её, невзначай толкали, но не останавливались и не пытались схватить. Псевдо уходили прочь. Егоза сжалась, пытаясь отстраниться от неприятных прикосновений, и неторопливо двинулась к Вестнику. Ей было всё равно, почему они уходят. Главное — спасти возлюбленного.

Водяной лежал на асфальте. Он был живой, но дышал медленно. Егоза упала рядом с ним на колени, обняла, заплакал, затрясла за плечи, а потом неожиданно отпрянула. Вестник слишком много времени провёл на свету и неизвестно, как поведёт себя, когда придёт в сознание. Если он стал бесноватым, то с лёгкостью свернёт ей шею.

Егоза накрыла Вестника плащом, а сама побежала назад на склад. План дальнейших действий созрел сам собой. Нужно было отыскать что-то, чем можно связать Вестника. Эту проблему помог решить мёртвый Изверг. Как оказалось, костюмы "чёрных" изобиловали скрытыми карманами. Помимо плоской фляги с водой, аптечки, пары ножей и комплекта сухого пайка у лютого отыскались пластиковые хомуты, которыми удалось стянуть руки и ноги ходоку. Егоза связала углы плаща между собой, перевалила Вестника на импровизированную волокушу и обвязала ему вокруг груди два нижних края плаща. Теперь можно было заняться собой. С разрисованным лицом идти через город нельзя, вдруг встретятся крысы или другие ходоки, а без защитных символов она вновь станет уязвима для света.

Егоза вытерла тряпкой лицо, а потом основательно закуталась.

Девушка закинула на плечи узлы волокуши и поволокла Вестника в "Приют тётушки Лизы".

Город оказался на её стороне. Егоза шла по открытым улицам. Волочиться через дома у неё не было ни времени ни сил. И за весь пройдённый путь она повстречала лишь несколько небольших групп отрешённых, которые удалось легко обойти.

На подходе к приюту, а было это уже ближе к полуночи, Егоза беспрестанно плакала, как не странно, но от слёз становилось легче. Тратя последние силы, она заволокла Вестника в здание, но на обжитые этажи поднять не смогла, а оставила в одной из небольших комнатушек рядом со входом. Потом прошлась по окраине леса за приютом и насобирала дров. Недолго постояла над могилой тётушки.

Тётя Лиза была хорошей. Её все ходоки любили. Но почти никто из них не знал, что тётушкин приют был перевалочным пунктом между лешими и их разбросанными по общинам разведчиками. Тётушка не была лешей. Она всей душой переживала за жителей Старопесковска, поэтому отказалась уходить в лес.

Похоронили её Вестник и Креп. Вот только среди городовых никто не ставил на могилах кресты, да и могил почти не было. Верующих в Бога в Старопесковске не осталось. А сейчас на маленькой насыпи высился аккуратный деревянный крест. Егоза была уверенна, что его установили лешие.

Неподалёку от могилы она развела костёр и в метре от него воткнула в землю факел. Возле приюта всегда дежурил кто-то из лесных жителей, так что сигнал о помощи не останется незамеченным. Нужно лишь немного подождать.

Егоза возвратилась к Вестнику, легла рядом с ним на пол и тут же уснула.

***

Тимоха так и не добрался до Южной. Южане сами нашли его, и были они не одни.

Спасшие мальчугана лешие оказались всего лишь разведывательной группой, шедшей впереди основного отряда. Войско, а в глазах Вьюна десятка два южан и леших выглядело именно войском, шло быстро, не опасаясь привлечь внимание гончих или крыс. Первых без особых усилий разгоняли жители леса, а вторые и вовсе на пути не встречались.

Разведчики быстро возвратился к основному отряду и передали раненного Вьюна одной из женщин. Глядя на её раскрашенное лицо и широкую улыбку, Вьюн понял, что первоначальный страх перед лешими отступил. Невзирая на постоянную боль, им завладело любопытство. Кто бы что из городовых не рассказывал, но лешие не выглядели злыми. Женщину звали Людмила, и пока она осматривала ногу мальчика, он беспрестанно крутил головой из стороны в сторону.

Различия между лешими и южанами были броскими. Городовые носили много раз латанную и штопанную одежду, в то время как на леших были хоть и грубые, но явно новые вещи. Ко всему прочему лешие одевались проще и не навешивали на себя длинных плащей,

балаклав, широкополых шляп и тёмных очков. Но самым главным отличием было изобилие рисунков на лицах леших.

Вьюн лежал на земле, и пока разглядывал свою новую компанию, сзади подошёл один из леших и приложил к его рту и носу смоченную чем-то вонючим тряпку. Тимоха задёргался, но крепкие руки прижали его к земле. Глаза начали сами по себе закрываться, а окружающие звуки стихать.

"Неужели они меня травят!" — промчалась в голове тревожная мысль, и Вьюн провалился в небытие.

Когда Тимоха очнулся, то обнаружил себя на носилках. Отряд быстро двигался по улице, а его несли двое южан.

Рядом шла Людмила. Увидев, что маленький водяной пришёл в сознание, она улыбнулась и протянула ему флягу с водой.

— Пей!

Руки мальчика дрожали, а фляга казалась невероятно тяжёлой.

— Усталость скоро пройдёт, — словно прочитав его мысли, сказала Людмила. — Это из-за раствора, которым мы тебя усыпили.

Когда Вьюн напился, лешая дала ему ломтик хлеба и кусочек вяленого мяса. Завидев всю эту вкуснятину, Тимоха ощутил насколько проголодался. Но долг перед друзьями переборол голод. Тимоха вспомнил, зачем шёл в Южную.

Забыв про все раны, он соскочил с носилок... и тут же скрючился на земле. Лежать без движения было хорошо, но как только он стал на зафиксированную дощечками и плотно перемотанную ногу, тут же ощутил невыносимую боль. Тимоха плотно сжал зубы, но не закричал.

— Дурачок. Хочешь, чтобы кость назад вылезла?

Людмила помогла ему подняться и устоять на здоровой ноге, а один из нёсших носилки южан подсунул под руку мальчика костыль.

— Мне нужно в Южную, к Кариму Самаеву, — натужно прошептал Вьюн.

— Срочно? — с лёгкой иронией спросила лешая.

Тимоха кивнул.

— Ладно, идём. Тут твой Самаев.

Старика найти удалось быстро. Он был впереди отряда и, когда мальчуган со своей новой знакомой подошли ближе, о чём-то спорил с одним из леших. Людмила окликнула его, и Вьюн начал свой рассказ. Самаев слушал с интересом и не перебивал. Тимоха боялся забыть что-

нибудь важное, оттого часто повторялся или перескакивал с одного события на другое. Когда же Вьюн напомнил главе южан о долге Валевскому, на лице старика мелькнуло удивление.

Спокойно выслушав всю его тираду, Самаев похлопал мальчика по спине.

— Мы сделаем всё что возможно, чтобы помочь твоим друзьям, а ты теперь держись ближе к Людмиле. Она хорошая, в обиду не даст, — сказал он и вновь начал спорить с лешим.

Людмила и вправду оказалась доброй и разговорчивой женщиной, а для любопытного Вьюна большего и не требовалось.

По пути к крепости они говорили о многом. Вначале Людмила пыталась расспрашивать Вьюна о его жизни, но тот отвечал с неохотой. Зато сам забрасывал её вопросами. Что вы делаете в лесу? Почему сейчас вышли в город? Чем питаетесь? Почему не боитесь солнца и псевдо? Что вас связывает с Южанами? Почему из ушедших в лес никто никогда не возвращался назад? Вопросы летели один за одним, и Людмила сдалась. Она начала отвечать, только попросила Тимоху не торопиться и не валить на неё всё скопом.

— Кто вы? — задал вопрос Тимоха.

— Мы — люди.

Такой ответ никак не мог удовлетворить любопытство мальчугана.

— Мы тоже люди, но мы не такие как вы. И люди гибнут под солнцем, а вы же его не боитесь.

— Мне жаль, Тимоха, но городовые уже не люди, а псевдо. Хотя и сами этого не понимают, — ответила Людмила. — Изменения в вас идут постоянно, только в темноте они замедляются. Мы же прежние, такие какими были до Шабаша, и не зависим от Сада.

— Сад? Какой ещё Сад?

— Тебе Буква про Аркс рассказывал?

— Да.

— Под Арксом находится Сад. Что он из себя представляет, не спрашивай. Я его не видела. Но именно Сад превращает людей в псевдо.

— Я думал, во всём виновато Солнце, — удивлённо сказал Тимоха.

— Нет. Вокруг и внутри нас находятся зёрна Сада. Они очень-очень маленькие, незаметные. Солнечный свет лишь даёт им энергию

для того, чтобы проводить перестройку этого мира. Для Сада городовые лишь материал для строительства.

Тимоха на некоторое время замолчал, а потом неуверенно спросил:

— А что строит этот Сад?

Людмила пожала плечами.

— Я не знаю.

— Почему вы не изменяетесь? Это из-за рисунков?

Тимоха помахал рукой перед её лицом.

— Сам догадался?

— Ага.

— Ты прав, из-за рисунков. Но остальное — это секрет. — Людмила хитра подмигнула Тимохе. — Может когда-нибудь ты и узнаешь, но не сейчас. Ты спрашивал, почему никто из ушедших в лес городовых не возвращался? В некоторых случаях мы можем остановить изменения и даже обратить их вспять, если они зашли не слишком далеко. Те городовые, которые смогли побороть зреющего внутри псевдо, присоединялись к нам и уже сами не хотели возвращаться в город, а те, кто не выдерживали — умирали.

— Неужели жить в лесу настолько лучше чем в городе, — усомнился Вьюн.

— Города строились не для нас, — ответила Людмила.

— А для кого? Для псевдо что ли? Города ведь люди строили.

— Для Сада люди и города лишь средство достижения цели. Кирпичики, из которых он строит. А мы хотим жить для себя, а не для целей Сада, какими бы они не были.

Тимоха задумался. В который раз за последние дни всё переворачивалось вверх дном.

— А что строит Сад?

— Ты меня подловить пытаешься? Я ведь уже говорила — не знаю, — спокойно ответила Людмила.

Вьюн ей не поверил. Ничего в голосе женщины не дрогнуло, глазом в сторону не повела, но мальчуган чувствовал, что она сейчас сказала не правду. Он хотел задать следующий вопрос, но лешая не позволила.

— Всё, Тимоша, мы недалеко от крепости. Теперь играем в молчанку.

Отряд остановился на холме, как раз на том месте с которого совсем недавно Туман и Ветер шли тараном на крыс. Южане и лешие разбрелись по округе, а Тимоха проследовал за Людмилой на второй этаж одного из ближайших домов. Там на широком балконе уже находились Самаев и его давешний оппонент по спору. Как узнал Тимоха от Людмилы звали его Василием.

Южанин и леший стояли у самого края балкона. Тимоха близко подходить не стал. Но и не особо отдалялся. Хотелось, не привлекая к себе излишнего внимания, послушать, о чём они будут говорить.

— Ну что там? — спросила Людмила.

— Опоздали, — пробурчал Самаев.

Василий протянул ей бинокль и добавил:

— Можешь взглянуть. Включена система обороны. Дом закрыт наглухо, а во дворе собрались ходоки, крыса и лютая. Буква им проповедь читает.

Людмила прильнула к биноклю и спросила:

— Может, Янус ещё не спускался к Саду?

— Спускался, — быстро ответил Василий.

В его голосе чувствовалась жалость.

— У него половина лица была парализована, а сейчас посмотри, как кривляется. И это ещё не всё. Пробегись взглядом по округе. Среди домов шныряют гончие, а в конце улицы маячит пастух. Восстановить лицо Букве мог только Сад, а пригнать гончих и пастуха — только полноценный Смотритель. Старику такой трюк был не по силам.

Самаев грохнул ладонью по перилам балкону, да так что те зазвенели словно колокол.

— Я говорил, нужно было ходоков давно остановить, — раздражённо пробурчал он.

Василий вздохнул.

— Мы с тобой столько раз это обсуждали, а ты всё одно и тоже талдычишь. Людочка, ну скажи ему, что не нужно было их останавливать и сюда не нужно было идти.

— Ненужно было, — согласилась та.

— Зачем шли тогда? — не унимался южанин.

Василий положил руку ему на плечо.

— Чтобы тебя, старого дурака, от ошибок уберечь. Повторюсь в сотый раз, в Аркс мы всё равно бы не попали. Ну убил бы ты Букву и

что? Ему бы нашлась замена, а врага надо знать в лицо.

Тимоха попятился. Он не мог поверить в услышанное. Как можно замышлять убийство Януса? И почему он враг? Вьюн зацепился костылём за старый табурет и грохнулся на него мягким местом. Трухлявая древесина под весом мальчика рассыпалась на куски.

На шум обернулись южанин и лешие.

— Неприятно это слышать? Да, малыш? — беззлобно сказал Василий.

— Зачем убивать Букву? — не вставая с пола, спросил Вьюн.

— Я с ним поговорю, — сказала Людмила мужчинам.

Самаев и Василий вновь повернулись к крепости, а женщина подошла к мальчугану и протянула ему руку.

— Вставай, горе луковое.

Как не странно, но такое обращение обидело Вьюна, и он не стал пользоваться помощью лешей, а, опираясь на костыль, поднялся сам.

— Зачем убивать Букву? — повторил он вопрос.

— Тимоша, да пойми, городовые изменены зёрнами. И друг твой тоже. Он уже другой. Букве сейчас не важны люди, для него главное — служить Саду. Понимаешь, Саду нужна сила, чтобы истребить нас. Янус такой силой и стал.

Можно было ей не верить. Можно было закричать: "Враньё — это всё! — и рвануть прочь. Убежать к Букве. Вьюн чувствовал, поступи он так его никто не станет останавливать. Но за свою короткую жизнь он ни единожды видел, как люди меняются чуть ли не мгновенно. Превращаются из добрых друзей в злобных псевдо.

— У Сада есть пастухи и гончие. Почему их не натравить на вас? — чуть успокоившись спросил он.

— Нас остановить не так просто, Тимоша.

Людмила обняла мальчика. Ему было непривычно. Вьюн никогда раньше не чувствовал такой нежности и теплоты. Ведь если верить лешим, сегодня он впервые встретил настоящих людей.

— Мы скоро уходим назад в лес, — неожиданно сказала Людмила. — Если хочешь, можешь идти с нами. Если нет — ты свободен уйти. Никто тебя останавливать не станет.

— Зачем я вам? Я ведь тоже стану псевдо? — Тимоха боялся этого вопроса, но и не задать его не мог. — Ты сама сказала — все меняются.

— Дети больше взрослых восприимчивы к изменениям, но и остановить их в твоём возрасте проще всего. Ещё не всё потеряно, Тимоша.

Вьюн прижался к ней крепче и впервые в жизни заплакал не от боли.

***

Янус говорил долго, и по какой-то неведомой причине его никто не перебивал. Лихо и Хмель сидели на пороге, Буква стоял рядом, а ходоки переместились ближе к дому, из уютной тени — на солнце. Было страшно выходить на свет, но Янус сразу заверил, что теперь им ничего не угрожает.

Смотритель рассказывал о Саде, о человечестве и о смысле его существования. Перед ним были не рядовые бойцы, как шныряющее за забором крысы или гончие, а командиры. Они должны знать правду. Каждый из них потерял кого-то близкого в конфликте с псевдо и лютыми. Теперь главное, чтобы они осознали, что эти горькие потери были горькими только из-за непонимания. На самом деле всё произошедшее было очередным шагом к великому будущему. Всё что было после Шабаша — это не гибель человечества, а его преображение.

Несложно было догадаться, как воспринимали его рассказ слушатели. Лихо была спокойна. В отличие от остальных она знала о существовании Сада и известие о не бесцельности изменений восприняла без особых эмоций. Наверняка и раньше догадывалась, что ничего случайного в мире не происходило. Лицо Хмеля выражало некоторую долю безразличия. Он был материалистом, и высокопарные слова для крысы имели малое значение. А вот ходоки всецело приняли сторону Януса. Каждый из них получил то, что хотел. Кто — месть, кто — приключения, а все — место под солнцем в новой общине. Кроме этого Смотритель давал надежду. Обещал не извечное выживание в заселённом псевдо городе, а наполненную смыслом жизнь.

Один вопрос так и витал среди ходоков, и озвучить его осмелился Чиж.

— Так чем мы станем? — спросил он.

Сознаваться в незнании Буква не стал, а поделился тем, во что верил.

— Мы лёгкие штрихи на картине мироздания, и когда Сад правильно разместит нас на полотне, то на свет родится шедевр. Мы станем Богом.

Эпилог.

Волге не было дела до всех перипетий городских жителей, будь то люди или псевдо. Ходоки сражались, убегали, умирали, а река жила без перемен. Что ей до будней торопливых и вечно занятых двуногих? Волга выходила из леса, прямым руслом проносилась через город и вновь укрывалась среди деревьев. Что бы не происходило в Старопесковске, голубые воды с прежней непоколебимостью укрывали снующую у дна и ближе к поверхности рыбу, омывали где резкие, а где и пологие берега, гнали быстрые волны или покоились гладью. Её существование было нерушимо постоянным, и лишь за редким случаем кто-нибудь посторонний разрушал эту идиллию...

В ночь после становления Януса Буквы как нового Смотрителя Сада, из леса в Старопесковск по Волге приплыла лодка. Она пришла по течению, и принесла одного единственного пассажира. Одет он был подстать крысам, одежды рваные и грязные, да и лицо ничем не отличалось от бандитского — наглое, уставшее и злое. Путешественник то налегал на вёсла, то отпускал их и начинал чугунной кружкой вычерпывать со дна лодки воду.

Из леса лодка вышла, двигаясь по середине реки, но как только деревья на берегу сменились домами, путешественник сразу направил её к берегу. Нос уткнулся в илистое дно всего в паре метров от твёрдой и сухой земли. Путешественник отбросил кружку в воду, а с банки схватил рюкзак с провиантом и швырнул его на берег. После шагнул за борт и выволок из лодки деревянный ящик. Судя по тому как лодка сразу же приподнялась, а лицо мужчины напряглось, груз был тяжёлым. Ящик на половину ушёл под воду и увяз в иле, но путешественник не сдавался. Кряхтел, спотыкался и сам падал в воду, но сантиметр за сантиметром продвигался вперёд, и вскоре его усилия были вознаграждены. Он почувствовал под ногами твёрдую почву, прошёл ещё пару метров, чтобы и ящик оказался на земле и лишь тогда отпустил свой груз, а сам уселся рядом. Лодку же волной оторвало от берега и понесло прочь.

Путешественник поставил на ящик маленький фонарик, а из рюкзака достал флягу с водой и несколько кусочков вяленого мяса.

Путь был долгим, теперь можно было и подкрепиться.

Прошло пару минут, и из темноты к тусклому огоньку вышел ещё один человек. Им оказался никто иной как убитый Князем Сергей Николаевич Валевский. Он опустился рядом с гостем Старопесковска. Тот даже не дёрнулся, а продолжал, не спеша и хладнокровно, пережёвывать еду.

— Я вас уже заждался, — проговорил Сергей Николаевич.

— Ну извини, Увалень, ветра попутного не было, — с издёвкой в голосе ответил путешественник.

— Да не нервничай, Чайка. Это я так... Как приветствие сказал. Кушай спокойно и не обращай внимание на мой бубнёж. Понимаю, что дорога была длинной, — примирительно сказал Валевский и спросил. — Чего сам? Где вторая лодка?

— Прошлой ночью шли на сужении русла, и её лешие достали, — ответил Чайка. — Эти суки никому даже с воды выбраться не дали.

— Жаль, — печально вздохнул Увалень и погладил рукой ящик. — Главное — что ты груз привёз.

— Привёз, — согласился Чайка. — Получите и распишитесь — пятьдесят килограмм обогащённого урана. Вот только как ты к Саду бомбу доставишь?

— Это уже мои заботы, — отмахнулся Валевский. — Ты отдыхай. Скоро мои люди подойдут.

Чайка отхлебнул воды из фляги и завалился на бок. Сил идти куда-либо дальше от берега не было. Нужно хотя бы часок вздремнуть.

Перед тем как провалиться в сон он успел подумать:

"Работал дворником, слесарем, плотником и автомехаником, но никогда не мог и представить, что придётся возить по Волге атомную бомбу".